P6 6/2792

A5L

НЕ КОПИРОВАТЬ

Р 6/2792

С. Г. Сватиковъ.

Донской Войсковой Кругъ.

(1549–1917).

2742

Отд. оттискъ
изъ „Донской Лѣтописи"
№ 1
с. 96 (169–265).

Вѣна
1923.

Листов печатных
Выпуск
17

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ описка и порядковый	1940
17							128/176.	

16/1 —100000

Р 6. 27912
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
и 7202-08
2007335800
ПОГАШЕНО
Государственная ордена Ленина им. В. И. Ленина
РБ
Руб 2911

ДОНСКОЙ ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ.

(1549—1917)

Глава I.

Войсковой кругъ въ 1549—1721 г.

Войско Донское возникло триста семьдесятъ пятъ лѣтъ тому назадъ (около 1549 года). Какъ видно изъ самого имени, это была прежде всего организація военнаго характера («войско»). Въ соціальномъ отношеніи, это была община, обладавшая общимъ имуществомъ (землями, рѣками, угодьями и другимъ добромъ). Въ политическомъ же отношеніи это было — государство.

Первобытны и грубы были формы этого государства. Не слишкомъ значительно было сначала число гражданъ этого государства. Одна лишь территорія Войска Донского довольно значительна уже въ самомъ началѣ его государственнаго существованія.

Но историкъ государственнаго права не можетъ пройти безъ вниманія исторіи казачьихъ республикъ, возникшихъ въ XVI вѣкѣ на Дону, Волгѣ, Терекѣ и Яикѣ, и вошедшихъ постепенно въ составъ Россійскаго государства. Историки излагаютъ подробно устройство демократій античнаго мира, республикъ итальянскаго и германскаго средневѣковья. Теоретики государственнаго права не забываютъ упомянуть о непосредственныхъ демократіяхъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи. Исторія государственныхъ учрежденій Дона заслуживаетъ не меньшаго вниманія.

Войско Донское было вольной колоніей русскаго народа, основанной донскими казаками. Это были вольные люди, воины и промышленники (охотники и рыболовы), уходившіе изъ «украинныхъ» земель Московскаго Государства въ Дикое Поле, на Донъ и «запольныя рѣки» — бить звѣря, ловить рыбу и искать добычи въ чистомъ полѣ, бродившіе по степному приволью «станицами» и «ватагами». Около 1549 г., извѣстное число вольнаго казачества, сошедшееся въ одномъ мѣстѣ, ради общей цѣли — борьбы съ общимъ врагомъ, степными хищниками, — сплотилось въ единую военную, государственную и общественную организацію и осѣло на землю. Вѣроятнѣе всего, что цѣлью военнаго объединенія отдѣльныхъ ватагъ («станицы») въ одно «войско» была борьба съ Азовомъ, турецкой крѣпостью въ устьяхъ Дона, и съ бродившимъ вокругъ Азовскаго моря татарскимъ «азовскимъ казачествомъ».

Мѣстомъ первыхъ поселеній донского казачества было нижнее теченіе Дона, по близости отъ впаденія въ него Сѣвернаго Донца.

«Войско Донское» не было результатомъ царскаго повелѣнія или правительственной дѣятельности, оно не было провинціей или колоніей царства. Войско Донское было народной колоніей, вольной и независимой. Оно было государствомъ, а не провинціей.

Государственная власть на Дону имѣла своимъ источникомъ народную волю, и донская колонія представляла изъ себя республику, Суверенная, верховная власть въ Донской республикѣ принадлежала общему народному собранію, носившему названіе круга или войскового круга.

Названіе «круга» произошло оттого, что участники его собирались фактически въ кругъ, въ средину котораго выходили тѣ, кто имѣлъ что-либо предложить собравшимся. Казаки были прирожденными республиканцами. Каждая отдѣльная группа казаковъ, для какой-бы цѣли она ни объединялась, рѣшала всѣ дѣла сообща, въ кругу. Была ли это «ватага», собравшаяся на охоту, на рыбную ловлю, для добычи соли, для перевозки товара или, наконецъ, для совмѣстнаго веселья и объѣзда своихъ друзей, все равно, собравшись въ кругъ, она выбирала «ватажнаго атамана», помощника его «есаула», и въ Кругу рѣшала и намѣчала всѣ предстоящія дѣйствія. Собиралась ли «станица» казаковъ для занятія земли, чтобы на этомъ «станичномъ юртѣ» построить «станишной городокъ»; отправлялась ли «зимовая станица» (посольство) въ Москву за царскимъ «жалованьемъ«; выступало ли въ походъ противъ врага «походное войско», — всѣ они собирались въ кругъ и выбирали себѣ атамана и есаула, (а «походное войско — «походнаго атамана», его есаула, полковниковъ, старшинъ, есауловъ и т. д.). Соотвѣтственно, и всѣ вопросы казачьей жизни рѣшались въ кругу, коллегіально. Выборныя власти въ каждой организаціи были лишь исполнителями воли общаго собранія организаціи (сбора или круга).

Естественно, что казачество, привыкшее рѣшать всѣ дѣла въ кругу, собиралось въ общій Кругъ для рѣшенія дѣлъ всего Войска Донского. Между Кругомъ и древне-русскимъ вѣчемъ была несомнѣнная связь. Идея народоправства, отмиравшая въ Московско-Суздальской Руси и сознательно уничтожавшаяся великими князьями Московскими въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ, нашла свое выраженіе, обрѣла новыя силы въ вольной колоніи русскаго народа на Дону. Свойственное славянскимъ народамъ, русскому въ частности, стремленіе рѣшать общія дѣла путемъ общаго совѣта и общаго согласія, искореняемое въ Московскомъ Государствѣ, продолжало жить въ душѣ донскихъ казаковъ.

Въ самомъ Московскомъ Государствѣ идея вѣча проявлялась въ моменты, когда народныя массы выступали активно. Въ Смутное Время, и въ эпоху Разинскаго возстанія, и во время стрѣлецкихъ мятежей конца XVII и начала XVIII вѣка (въ Москвѣ и Астрахани) народъ собирался въ круги. При Разинѣ и въ 1705 г., при Булавинѣ, въ поволжскихъ городахъ народъ «въ кругу» выбиралъ

вмѣсто царскихъ воеводъ, «городскихъ атамановъ» и другихъ начальниковъ.

Сравнивая казачій Кругъ и древнерусское вѣче, мы видимъ черты полнаго ихъ сходства. Лѣтописецъ рисуетъ слѣдующую картину: «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти» (волости, страны) «якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ»...[1])

Подобно тому, какъ въ каждой древнерусской землѣ былъ свой старшій городъ, къ которому «тянули» всѣ «пригороды» (младшіе города) той страны и вся страна управлялась «вѣчемъ» (народнымъ собраніемъ) старшаго города, точно также и на Дону всѣ «городки» казачьи безпрекословно повиновались Войску, выразителю воли всего донского казачества, имѣвшему свое мѣстопребываніе въ главномъ городкѣ, столицѣ Войска. Столицею Войска были послѣдовательно: 1. Роздоры, при впаденіи Донца въ Донъ (1549—1622); 2. Монастырскій городокъ, на Монастырскомъ Яру, или просто «на Яру», на «Монастырскомъ урочищѣ», пониже Черкасскаго Городка (1622—1637); 3. Азовъ (1637—1642; Монастырскій Городокъ (1642); 5. Роздоры (1643); 6) Черкасскій Городокъ (нынѣ станица Старочеркасская (1644—1805).

Какъ центръ административнаго управленія, столица Войска называлась «Главное Войско»; жители ея назывались «Войсковые казаки». Въ XVIII в. Черкасской городокъ состоялъ уже изъ одиннадцати станицъ: Черкасской, Средней, Павловской, Прибылянской, Дурновской, Скородумовской, Тютеровской, Верхне-, Старо-, и Ниже-Рыковской и Татарской.

Войсковой Кругъ былъ, по преимуществу, вѣчевымъ общенароднымъ собраніемъ Главнаго Войска, т. е. жителей главнаго городка (всѣ 11 станицъ). Полное собраніе всѣхъ казаковъ изо всѣхъ станицъ на Дону и «запольнымъ рѣкамъ» бывало не менѣе одного раза въ году. Этотъ «съѣздъ всѣхъ казаковъ» бывалъ непремѣнно весною, послѣ прихода изъ Воронежа «бударъ», на которыхъ «зимовая станица» привозила изъ Москвы царское «жалованіе». Съѣздъ этотъ былъ тѣмъ-же Войсковымъ Кругомъ, только расширеннаго состава.

На Кругѣ, какъ и на вѣчѣ, присутствіе и подача голоса были предоставлены на волю члена общины. Онъ могъ, по своему усмотрѣнію, присутствовать въ Кругу и не присутствовать, подавать голосъ и не подавать. Но каждый казакъ, былъ ли онъ въ Кругу, или находился вдали, въ своей станицѣ, обязанъ былъ повиноваться приговору, состоявшемуся на Кругѣ, и не могъ отговариваться своимъ отсутствіемъ. Такъ же было на вѣчѣ.

Въ отличіе отъ вѣча, для котораго всегда достаточно было наличныхъ гражданъ главнаго города, донскіе казаки считали нужнымъ ежегодно устраивать весенній «съѣздъ». Кромѣ того, «съѣздъ» бывалъ нерѣдко и по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ.

[1]) Лаврент. лѣтопись с. 160.

Онъ собирался естественно, когда Войско созывало казаковъ въ главный городокъ для осуществленія заранѣе намѣченнаго предпріятія, для организаціи защиты отъ врага. Такъ, напримѣръ, въ 1639 г. при полученіи вѣсти о походѣ «крымскаго царя» на Азовъ, занятый казаками, «атаманы и казаки по тѣмъ вѣстямъ посылали» изъ главнаго городка «вверхъ по Дону по всѣмъ городкамъ и запольнымъ рѣчкамъ и велѣли... всѣмъ казакамъ ѣхать въ съѣздъ къ себѣ въ главный городокъ.[1])

Это былъ не только, такъ сказать, сборъ всѣхъ военныхъ частей, но и съѣздъ для рѣшенія вопроса, защищать ли Азовъ или отступать на территорію Дона. Въ болѣе тревожныя времена, обычно, казаки «для совѣту» изъ городковъ въ Войско «часто пріѣзжали». Обыкновенно же, въ менѣе важныхъ случаяхъ, «посылали о Войсковой Думѣ въ ближніе» (отъ главнаго) «городки Войсковыя для съѣзду письма.»[2]) Въ 1688 году, по чрезвычайно важному вопросу (о выдачѣ на расправу въ Москву бывшаго атамана Самойла Лаврентьева), казаки, недовольствуясь Кругомъ, состоявшимся въ Черкасскомъ, послали «въ верхніе городки до Раздоръ» и на четвертый день учинили «иной кругъ».[3]) Въ 1675 г., уклоняясь отъ исполненія неугодныхъ имъ предложеній царскаго правительства, казаки отписывались въ Москву, что вопросъ не можетъ быть рѣшенъ «безъ совѣту съ верхними городками».[4]) Да и московское правительство считало, что рѣшеніе Войска будетъ крѣпче, если оно будетъ принято на подлинномъ «съѣздѣ» всего Войска. Поэтому въ 1671 г. царскій посланецъ на Донъ, стольникъ Косочевъ, ѣхавшій требовать отъ казаковъ присяги на вѣрность царю, и возвращавшіеся на Донъ бывшіе войсковые атаманы Корнило Яковлевъ и Михайло Самарянинъ, «какъ ѣхали рѣкою Дономъ съ верхнихъ городковъ казакамъ Великаго Государя указъ сказывали, чтобъ они ѣхали въ Нижне-Черкасской городокъ, и казаки къ пріѣзду ихъ всѣ собрались.»[5])

Кромѣ случаевъ всенароднаго ополченія, когда выступало въ походъ поголовно все Войско, врядъ ли бывалъ когда-либо поголовный съѣздъ всѣхъ казаковъ. Даже въ 1638 г., когда звали къ Азову всѣхъ, кого можно, и то предписывалось «оставлять въ городкахъ немногихъ людей, съѣзжаться городковъ по пяти—шести въ одно мѣсто съ семьями, чтобы, съѣхавшись, станицы жили съ «великимъ береженьемъ». Обычно же на съѣздъ посылались изъ станицъ представители. Такъ, въ 1708 г. изъ Войска писали: «Да вамъ-бы, атаманамъ-молодцамъ изо всякой станицы, для вѣрности, что Василій Лаврентьевичъ пріѣхалъ съ государевой милостью прислать немедленно изъ станицъ по два человѣка людей добрыхъ.»[6])

Однако, присутствовало ли на Кругѣ (въ важнѣйшихъ случаяхъ) фактически, большинство казаковъ, или же только жители глав-

[1]) Донъ. Дѣла, т. I. 622.
[2]) Доп. къ Акт. Истор., т. XII, 195.
[3]) Доп. къ Акт. Истор., т. XII, 192.
[4]) Соловьевъ, „Истор. Рос., т. III, с. 493.
[5]) Мат. для исторіи возмущенія Ст. Разина, М. 1857, с. 217.
[6]) „Истор. Опис.“, с. 379, прим.

наго городка съ атаманами ближайшихъ городковъ (или безъ нихъ), все равно — воля Круга была волею всего Войска.

Полную аналогію Круга съ вѣчемъ можно провести и по вопросу о правѣ участія въ Кругѣ. Всякій донской казакъ, къ какой бы станицѣ онъ ни принадлежалъ, имѣлъ право, пріѣзжая въ Войско, участвовать въ Кругѣ. Подобно вѣчу, недопускались въ Кругъ малолѣтніе. Обычай установилъ возрастъ малолѣтнихъ: до 16 ½ лѣтъ. Въ XVII вѣкѣ выработалось также понятіе «выростка» (отъ 16 ½ до 18 лѣтъ) и «малолѣтка» (18 лѣтъ, присяжнаго, но не служилаго казака). И выростки, и малолѣтки, могли присутствовать на Кругѣ, но безъ права голоса. Постепенно выработалось понятіе «служилаго казака», т. е. такого, который получалъ свою долю изъ «жалованья». «Служилые казаки» были полноправными гражданами Донской республики.

Подобно вѣчу, не могли участвовать въ Кругѣ люди посторонніе Войску. Къ нимъ принадлежали «озимейные казаки», которые являлись «новоприходцами», которые «збѣжали» или «сбрели» на Донъ. Жили здѣсь не годъ, а два или три и даже принимали участіе въ походахъ, въ тѣхъ или иныхъ станичныхъ дѣлахъ, но не были еще зачислены въ Войско. Должно сказать, что въ XVI и первой половинѣ XVII в. «новоприходцы» очень быстро принимались въ казаки, и понятіе объ «озимейномъ» казачествѣ возникло лишь позднѣе, когда начались ограниченія для принятія въ казаки сразу, и пришлось создать промежуточное состояніе. Тѣмъ менѣе имѣли право участвовать въ Кругѣ «бурлаки» и даже «зажилые бурлаки» (т. е. тѣ же «новоприходцы», убѣжавшіе на Донъ, бродившіе тамъ, укрываясь отъ преслѣдованія московской власти, или въ поискахъ работы). Равнымъ образомъ, не имѣли политическихъ правъ, «работники», «работные люди», приходившіе на Донъ на весеннее и лѣтнее время «покормитца работою» въ казачьихъ городкахъ, живя «въ куреняхъ» у болѣе состоятельныхъ казаковъ. Такъ въ 1688 г. допрошенный на Москвѣ «работный человѣкъ» Ермошка показывалъ, что «жилъ у одного изъ старшинъ, работалъ черную работу, а не въ казакахъ служилъ и въ круги не хаживалъ.[1])

Наконецъ, лишены были политическихъ правъ «ясыри» или рабы (военно-плѣнные или купленные). Но всѣ безъ исключенія, пребывавшіе въ Войскѣ (включая и рабовъ), могли «бить челомъ» въ Кругу и просить о помощи и защитѣ Войска.

Чужеземцы, каковыми являлись и московскіе люди («торговые люди», пріѣхавшіе изъ монастырей за рыбой или для сбора на монастырь; «вожи», «казачьи головы», стрѣльцы, сопровождавшіе царскихъ пословъ и т. д.) могли поодаль слушать, о чемъ рѣчь идетъ. Но азіаты (турки, татары и калмыки), исключая, конечно, татаръ, принятыхъ въ казаки, совершенно не допускались въ Кругъ, по соображеніямъ военной безопасности. Духовенство было устранено отъ активнаго участія въ вѣчѣ. Предъ началомъ Круга обычно служился молебенъ, особенно, если Кругъ былъ по случаю

[1]) Дружининъ. „Расколъ на Дону“ с. II, прим.

пріѣзда царскаго посла. Тогда и «звоны звонили, и молебны пѣли», и послѣ этого уже собирались въ Кругъ.

Интересно отмѣтить, что впослѣдствіи, когда началось соціальное разслоеніе казачества, бывало, что казакъ, работавшій у богатаго старшины, не всегда могъ изъ за работы фактически попасть на Кругъ. Въ эпоху особеннаго наплыва «голыдьбы» на Донъ, въ послѣдней четверти XVII вѣка, послѣ пораженія Разина, «голыдьба» вынуждена была «стоять за кругомъ», предоставляя, такимъ образомъ, рѣшеніе дѣла стоявшимъ въ центрѣ старшинамъ и «старымъ», «домовнымъ» казакамъ. Женщины не имѣли права участія въ Кругѣ. Не имѣли его и тѣ, кто были объявлены «пенными» (отъ слова «пеня», наказаніе) за какія-либо преступленія. «Пенныхъ» можно было «бить и грабить», а поэтому, чтобы они могли явиться въ Кругъ — необходимо было освободить ихъ отъ наказанія особымъ актомъ амнистіи. Такъ, въ 1638 г. Войско писало изъ Азова во всѣ городки: «ѣдьтя (ѣзжайте) въ Азовъ къ Войску днемъ и ночью не малыми людьми на помочь . . . ѣдьтя всякіе люди, пенные и не пенные: пеня имъ будетъ отдана» . . . Итакъ, только политически правоспособные граждане республики могли принимать участіе въ общенародномъ собраніи (въ Кругу) и выносить рѣшенія. Однако, какъ мы видѣли, ограниченія были не очень велики: подавляющее большинство жителей Дона участвовало въ политической жизни. [1])

Созыву Круга въ важныхъ случаяхъ предшествовали мѣры предосторожности, во первыхъ, чтобы обезпечить тайну военныхъ совѣщаній и подготовленій; во вторыхъ, чтобы предохранить Кругъ отъ буйства пьяныхъ, если страсти разгорятся. Поэтому, подданыхъ враждебныхъ державъ брали на учетъ или удаляли съ острова, на которомъ находится Черкасской городокъ. А въ 1671 г. «заказъ учинили во всѣхъ куреняхъ крѣпкой, чтобы никто никакого питья покамѣстъ они обѣщанье учинятъ, (пока на Кругѣ не будетъ принесена присяга), не продавали, а если кто къ обѣщанію придетъ пьянъ и такому человѣку и продавцу вина учинено будетъ . . . жестокое наказаніе . . .» [2])

Предосторожность эта была далеко не лишней, потому что иногда страсти на Кругѣ весьма бурно бушевали. Бояре Посольскаго приказа хорошо понимали дѣло, когда давали послу на Донъ наказъ: «а съ казаками многихъ рѣчей не плодить, дабы ихъ не ожесточить» . . . А стольнику Арсеньеву (въ 1670 г.) поручено было «говорить казакамъ (въ Кругу) не по одинъ день прилежно, а радѣтельно великихъ государей указомъ и своими ласковыми разговоры» . . . Попытка царскаго посла Карамышева (1630) грозить Кругу обошлась ему слишкомъ дорого: она стоила ему головы.

---

[1]) Ср. Соловьевъ. „Объ отношеніяхъ великаго Новгорода къ вел. князьямъ Московскимъ“. М. 1846, с. 2; Бѣляевъ. „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси“, М. 1906, стр. 9, 12—13, 17. 35. Сергѣевичъ. „Вѣче и князь“, 1867; Леоновъ. „Войсковой Кругъ“. „Дон. Войск. Вѣдом“, 1862, N 26, 28.; „Доп. къ Акт. Истор.“, т. XII, с, 139, 161, 292; „Дон. Дѣла“. т. I—IV.

[2]) Мат. для истор. возмущ., с. 225.

Мѣстомъ собраній Войскового Круга (съ 1549 по 1917) была главная площадь столицы Войска, у часовни, а впослѣдствіи у соборнаго храма. По приказанію атамана созывали («сбивали») Круги войсковые «есаулы». На ихъ же обязанности лежало поддержаніе порядка на Кругѣ, распоряженія о наказаніи тѣхъ, кто признанъ былъ на Кругѣ виновнымъ и, вообще, исполненіе порученій атамана и Круга по дѣламъ полиціи и юстиціи. Они же по требованію Круга доставляли туда лицъ, которыхъ Войско желало видѣть предъ собою.

Ставши въ кругъ, собравшееся Войско очищало посреди свободную площадь, т. наз. «майданъ», на который выходили торжественно всѣ войсковыя власти съ атаманомъ во главѣ, который по этому случаю имѣлъ въ рукахъ знакъ своего достоинства — «насѣку» и становился подъ «войсковымъ знаменемъ», посреди майдана. Есаулы войсковые приказывали всѣмъ молчать. Затѣмъ атаманъ излагалъ дѣло въ короткой рѣчи, главнѣйшія обстоятельства. Въ концѣ ея онъ или предлагалъ извѣстное рѣшеніе, если оно было подготовлено предварительнымъ сговоромъ съ атаманами (старшинами), или же, если дѣло было сомнительное, предлагалъ обсудить.

Предложивши проэктъ рѣшенія атаманъ, спрашивалъ: «любо-ль, не любо»? Кругъ обычно отвѣчалъ «любо». Вообще существовали краткія формулы для отвѣтовъ, которыя и предлагались: «любо», «не любо», «въ куль да въ воду», «Богъ помочь», «съ Богомъ» и т. п. Но въ болѣе важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ есаулы провѣряли голосованіе, спрашивая на всѣ стороны голосно: «всѣ-ли такъ соизволяютъ»? И Кругъ подтверждалъ свое рѣшеніе.

Формула обращенія къ Кругу была слѣдующая: «Атаманы-молодцы и все великое Войско» или «Господа атаманы и казаки и все войско Донское» . . .

Участники Круга стояли на ногахъ и безъ шапокъ изъ уваженія къ мѣсту и къ случаю. Говорить могъ всякій желающій, но для этого онъ долженъ былъ выйти на майданъ (свободное мѣсто внутри Круга). Войско, находящееся въ сборѣ, въ полномъ его составѣ, называлось: «все великое Войско». Это не былъ почетный титулъ, говорившій о «всевеличіи» или могуществѣ, а просто обозначеніе всего коллектива, всей «громады». Войсковой Кругъ, который представлялъ собою весь народъ Дона, и былъ всѣмъ великимъ Войскомъ.

Республиканскій характеръ государственной организаціи Дона подчеркивался самимъ текстомъ обращенія къ Донскому Войску. Царскія грамоты адресовались прежде всего «атаманамъ и казакамъ, т. е. всему народу Дона, затѣмъ «Войсковому Атаману» (имя рекъ) и наконецъ и «всему Войску Донскому» . . . Такимъ образомъ, державный народъ Дона поминается всегда впереди его выборнаго головы — атамана. Запорожцы писали «атаману и всему товариществу Войска Донского».

Кругъ былъ Верховнымъ органомъ народной воли. Ни одинъ изъ органовъ власти исполнительной не смѣлъ дѣйство-

вать въ мало-мальски важномъ дѣлѣ безъ «войскового совѣту и приказу», т. е. безъ приговора Круга. Современные государственные акты Дона часто говорятъ о «мысли войсковой», о «войсковой думѣ», выраженной Кругомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Кругъ выражалъ волю всего Войска. Этой волѣ никто не смѣлъ противиться на территоріи Войска. Малѣйшія попытки «владѣть и жить особно» отъ Войска на донской территоріи Войско пресѣкало суровыми и рѣшительными мѣрами вплоть до поголовнаго истребленія крамольниковъ, сожженія мятежнаго городка.

Вотъ примѣры: въ 1638 г. запорожскіе казаки, съ атаманомъ Матіашемъ во главѣ, участвовавшіе во взятіи Азова, «учали было бунтовать, а Войска (Донского) было слушать не учали, и учали было прошать города въ Азовѣ особнаго и наряду (артиллерійскихъ орудій), и хотѣлъ было онъ, Матьяшъ, владѣть и жить особно. И онидe(донскіе атаманы и казаки), поговоря межь себѣ, тово черкасскаго атаманаМатьяша убили полѣньемъ до смерти и вкинули въ Донъ. И послѣ того запорожскіе черкассы имъ во всемъ послушны по прежнему, а будетъ де они впередъ похотятъ владѣть собою, и имъ-де Войскомъ молчать не будутъ и съ ними управлятца.»[1]) Разговоръ «межь себя» и убійство Матьяша «полѣньемъ» происходили именно въ Кругу. Войско установило вину, приговорило виновнаго къ смерти, и приговоръ былъ тутъ же исполненъ.

Въ 1628 г. группа воровскихъ казаковъ въ 600 чел. «на Дону у Чиру» построила себѣ «особый городокъ». О нихъ сообщали въ Москву, что «съ донскими де казаками съ нижними городки они не съѣзжаютца и ни въ чемъ донскихъ казаковъ не слушаютъ[2]) . . . Городокъ былъ, по повелѣнію Войска, сметенъ съ лица земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, «атаманъ Епиха Радиловъ съ товарищи послали въ верхніе городки къ атаманамъ, съ которыми въ городкѣхъ тѣ казаки, что нынѣ воруютъ на Волгѣ, . . зимовали и велѣли тѣхъ атамановъ и казаковъ давать на поруки, чтобъ имъ стать въ войскѣ» (т. е. явиться на судъ Войска), на Яру, на урочищѣ Монастырскомъ, а иныхъ атамановъ и казаковъ верхнихъ городковъ, которые зимовали съ тѣми казаками, что нынѣ воруютъ, и ихъ ссужали зельемъ и свинцомъ, а объявились тутъ же на урочищѣ Монастырскомъ, и ихъ атаманъ . . . съ товарищи били ослопьемъ и грабили» . . . Тоже было учинено и съ торговыми людьми, ссужавшими воровскихъ казаковъ.[3])

Такимъ образомъ, Войско покарало не только самихъ виновныхъ, но и «пособниковъ». Въ 1659—1660 г. возникъ «воровской городокъ», поставленный самовольно въ «пустомъ юртѣ» между Паншинскимъ и Иловлинскимъ городками и названный «Рыгинымъ городкомъ»[4]).

Войско послало на Рыгинъ «своихъ низовыхъ казаковъ многихъ людей конныхъ и пѣшихъ съ пушками, и тѣ посыльщики

[1]) Дон. Дѣла, т. I, с. 707.

[2]) „Истор. Опис“., с. 246.

[3]) Тамъ-же, с. 245—6.

[4]) Соловьевъ въ своей „Исторіи“ называетъ сго „Ригой“ и остритъ по поводу того, что и на Дону своя „Рига“ объявилась.

тотъ городокъ взяли за большимъ боемъ и подкопами... и городокъ воровской сожгли, и старшихъ ихъ воровскихъ заводчиковъ сожгли, атамана и есаула съ товарищи 10 человѣкъ привезли, для вершенія (на судъ Войска), живыхъ, и разспрося, тѣхъ воровъ повѣсили...»

Какъ мы видимъ, Кругъ не только защищалъ суверенитетъ Войска, но и судилъ и казнилъ «отпадчиковъ» и «отметчиковъ». Не только мятежные граждане Войска подвергались преслѣдованію со стороны Круга, но и послы иностранныхъ державъ, покушавшихся на суверенитетъ Войска. Въ 1648 г. Андрей Лазаревъ привелъ на помощь Войску отрядъ,[1]) изъ Московскаго государства, по царскому повелѣнію. Онъ потребовалъ, вопреки обычаю и достоинству Круга, чтобы казаки шли къ нему «на станъ», вмѣсто того, что бы самому итти въ Кругъ и тамъ по обычаю, сообщить царскую грамоту. «Казаки учинились непослушными противъ государева повелѣнія, къ нему въ шатеръ милостивыхъ словъ слушать не пошли и казны тутъ у него не приняли». На несчастье, семеро крѣпостныхъ «людишекъ» Лазарева, привезенныхъ имъ въ страну, гдѣ воздухъ дѣлалъ людей свободными, «забѣжали къ казакамъ.» А Лазаревъ, находясь въ станѣ «казачьево присуду», вздумалъ послать на розыски за бѣглыми рабами офицеровъ-иноземцевъ изъ своего отряда. Попытка производить полицейскій розыскъ вооруженною рукою въ свободной республикѣ привела къ печальнымъ результатамъ. «И имъ, иноземцамъ, за то въ Кругѣ были позорные лап. А меня, жаловался Лазаревъ царю, холопа твоево, сверхъ разоренія моево, хотѣли убить въ Кругу до смерти безъ вины моей, что Ивана Карамышева: прислали по меня въ тотъ день исъ Кругу есауловъ звать къ себѣ въ Кругъ, чтобъ я пришелъ въ Кругъ къ нимъ самъ говорить объ людѣхъ своихъ...»

Кругъ былъ правъ, охраняя свою юрисдикцію отъ невѣжественнаго вмѣшательства московскаго дворянина. Именно, въ Кругу и надо было принести жалобу на «збѣжавшихъ людишекъ», которые, вѣроятно, «снесли» у хозяина и кое-что изъ «рухляди». Но Лазаревъ не могъ этого понять.

— «И, — писалъ онъ, — я боясь твоего государева страху и за своею болѣзнью къ нимъ въ Кругъ не пошелъ и есауламъ ихъ въ томъ отказалъ, что въ Кругъ къ нимъ нейду о разоренье своемъ и о людѣхъ. Будетъ они не сыщутъ, буду милости просить у тебя, а не у нихъ...»

Это заявленіе было уже явнымъ покушеніемъ на суверенныя права Донской республики. «И они (казаки) тово же часу въ Кругѣ закричали всѣ, что за тѣ слова мои любо меня убить.» Эти серьезные люди не любили откладывать дѣло въ долгій ящикъ. «А и саблю войсковую,[2]) чѣмъ было меня казнить, выдали, а по меня, — продолжалъ Лазаревъ — прислали исъ Круга двухъ

[1]) Состоявшій изъ 1 „маера", 4 капитановъ, 5 „порутчиковъ" и 1000 солдатъ. Доп. Дѣла, 111, 858, 930; IV, 239—244.

[2]) Очевидно, у Войска былъ свой „мечъ правосудія" для обезглавленія преступниковъ: „Войсковая сабля."

посланцевъ, а съ ними многихъ казаковъ, и велѣли меня за ноги приволочь до Кругу»... Оригинальный способъ введенія царскаго посла въ державное народное собраніе! «И твои государевы люди, солдаты, видя ихъ безстрашное суровство, за твое государьское имя стали, меня волочить за ноги въ Кругъ не дали. И хотѣли съ казаки биться смертнымъ боемъ. Видя, казаки, ихъ твердое стояніе, убивство мое ужъ съ тѣхъ мѣстъ отставили и въ круги свои ужъ съ тѣхъ мѣстъ звать не почали, и бѣглыхъ людей моихъ отъ себя изъ Черкасска въ верхние городки тово-жь дни выслали...»[1])

Этотъ случай интересенъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, потому, что казаки готовы были казнить посла царскаго, и какого: того, который въ тяжелую для Дона минуту привелъ имъ отрядъ на помощь. Причина этого заключалась въ попыткѣ вторгнуться въ державное право республики — самой дѣлать все, что касается суда и полиціи на ея территоріи. Во вторыхъ, Лазаревъ, не по своей инициативѣ, а по наказу изъ Москвы, сдѣлалъ попытку (она была уже не первая) не итти въ Кругъ, а звать Войско къ себѣ.

Подобныхъ случаевъ мы знаемъ два. Одинъ въ 1692 г., когда не пошелъ въ Кругъ, къ Войску, посолъ Нащокинъ. Три дня онъ звалъ казаковъ къ себѣ, а тѣ не шли и ходить «въ станы» къ послу «заказали». На четвертый день посолъ воспользовался пріѣздомъ къ нему группы въ 300 казаковъ и сказалъ имъ то, что долженъ былъ сказать Войску, и далъ имъ «государевы грамоты»... И, — писалъ Нащокинъ — отошедши отъ насъ въ Кругъ, чли твои государевы грамоты всѣмъ атаманамъ и казакамъ въ слухъ. И, вычетчи грамоты, всѣ атаманы и казаки говорили межь себя шумно»... Въ этотъ разъ Москва въ лицѣ правителя Бориса Годунова сдѣлала первую попытку превратить небольшую тогда Донскую республику въ общину служилыхъ казаковъ, вѣрнѣе даже въ наемный отрядъ. Войску предложено было служить впредь подъ начальствомъ назначеннаго «головы», дворянина Петра Хрущева. Казаки отвергли это и другія предложенія, хотя имъ и угрожалъ царь прислать «рать большую» и поставить царскую крѣпость въ центрѣ республики, «на Роздорѣхъ».

Второй случай былъ въ 1645 г., когда Донъ изнемогъ послѣ взятія Азова, и царь послалъ ему вспомогательный отрядъ изъ «прибранныхъ» вольныхъ охочихъ людей» (4.000 чел.). Дворянинъ Жданъ Кондыревъ звалъ атамановъ и казаковъ къ себѣ на станъ. Войсковые есаулы отъ Круга вторично пригласили Кондырева въ Кругъ. «А Войску — де Донскому — заявили есаулы: — къ Вамъ въ станъ не хаживать, и напередъ де сего того не бывало, что атаманамъ и всему Донскому Войску къ Вамъ, къ стану, ходить, и то де вы затѣваете собою... и въ государевой де грамотѣ того къ Войску не написано»...

Такъ пересылались посолъ и Войско съ 26-го по 30-е мая 1646 г. включительно. Жданъ Кондыревъ «противъ (т. е. согласно) государева указа стоялъ накрѣпко и посылалъ къ казакамъ мно-

[1]) Дон. Дѣла, IV, 229—244.

гижда». Наконецъ, 30-го мая сослался на указъ и потребовалъ, чтобы «казаки не упрямились». Войсковой есаулъ Захаръ Дементѣевъ и два казака изъ Круга заявили послу: «Вы упрямитесь, и затѣваете собою, и государевымъ дѣламъ не радѣете, и въ Кругъ нейдете, и тѣмъ Войско безчестите. А у насъ тово въ Войску николи не повелось, что ходить Войску къ Вамъ на станъ; а мы-де для Васъ Круги збиваемъ, и затѣмъ-де у насъ государева служба стала, что Вы въ Кругъ нейдете и государевы казны не отдаете. А у насъ-де, какъ и зачалось Донское Войско, такового образца не бывало, что Донскому Войску на станъ ходить или иные такіе статьи перемѣнять. И о томъ-де у насъ въ Кругу приговоръ, какъ истари бывало, такъ и нынѣ будетъ. И велѣли вамъ отъ Войска говорить, будетъ вы къ намъ въ Кругъ не пойдете и въ предь къ вамъ о томъ отъ Войска пересылки никакіе не будетъ, и государевы казны и запасовъ не примемъ». Казаки требовали, чтобы посолъ писалъ государю, и сами обѣщали написать.

Кондыревъ ясно увидѣлъ, что попытка Москвы заставить державный органъ республики выразить символически свое подчиненіе Московскому государству — не удалась. Казаки не только защищали свое исконное право, но и требовали соблюденія его во имя высшаго національнаго интереса. Пришлось пойти на компромиссъ. Кондыревъ пригласилъ Войско къ часовнѣ, на молебенъ, а самъ, вышедши со службы, сказалъ казакамъ то, что долженъ былъ говорить въ Кругу. Это было второе выступленіе Москвы противъ державнаго органа республиканской колоніи. Третье выступленіе было вскорѣ. Мы о немъ знаемъ.

Но Лазареву пришлось таки побывать въ Кругу. Изъ Москвы пришолъ приказъ Лазареву оставить солдатъ своихъ на Дону, предложивши имъ поступить въ Донскіе казаки. Послѣ молебна по этому случаю, царскаго посла «въ воротѣхъ» «Черкасска» есаулы ихъ (казачьи) и казакъ Василій Зевака съ товарыщи» взяли «къ себѣ въ Кругъ неволею.»

«А — писалъ Лазаревъ царю — сказали, что за мною твое государево великое государственное дѣло и войсковое.[1]) И привели меня въ Кругъ, что плѣннова, и въ Кругу мнѣ атаманъ ихъ войсковой Наумъ Васильевъ почалъ говорить рѣчь, что я на нихъ къ тебѣ, государю, писалъ ихъ первое въ пріѣздѣ непослушаніе и за то де твое письмо атаману нашему станищному на Москвѣ выговоры были большіе, а кто де у насъ на Дону отъ Государя не бывалъ, честнѣе тебя, и тѣ де на насъ государю тово не писывали, и въ Кругъ къ намъ всѣ хаживали. Да ты жъ де писалъ на насъ государю многижда, утаясь отъ насъ, многіе затѣйные слова» . . . Однако, Павелъ Чесночихинъ, на котораго сослался атаманъ, ссылки не подтвердилъ, и на атамана Наума Васильева на Кругѣ «зіятельствомъ крикнули» и освободили посла.

Дѣло обошлось довольно счастливо для Лазарева. Что касается Ивана Крамышева, то этого царскаго посла казаки въ 1630 г. въ

[1]) Стало быть, „великимъ войсковымъ дѣломъ“ считались дѣла о преступленіяхъ противъ республики.

Кругу обезглавили «за его великую неправду», за то — писали казаки царю — его «злоумышленье, что онъ безъ твоего, государева, указу, умыслилъ всѣхъ насъ на Дону, низовыхъ и верховыхъ, побить, и городки наши пожечь» . . . На самомъ дѣлѣ, Карамышевъ пріѣхалъ было на Донъ, чтобы заставить Донскую республику повиноваться метрополіи въ дѣлѣ иностранной политики. «И — отписывали казаки — пріѣхавъ тотъ Иванъ Карамышевъ насъ . . . хотѣлъ казнію смертною казнить, вѣшать и въ воду сажать и кнутьями достальныхъ бить, и сверхъ того учалъ . . . съ Крымскими и нагайскими людьми ссылаться, чтобы насъ всѣхъ побить, и до конца погубить и раззорить и искоренить и городки наши безъ остатку пожечь, чтобы наше, донскихъ атамановъ и казаковъ, на Дону и по Заполью, вездѣ имя казачье не именовалось».

Вполнѣ понятно, что Войско сочло своимъ правомъ немеленно же взять посла на Кругъ и у него «Государевой грамоты и наказу» на всѣ эти планы расправиться съ Войскомъ «не по единожды спрашивать». Карамышевъ, несомнѣнно, имѣлъ наказъ въ этомъ родѣ; врядъ ли московскій посолъ осмѣлился бы «своимъ злохитрствомъ и умышленьемъ» замышлять подобныя вещи. Но онъ не выдалъ ни царя, ни фактическаго руководителя политики, патріарха Филарета, и былъ Кругомъ осужденъ за «злоумыслъ» противъ республики и «Войсковою саблею» тутъ же въ Кругу казненъ.

Та же участь постигла и турецкаго посла при русскомъ дворѣ грека Ѳому Кантакузена, пытавшагося изъ войска, гдѣ онъ былъ временно задержанъ въ 1637 г., когда казаки пошли на Азовъ, — подать вѣсти туркамъ. «Мы — писали казаки царю — видя его умышленье, къ тебѣ, государю, неправду . . . его, посла, за то съ его людьми порубили» . . .

Такимъ образомъ, Кругъ считалъ себя вправѣ судить и казнить за покушеніе на державныя права республики всѣхъ: и «воровскихъ» казаковъ, и сепаратистовъ »Черкассъ-Запорожцевъ», и даже иностранныхъ пословъ.

Войсковой Кругъ рѣшалъ всѣ дѣла, касавшіяся донской республики. Дѣлами иностранными являлись: объявленіе войны и заключеніе мира, посылки вспомогательныхъ войскъ на службу царю, союзъ съ окрестными народами, пріемъ пословъ и отправленіе посольствъ и грамотъ въ Москву и къ окрестнымъ народамъ, выдача заграничныхъ паспортовъ («Войсковыхъ проѣзжихъ грамотъ») и уполномочій или наказовъ («войсковыхъ правыхъ писемъ»).

Такъ, напримѣръ, съ Азовомъ разрывъ происходилъ обычно путемъ посылки «розмирной грамоты», послѣ того, какъ Кругъ «приговаривалъ всѣмъ войскомъ съ ними (азовцами) розмиритца». Равнымъ образомъ, Кругъ утверждалъ мирные договоры, заключенные «мировщиками» съ донской и азовской стороны. Такихъ пословъ присылалось обычно по 2 человѣка съ каждой стороны. Калмыки присылали ихъ больше. Такъ, въ 1650 г. ими было прислано отъ Аюки-хана и Мункотемиря, для «юртовыхъ» между донцами и калмыками «дѣлъ» посланцевъ больше 100 человѣкъ. Они хода-

тайствовали о выкупѣ знатныхъ плѣнниковъ-калмыковъ, предлагая за нихъ по 200 и по 300 лошадей за каждаго. Но казаки, «межь собою, всѣмъ Войскомъ придумавъ» (т. е. на Кругѣ), запретили выдавать плѣнныхъ. Взявшимъ въ плѣнъ казакамъ Войско, «оскудя себя» выдало 250 рублей, а калмыковъ убили предъ глазами пословъ.

Кругъ, въ нужныхъ случаяхъ, уполномачивалъ атамана на заключеніе договора. Такъ, въ 1636 г. «у атамановъ-молодцовъ, у всего великаго войска донского, былъ Кругъ съѣзжей. Въ Кругу договорились атаманы молодцы, велѣли атаману Ивану Каторжному ото всего войска донскаго руку дать до мирнаго договору во всемъ», что касалось перемирія съ нагайскими мурзами.[1])

Кругъ посылалъ пословъ. Такъ, въ 1616 г., «посылали съ Дону атаманы и казаки на Днѣпръ, къ черкасамъ, казаковъ Дружину Трубникова и Ивана Слѣпова о томъ, чтобъ они, черкасы, на нихъ не приходили, а были бъ съ ними въ миру.» . . . Такъ, въ 1661 г. посланы были къ калмыкамъ старшины Федоръ Буданъ и Степанъ Разинъ. Этихъ «выборныхъ посыльщиковъ» звали иногда «станишниками». Въ Москву посылались посольства такъ наз. «зимовыя станицы» изъ атамана, есаула и 98 казаковъ, которые въѣзжали въ Москву къ зимѣ, жили тамъ три мѣсяца и на весну провожали къ Воронежу царское «жалованіе», а оттуда шли водою въ «будурахъ» до столицы войска. Кромѣ того, по мѣрѣ надобности, посылались въ Москву «легкія» или «вѣстовыя станицы» (чел. по 10) со спѣшными сообщеніями. При пріѣздѣ и отпускѣ зимовыя станицы принимались царемъ и получали подарки и содержаніе отъ Правительства.

Въ свою очередь, Кругъ самъ принималъ пословъ къ Войску. Въ частности, когда пріѣзжалъ посолъ отъ царя, то онъ, по наказу, ставилъ въ указанномъ ему дворѣ, звалъ атамановъ и казаковъ, «чтобы они собирались въ кругъ всѣ къ церкви Божіей и великаго государя . . . грамоту у него приняли и выслушали.

«Да—писалось въ наказѣ[2]) — какъ атаманы и козаки въ кругѣ соберутся и ему при всѣхъ говорить: Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій Государь царь (полный титулъ) велѣлъ васъ атамановъ и казаковъ и все Войско Донское спросить о здоровьи». . .

«И, изговоря рѣчь подать имъ грамоту: . . . Да какъ атаманы и казаки Великаго Государя грамоту у него Егорья примутъ, и въ Кругу вычтутъ и выслушаютъ, и Егорью (послу) говорить: Атаманы и казаки, Фролъ Минаевъ и все Войско Донское. Великій государь царь и пр. велѣлъ Вамъ говорить» . . . Далѣе шла дѣловая часть рѣчи.

Мы знаемъ уже, что въ 1592 году, 1646, 1648 г. г. были попытки Москвы не позволять послу идти въ Кругъ. Въ 1653 г. запрещеніе ходить на Кругъ мы встрѣчаемъ въ наказѣ дворянина Пара-

---

[1]) „Ист. Опис.“, с. 169.
[2]) Наказъ 1682 г. „Дон. къ Акт. Ист. . . . т. X. с. 1—2.

мона Золотарева:[1]) «Стоять на томъ крѣпко, то будетъ государеву имени не къ чести».

Однако, вскорѣ это притязаніе исчезаетъ изъ наказовъ, и послы являются въ Кругъ. Въ частности, всѣ послы, привозившіе «годовое» жалованіе вмѣстѣ съ зимовой станицей, отдавали грамоту и жалованіе всегда въ Кругу.[2])

Формула, съ которой обращался къ Кругу дворянинъ, привезшій жалованіе, была обычно слѣдующая: «Великій Государь и про Васъ атамановъ и казаковъ и все Донское Войско за Вашу къ нему вѣрную службу жалуетъ, милостиво похваляетъ и велѣлъ Васъ, атамановъ и казаковъ, спросить о здоровьи» . . .

Пословъ турецкихъ, татарскихъ, калмыцкихъ, обычно принималъ Войсковой Атаманъ, докладывавшій затѣмъ Кругу о результатахъ.

Въ тѣсной связи съ иностранной политикой стояло право Круга опредѣлять число войскъ, посылаемыхъ на войну. Въ исключительныхъ случаяхъ созывались всѣ, «конные и пѣшіе, пенные и нѣпенные». Въ другихъ случаяхъ опредѣлялась цифра въ зависимости отъ состоянія станицъ. Такъ 1 сентября 1671 г. «атаманы и казаки приговорили послать подъ Астрахань изъ Черкасскаго Городка съ десятка по человѣку, а которые казаки во время взятья Стеньки Разина подъ Кагальникомъ не были и тѣмъ идти всѣмъ, а изъ городковъ отъ Черкасскаго до Паншина городка — третьей части казакамъ, а отъ Паншина до Мигулина городка — половинѣ казакамъ».[3])

Кругъ устанавливалъ и цифру посылаемыхъ на всомогательную службу казаковъ, и постановлялъ, можно ли вообще послать отрядъ или нѣтъ. Неоднократно онъ находилъ, что войско должно обезпечить оборону со стороны мѣстныхъ враговъ и посылалъ въ Москву отвѣтъ, что Войско не пошлетъ просимый отрядъ. Относительно дѣйствій флота дѣлалось на Кругу постановленіе лишь въ общей формѣ, а цѣль похода объявлялась лишь по выходѣ въ морѣ.

Важнѣйшими внѣшними отношеніями Войска были отношенія къ Московскому Государству, и въ этомъ вопросѣ Кругъ не однократно рѣшалъ, каковы будутъ взаимоотношенія колоніи и метрополіи. Въ 1605 и 1632 г. г. Кругъ отвергъ притязанія царей, чтобы Войско имъ присягнуло, но въ 1671 г. Кругъ, хотя и послѣ долгаго сопротивленія, принесъ присягу за все Войско. Равнымъ образомъ, въ 1705 г., когда «посыльщики» Астраханскихъ мятежниковъ прибыли въ Войско, то Войсковой Атаманъ . . . учинилъ Кругъ и въ томъ Кругу,при казакахъ собранныхъ, тѣхъ посыльщиковъ спрашивалъ, тѣ подсыльщики . . . которые съ ними присланы прелестныя письма подали, и Войсковой де Атаманъ и прочіе съ нимъ собранные всѣ казаки велѣли тѣ письма Войсковому своему писарю прочесть въ слухъ и . . . единогласно закричали, что они никогда къ такому

[1]) Дон. Дѣла, IV, 618, 783.
[2]) Дон. Дѣла, т. IV, 950; Дон. къ Акт. Ист., X, 1—2 и др.
[3]) Мат. для ист. возм. 1875, с. 226.

злому дѣлу не пристануть, . . . и приговорили тѣхъ подсыльщиковъ и съ прелестными ихъ письмами отослать безъ мотчанія къ Москвѣ . . . и было у нихъ казаковъ крестное цѣлованіе не примыкать къ Астраханскому мятежу.

«Да, служа ему великому государю, вѣрно, послали они казаки, изъ Черкасскаго конныхъ казаковъ болѣе двухъ тысячъ съ атаманомъ съ Максимомъ Фроловымъ, . . . съ товарыщи, которымъ приказано взять съ собою въ прибавку изъ Верховыхъ Городковъ, которые до Паншина отъ 10 по два человѣка, а за Паншинымъ по Дону и по Хопру, и по Медвѣдицѣ велѣно идти изо всякаго городка по половинѣ: у которыхъ казаковъ есть добрые лошади и тѣ бы были въ конницѣ, а безконные шлибъ судами . . . и всего въ томъ походѣ по смѣтѣ будетъ больше 10.000 человѣкъ» . . .

Но тотъ же Кругъ готовъ былъ вступить въ войну даже съ метрополіей, во имя защиты правъ республики. Такъ въ 1630 году, послѣ убійства царскаго посла Карамышева, собрался «съѣздъ» всего Войска, «шумѣли» на атамана «почему не побилъ и пословъ», ѣхавшихъ изъ Константинополя обратно въ Россію (черезъ Донъ); «все равно мы уже заворовали, съ Москвы хоть сто тысячъ пришлютъ, то мы не боимся, соберемся въ одинъ городокъ . . . Донъ немедленно заключилъ оборонительный договоръ противъ Москвы съ Запорожской Республикой: «У Донскихъ де казаковъ съ запорожскими Черкассы приговоръ учиненъ таковъ: какъ приходу откуды чаять какихъ людей многихъ, имъ взаимно помогать, а Дону де, — заявляли казаки — намъ безъ крови не покидывать.»

Войсковой Кругъ отнюдь не считалъ для себя обязательными дѣйствія и обѣщанія своихъ пословъ, если они не соотвѣтствовали наказу, который далъ Кругъ. Такъ въ 1632 году Донскіе послы, атаманы Богданъ Конинскій и Тимофей Яковлевъ Лебяжья—Шея, вынуждены были патріархомъ Филаретомъ присягнуть за Войско на вѣрность царю. Войско не утвердило ихъ акта, а писало: «а креста, Государи, цѣловати мы челобитчикомъ своимъ не писали, то они учинили не помня старины, своими молодыми разумы, безъ нашего Войскового совѣту и безъ приказу[1]) — И, въ 1638 году атаманъ Михаилъ Татариновъ на вопросъ въ посольскомъ приказѣ отвѣтилъ: «а въ помочь де себѣ о воеводѣ и о ратныхъ людехъ съ нимъ отъ войска государю бити челомъ не наказано, и чево — де съ ними не приказано, и того де они и дѣлать не смѣютъ»[2]) . .

Суверенный въ дѣлахъ иностранныхъ Кругъ былъ въ равной степени верховнымъ органомъ Войска въ области внутренняго управленія и суда. Кругъ избиралъ всю администрацію Войска: Войскового Атамана, Войсковыхъ Есауловъ, «Войскового Дьяка», «Войскового толмача», и «подтолмача», пословъ (атамана, есаула и членовъ зимовыхъ и легкихъ станицъ), «выборныхъ посыльщиковъ» къ казачьимъ войскамъ и къ окрестнымъ народамъ, «мировщиковъ» въ Азовъ; войсковыхъ казаковъ и «старшинъ», которые посылались по городкамъ съ особыми порученіями Войска (такъ сказать, комис-

[1]) Сборн. Обл. В. Доп. Стат. Ком. т. XIII, с. 160 и сл.
[2]) Доп. Дѣла, I. 709.

саровъ Войска); «походныхъ атамановъ» и полковниковъ при отправленіи «походнаго войска» и т. п. Въ XVIII вѣкѣ, при отъѣздѣ войскового атамана въ столицу, Кругъ избиралъ «наказнаго атамана», временно исполнявшаго обязанности отсутствующаго атамана. Когда званіе «старшихъ» стало почетнымъ званіемъ, которое оставалось за бывшими атаманами «походными, станичными (зимовой станицы и т. п.) «боевыми и судовыми» полковниками и т. п., то Кругъ избиралъ въ это званіе. Въ XVIII в. Кругъ избиралъ и появившихся въ эту эпоху разнаго наименованія войсковыхъ чиновъ: полиціи безопасности, торговой, по коннозаводству, питейному дѣлу и т. п.

Выборы атамана происходили первое время безъ срока; пока угоденъ Кругу. Но постепенно установилось правило выбирать атамана на годъ. Неугодный атаманъ могъ быть «отставленъ» и даже «скинутъ.»

Такъ, въ 1675 г. Кругъ, не желавшій постройки крѣпости на рѣкѣ Міусѣ, отговаривался малолюдствомъ казаковъ въ Войскѣ, но и тогда, когда собрался съѣздъ съ участіемъ верховыхъ казаковъ, тянулъ дѣло, не давая отвѣта. Атаманъ Корнилъ Яковлевъ, собравшій въ послѣдній разъ Кругъ, требовалъ отъ него рѣшительнаго отвѣта. Казаки, не окончивши дѣла, стали снова расходиться; Корнилъ сталъ укорять Кругъ и трехъ человѣкъ, непослушныхъ зашибъ палкой. Тогда казаки бросились бить атамана, смѣнили его и выбрали атаманомъ Михаила Самарянина.

Болѣе серьезный характеръ имѣла смѣна атамана въ 1708 г., когда Булавинъ поднялъ возстаніе противъ метрополіи и, одновременно, противъ казачьей старшины. Войска, подъ предводительствомъ Войскового Атамана Лукьяна Максимова, были разбиты и «Булавинъ, со всѣмъ Войскомъ Донскимъ собрался, пришли подъ Черкасской, чтобы . . . прежнихъ бывшихъ старшинъ атамана Лукьяна Максимова и при немъ будущихъ, которые съ нимъ чинили неправду, отъ дѣлъ ихъ отставить и выбрать иныхъ старшинъ».[1]) Революціонный Кругъ сообщалъ во всеобщее свѣдѣніе: и мы (Войскомъ Донскимъ) приговорили ихъ воровъ (Лукьяна и старшинъ), смотря по винѣ, казнить смертью и выбрали для управленія Великаго Государства и нашихъ войсковыхъ дѣлъ Войскового Атамана Кондратья Афанасьевича Булавина и старшинъ иныхъ . . .» Какъ мы видимъ, возставая одновременно и противъ Руси, и противъ собственной легальной власти, повстанцы старались соблюсти видимость законности. Подобный случай революціоннаго Круга и казни атамана былъ исключительнымъ. Обычно же, довольно было неодобренія Кругомъ его предложенія, чтобы атаманъ» сдавалъ Атаманство», не хотѣлъ «отаманить».

Срока для должности не было. Въ частности, Войсковые Атаманы неоднократно переизбирались на мало лѣтъ подрядъ, но ежегодно бывала церемонія переизбиранія, что бы атаманъ чувствовалъ свою зависимость отъ Круга. Ничьего утвержденія на послѣдовавшее избраніе не требовалось, и первымъ ударомъ независимости и

[1]) Отписка Булавина и Войска Дон. къ войску Запорожцевъ, 17 мая 1708 г.

республиканскому устройству колоніи было утвержденіе Петромъ I» Василія Фролова войсковымъ атаманомъ, по выбору Войска, впредь до нашего (царскаго) указу безпремѣнно».[1])

При избраніи атамановъ, ежегодно, по большей частью въ новолѣтіе, старый атаманъ клалъ свою насѣку на землю или на столъ, въ срединѣ Круга, и поклонившись на всѣ четыре стороны, отходилъ прочь. Выбранный въ атаманы вновь принималъ насѣку изъ рукъ Войсковыхъ есауловъ, и, тоже поклонившись на всѣ стороны, становился подъ Войсковое Знамя. Тогда почетные старики, старшины, прикрывали его своими шапками и потомъ поднявъ на руки, по казачьему обычаю, качали.[2])

Всѣ безъ исключенія области внутренней жизни колоніи были подчинены вѣдѣнію Круга. До начала XVIII вѣка политически опаснымъ казалось для казачества занятіе земледѣліемъ, которое въ Московскомъ Государствѣ вело къ закабаленію работника, поэтому земледѣліе запрещалось на Дону. Еще въ 1689 г., казаки, «во время съѣзда всѣхъ казаковъ, великихъ государей къ годовому жалованію, послали по всѣмъ городкамъ войсковой свой приговоръ, что бы никто и нигдѣ хлѣба не пахали и не сѣяли, а если станутъ пахать, и тогда до смерти бить и грабить»[3]) . . . Такимъ образомъ Кругъ опредѣлялъ даже самый образъ добыванія средствъ къ жизни.

Въ области церковнаго управленія Кругъ вѣдалъ всѣ дѣла по сношенію, черезъ посольскій приказъ, съ Патріархомъ всея Руси, которому Донъ былъ подчиненъ непосредственно въ дѣлахъ духовныхъ. Кругъ выбиралъ «войсковыхъ» (т. е. главнаго городка) священниковъ; черезъ него шли представленія станицъ на утвержденіе патріарха о выборѣ церковно — священнослужителей. Кругъ разрѣшалъ постройку церквей и часовенъ иногда даже «безъ благословенія св. патріарха по старому антиминсу. «Онъ же вѣдалъ дѣла монастырей, которые учредились на Дону, а въ XVI и XVII в. в. къ нему обращались также и «били челомъ въ Кругу» представители Донскихъ казачьихъ монастырей, оказавшихся на царской территоріи (когда Правительственная колонизація обхватила ихъ со всѣхъ сторонъ, подвигаясь къ югу отъ Воронежа). И до 1685 г. заступничество Круга за эти монастыри принималось царями, которые давали монастырямъ жалованныя грамоты на имя Войска.

По военному и гражданскому управленію, которые не отдѣлялись первые полтора вѣка, одно отъ другого, Кругъ постановлялъ приговоры, которые сообщались въ городки въ формѣ «войсковыхъ грамотъ».

Писались эти грамоты такъ: «отъ Донскихъ Атамановъ-молодцовъ, отъ Фрола Минаевича, и отъ всего Великаго Войска Донского вверхъ по Дону и по запольнымъ нашимъ рѣкамъ, городокъ отъ городка, покамѣстъ нашъ казачій присудъ. Вѣдомо вамъ, атаманы-молодцы будетъ» . . . Затѣмъ излагалось дѣло. Въ

[1]) Указъ 18 января 1718 г.
[2]) Леоновъ „Войсковой Кругъ“, „Дон. Войск. Вѣд.“ 1862, N 26—27.
[3]) Дружининъ, с. 16.

началѣ XVIII вѣка писали: «По приговору всего Великаго Войска Донского, а по приказу Войскового Атамана» (имя и отчество, съ «вичемъ») «въ такую то станицу станичному атаману и всѣмъ станичнымъ молодцамъ». А въ концѣ шли слова: «а се печать и грамота войсковая».

Территорія, на которой распространялась власть Круга, называлась землей «казачьего присуда», т. е. компетенціи. Московское — же Государство и сосѣди звали ее, то «землей Донскихъ казаковъ», то «Землей Войска Донского».

Войсковыя грамоты были слѣдующія. Амнистія, данная Кругомъ, находила выраженіе въ црощальной грамотѣ. Разрѣшеніе на жительство въ предѣлахъ Войска — «жилая грамота». Паспортъ — «проѣзжая грамота.» Предупрежденіе о грозящей опасности и о мобилизаціи — «опасная грамота». Приказъ Войска присягать новому царю (съ 1676 г.) «войсковая о послушаніяхъ грамота».

Объявившимъ желаніе завести новую станицу и построить новый городокъ Кругъ выдавалъ «заимную грамоту». Когда «юртъ» былъ занятъ и состоялось соглашеніе съ станицами сосѣднихъ городковъ, то разграниченіе юртовъ утверждалось «разводной грамотой». Царю посылались «войсковыя отписки», посламъ съ Дону давались наказы — «войсковыя правыя письма». О пріѣздѣ на Кругъ казаковъ изъ городковъ посылались» войсковыя для съѣзду письма».

Кругъ разрѣшалъ заемъ новыхъ юртовъ, судилъ и рѣшалъ споры между станицами и исправлялъ, по отдѣльнымъ случаямъ и челобитьямъ, общее теченіе административныхъ дѣлъ. Первая Войсковая Грамота, опредѣлявшая общее положеніе для управленія станицъ, была издана Кругомъ въ 1721 г. Въ ней мы встрѣчаемъ санкцію: «если же вы, о чемъ писано вамъ въ сей грамотѣ того исполнять не будете, то всеконечно Ваша станица будетъ раззорена и выжжена безъ остатку, а атаманъ и лучшіе люди будутъ казнены смертью безъ всякой пощады и милосердія. «Эта угроза за неповиновеніе — обычное заключеніе повелѣній Войска.

Въ 1685 г. атаманъ и Кругъ говорили привезшему царскую грамоту Никитину, что «указъо томъ посланъ войсковой по всѣмъ Донскимъ городкамъ, чтобы никто къ польскому королю не ходилъ, а кто пойдетъ и имъ за то будетъ войсковая казнь».

Въ 1705 г.: были «посланы» во всѣ донскіе и верхніе городки съ нарочными посыльщиками войсковые ихъ письма съ жестокимъ смертнымъ страхомъ, дабы . . . къ астраханскимъ ворамъ (т. е. измѣнникамъ) «не приставали . . .»

Кругъ исполнялъ въ высшей степени важную функцію распредѣленія между станицами субсидіи, которую давала колоніи Россія. Кругъ утверждалъ представленіе станичныхъ сборовъ о зачисленіи въ Донскіе казаки т. н. «озимейныхъ казаковъ», «зажилыхъ бурлаковъ». Онъ же разрѣшалъ выѣзды казаковъ въ Московское государство (къ «родимцомъ», на богомолье, съ товаромъ и т. п.). Онъ же увольнялъ (въ XVIII в.) отъ дѣйствительной службы за болѣзнью, дряхлостью, ранами и т. п. Словомъ, всѣ области внутренней жизни Войска, какъ государства, какъ воен-

наго организма, какъ соціальной общины — подлежали вѣдѣнію Круга.

Наконецъ, Кругъ былъ не только законодателемъ и высшимъ административнымъ органомъ. Онъ также и судилъ гражданъ Войска за преступленія политическія, всѣ безъ исключенія, и главнѣйшія изъ уголовныхъ. Мы видѣли выше примѣры расправы Круга не только со своими гражданами, покушавшимися на суверенитетъ Войска, но съ пришлыми запорожцами и даже съ чужеземными послами. Въ своей дѣятельности Кругъ руководился неписанными нормами права, которое вырабатывалось жизнью въ теченіе вѣковъ, и касалось государственнаго, административнаго, уголовнаго, гражданскаго и торговаго права, государственной политики и т. д. Соединеніе этихъ положеній называлось «войсковымъ правомъ».

Но преимущественно этому выраженію придавалось значеніе карательной и судебной власти Войска. Право это всегда признавалось Москвою и было самодовлѣющимъ. Московское Правительство считало Донскихъ казаковъ подлежащими суду и наказанію только Войска. Въ 1625 г. Михаилъ Федоровичъ ссылался на существовавшій въ Войскѣ въ началѣ XVII в. «крѣпкой заказъ», «хто куды пойдетъ безъ вѣдома Войскового и тѣхъ кажнивали смертью». «Царь просилъ ходившимъ (для разбоя) на Волгу и Яикъ казакамъ» и впредь чинить наказаніе по своему суду, какъ у васъ на Дону повелось.[1]) «Даже въ 1671 г. требуя выдачи Разина, какъ врага Московскаго Государства, на расправу въ Москву, Алексѣй Михаиловичъ просилъ Войско» пущимъ заводчикомъ (бунта) учинить указъ по войсковому праву.[2])

8 октября 1673 г. царь писалъ: «послать Вамъ, атаманамъ и казакамъ, вверхъ по Дону въ городки къ казакамъ листки свои съ жестокимъ своимъ казацкимъ правомъ, чтобы они бѣглыхъ ратныхъ людей къ себѣ не принимали».[3])

Въ XVIII вѣкѣ право суда также признавалось за Войскомъ. Появились въ обращеніяхъ Правительства выраженія: «по обыкности», «по казаческому обыкновенію» (1715), по «казачьему артиклу» (1764), но сохранилось и выраженіе: «по ихъ войсковому праву.[4])

Наказанія «по войсковому праву» отличались крайней жестокостью. Для городковъ — это было уничтоженіе, для отдѣльныхъ лицъ — смертная казнь: «обезглавленье», повѣшеніе, разстрѣливаніе изъ луковъ и пищалей, «сажаніе въ воду», посадивши предварительно «въ куль»; вѣшаніе «черезъ якорь» и. т. п. Но въ Войскѣ не было палачей, и еще 1756 г. Войско сообщало петербургскому правительству: «никогда и никого Войска Донского казаковъ катъ (палачъ) не бьетъ, а наказываются насѣками и плетьми самими же казаками».[5])

[1]) Дон. Дѣло т. I., с. 251—2.
[2]) „Ист. Опис.“. с. 272.
[3]) „Мат. для ист. В. Дон.“, с. 100.
[4]) Акты, собр. Лишинымъ, т. I, с. 181; т. II, с. 344—5, 365; т. III, с. 297; Труды Войск. Стат. Ком. т. II, 2872 т., мат. с. 17.
[5]) Акты, т. II, с. 775.

Судъ Круга не былъ, конечно, чистымъ «самосудомъ», но имѣлъ съ нимъ не мало общаго. А. А. Леоновъ, описавшій Кругъ въ эпоху, когда Донскіе патріоты идеализировали старину, видѣлъ во всенародномъ судебномъ разбирательствѣ на Кругѣ нѣчто вродѣ суда присяжныхъ, суда народной совѣсти, начала гласности, публичности. Но нельзя не признать эту форму суда крайне примитивной. Въ отличіе отъ Малороссіи и Запорожья, гдѣ создалась помимо атамана, есаула и «войскового писаря», должность «войскового судьи», Донъ не имѣлъ ни судьи, ни войскового суда, но т. к., Кругъ могъ заниматься даже по отношенію къ столицѣ Войска лишь главнѣйшими судебными дѣлами, то уже довольно рано сталъ создаваться при станичныхъ атаманахъ судъ стариковъ, станичныхъ судей. И Кругъ для ряда дѣлъ превратился въ аппеляціонную инстанцію. Здѣсь не мѣсто излагать исторію Донского уголовнаго права и судопроизводства. Но судъ по главнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ принадлежалъ Кругу и къ нему на судъ присылали отовсюду обвиняемыхъ въ измѣнѣ, трусости, убійствѣ, грабежѣ, насиліи.

Иногда, въ виду выхода отряда на царскую службу, откуда высылка въ Войско виновныхъ была бы затруднительна, Войско давало разрѣшеніе «походному войску» казнить за преступленія, не посылая обвиняемыхъ на судъ Круга. Такъ, въ 1705 г. писали изъ Войска, чтобы «походное войско (и старшины), буде приличатся къ ... бунтовщикамъ изъ нашихъ ... казаковъ, не обсылаяся къ намъ, въ Черкасское, чинили бы ворамъ и бунтовщикамъ на Царицинѣ смертную казнь по нашей обыкности, вѣшали бъ за ноги.[1])

Слово «казачій присудъ», обозначавшее государственно-правовую компетенцію войска въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, обозначало судебную компетенцію войска.

Итакъ, въ періодъ 1549—1721 г. Донской Войсковой Кругъ былъ народнымъ собраніемъ непосредственной Демократической Республики, единой и нераздѣльной. Въ 1721 г. Донъ изъ государства сталъ провинціей Россійской Имперіи. Съ 1721 г. до 1917 г. Донъ пережилъ длинную и сложную эволюцію. Войсковой Кругъ не былъ уничтоженъ, но теряя постепенно свое политическое значеніе, онъ превратился въ блѣдный символъ, самый смыслъ котораго начиналъ утрачиваться. Но память о былой мощи Круга жила въ душѣ Донскихъ патріотовъ, и революція 1917 года принесла возрожденіе Круга, какъ органа краевой, а потомъ государственной власти, на этотъ разъ на основѣ представительства.

[1]) „Ист. Опис.“, с. 358.

ЧАСТЬ II.

ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ И АВТОНОМІЯ ДОНА ВЪ ЭПОХУ ИМПЕРІИ (1721—1917).

Глава I.

Судьбы Круга въ эпоху Государственной автономіи.

Эпоха Имперіи въ Государствѣ Россійскомъ совпала случайно съ тою эпохою въ исторіи Донского края, когда онъ былъ провинціей Россіи. За эти, безъ малаго, двѣсти лѣтъ державныя права Донской земли и ея суверенаго органа — Войскового Круга — пережили долгую эволюцію. Медленно и неохотно, уступая силѣ времени, а иногда и силѣ оружія, исчезало изъ жизни историческое донское право. Обломки донской автономіи, съ трудомъ распознаваемыя юридическія руины, дожили до великой революціи. Смыслъ ихъ былъ утраченъ для тѣхъ, кто не зналъ государственнаго прошлаго Донской земли. Равнымъ образомъ и Войсковой Кругъ изъ бурнаго, но властнаго вѣча превратился въ блѣдный, хотя и величественный, символъ.

Въ 1721 году Донъ пересталъ быть государствомъ и сталъ провинціей Россійской Имперіи. Здѣсь не мѣсто излагать исторію взаимоотношеній Дона и Россіи, съ точки зрѣнія государственно-правовой. Укажемъ лишь вкратцѣ, что съ 1549-го по 1721 годъ государственно-правовое положеніе Дона мѣнялось и въ 1614 и 1671 годахъ. Все время Донъ оставался Республикой: съ 1549 по 1614 г. независимой, съ 1614 по 1671 г. — вассальной. Послѣ присяги 1671 г. войдя юридически въ составъ Государства Россійскаго, Донъ пользовался государственной автономіей, сохраняя всѣ свои учрежденія и ведя сношенія съ окрестными народами (кромѣ Турціи, Польши и Крыма).

Въ промежуткѣ между 1671 и 1721 г. г. произошли слѣдующія измѣненія въ правовомъ положеніи республики: въ области внѣшнихъ сношеній — въ 1703 г., когда Петръ I поставилъ внѣшнія сношенія Войска подъ контроль Азовскаго, а затѣмъ и Воронежскаго губернатора, облеченнаго особыми полномочіями по дѣламъ пограничнымъ. Въ области внутренней жизни: въ 1671 г. утрачено право политическаго убѣжища, въ 1705 г. — и право убѣжища для бѣглыхъ рабовъ, военнослужащихъ и т. п.; въ 1707 г. — право обращеній непосредственно къ царю по текущимъ дѣламъ Войска; съ 1700 по 1718 г. выборы атамана происходятъ подъ вліяніемъ императорской власти; въ 1718 г. отмѣнены ежегодные перевыборы атамана, вслѣдствіе утвержденія Атамана, из-

браннаго Кругомъ, «по смерть», «безперемѣнно»; въ 1718 г. изданъ, а въ 1720 г. подтвержденъ указъ о передачѣ церковнаго управленія на Дону изъ вѣдѣнія патріарха въ вѣдѣніе Воронежскаго епископа. Наконецъ, въ 1723 году, Петръ I отказалъ въ утвержденіи избранному Кругомъ войсковому атаману Краснощекову и повелѣлъ: «въ атаманахъ быть впредь до нашего указу изъ старшинъ Андрею Лопатину.»

Однако, съ точки зрѣнія юридической, Донъ пересталъ быть государствомъ не въ 1723 г., а въ 1721 году. Указомъ 3-го марта 1721 года Петръ I повелѣлъ: «Донскимъ казакамъ во всѣхъ управленіяхъ быть въ вѣдѣніи Военной Коллегіи.» Такимъ образомъ, во-первыхъ, сношенія съ Дономъ черезъ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ (Посольскій приказъ, а съ 1718 г. черезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ) прекращались; во-вторыхъ, всѣ дѣла, касающіяся Дона («по всѣмъ управленіямъ»), сосредоточивались въ Военной Коллегіи. Отнынѣ Донъ разсматривался, какъ провинція, а не какъ государство. И Войско Донское оставалось лишь въ качествѣ общины казаковъ, уже не вольныхъ, а служилыхъ, пользующейся извѣстнымъ самоуправленіемъ. Ни одно изъ учрежденій Дона не было уничтожено, но соотношеніе силъ между ними измѣнилось. Нормы имперскаго права не были примѣнены къ Дону. Онъ продолжалъ жить на основѣ своего собственнаго, никѣмъ не дарованнаго, никѣмъ не утвержденнаго права. Его государственная автономія смѣнилась областной автономіей, просуществовавшей до 1775 г.

Періодъ областной автономіи, начавшійся съ 1721 г., длился собственно до 1835-го года, когда издано было въ первые, въ формѣ имперскаго закона, сепаратное «Положеніе объ управленіи Войска Донского». — Однако, уже въ 1775 году, Екатериной II былъ нанесенъ весьма серьезный ударъ Донской Областной Автономіи.

Превращеніе Дона изъ Государства въ Провинцію было подготовленно Правительственными актами Центральной Власти, о которыхъ бѣгло упомянуто выше. Но и во внутренней жизни Дона, во второй половинѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка происходили измѣненія, которыя облегчили Центральному Правительству уничтоженіе Донской Государственности. Измѣненія эти касались, во-первыхъ, соціальнаго состава донского населенія, во-вторыхъ, органовъ власти на Дону.

Оба эти вопроса заслуживаютъ спеціальныхъ изслѣдованій. Здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, что, единая вначалѣ масса донского казачества, во второй половинѣ XVII в. раскололась на три неравныя части: старшинъ, «домовное» казачество и «голыдьбу». Старшины (бывшіе атаманы: войсковые, походные, станичные; «боевые» и «судовые» полковники, походные полковники; бывшіе войсковые дьяки и т. п.), являлись вождями казачества и сохраняли свой авторитетъ и послѣ сложенія съ себя полномочій, которыми надѣлилъ ихъ Кругъ. Съ середины XVII вѣка этихъ «знатныхъ», т. е. всѣмъ въ Войскѣ извѣстныхъ казаковъ, стали именовать «старшинами».

Хранители традицій: военныхъ, политическихъ и юридическихъ, — старшины пользовались вліяніемъ не только благодаря ихъ опыту, но и въ силу экономической мощи, которая понемногу сосредоточивалась въ ихъ рукахъ (добыча, скотъ, лошади, оружіе). Терскій атаманъ Иванъ Кукля, покровительствовавшій бѣжавшей къ нему съ Дону «голыдьбѣ», называлъ въ 1688 г. донскихъ старшинъ «станишными бояры и воеводы», а укрывшійся съ Дону на Терекѣ, бывшій на Дону станичнымъ атаманомъ Мурзенокъ грозился вернуться на Донъ и у «войсковыхъ старшинъ головы рѣзать, и бородами связывать и черезъ якору вѣшать».[1])

Такимъ образомъ, соціальный антагонизмъ обозначился рѣзко уже въ послѣдней четверти XVII вѣка. Эта эпоха наполнена борьбою двухъ партій, образовавшихся въ составѣ Войска и его выразителя — Круга. Это была партія т. н. московская, или старшинская; другая партія получила случайное названіе «раскольничьей». Послѣдняя состояла въ значительной степени изъ «голыдьбы», изъ пролетарскаго «новаго» казачества, изъ «молотчихъ людей». Эта группа Донского населенія состояла изъ «новоприходцевъ», бѣглыхъ рабовъ, стрѣльцовъ, старообрядцевъ, изъ тѣхъ, кого заставили бѣжать на Донъ крѣпостное право, «лихіе бояре», приказная неправда и религіозныя гоненія.

Пролетарское казачество не находило себѣ пропитанія на Дону. Жалованья еле хватало и «старымъ казакамъ». Земледѣліе было запрещено. Охота не могла прокормить всѣхъ. Скотъ и «зипунъ» и прочую «здобычъ» могла бы дать война. Но метрополія наложила руку на главнѣйшія внѣшнія сношенія Войска. Оставался разбой на Каспіи и попытка соціальной революціи въ Россіи. Разинъ испыталъ сперва одно, потомъ другое средство. Къ моменту его выступленія, «голыдьбы» набралось на Дону столько, что Разинъ могъ сказать войскому атаману многозначительныя слова: «ты владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ войскомъ».[2]) «Голыдьба» ненавидѣла московскіе порядки и горячо поддерживала донскія вольности и донскую независимость, стояла за свободу вѣры (за старый обрядъ) на Дону, но готова была перейти и въ нападеніе противъ метрополіи.

Московская старшинская партія тянула къ Москвѣ. Во время пріѣзда старшинъ въ Москву за ними очень ухаживали бояре. Послы потихоньку возили имъ подарки на Донъ. Но не грубый подкупъ заставлялъ казачью старшину обращать свои взгляды къ Москвѣ. Ихъ соціально-экономическіе интересы начинали уже отдѣляться отъ интересовъ донской общины. Переходъ отъ охоты къ скотоводству, а позже и къ земледѣлію; накопленіе богатствъ въ рукахъ старшинъ, пользованіе рабскимъ и наемнымъ трудомъ для охраны табуновъ и стадъ, для обработи земли, для личныхъ услугъ; захватъ земель войсковыхъ и станичныхъ; взиманіе процентовъ за ссуженный рядовымъ казакамъ капиталъ, — все это создавало для старшинъ особое положеніе въ средѣ нѣкогда единаго

[1]) Доп. къ Акт. Ист. XII, 271, 280.
[2]) Мат. для ист. возмущ. м. 1857 с. 196.

казачества. Стремленіе старшинъ стать независимыми отъ казачьей массы; желаніе обезпечить обработку своихъ земель принудительнымъ трудомъ крѣпостныхъ; жажда почета соотвѣтственно создавшемуся соціальному положенію, — все это заставляло казачьихъ старшинъ оглядываться невольно на Москву, вздыхать о дворянскомъ званіи, о титулахъ, о правѣ владѣнія крѣпостными.

Третій элементъ донского населенія, — «домовое» казачество, «старое», обладавшее недвижимостью, скотомъ, хозяйствомъ, стояло между этими двумя крайними группами. Говоря языкомъ марксистовъ, это была «буржуазная демократія» Дона, его основное политическое ядро. «Домовное» казачество весьма чувствовало религіозную связь съ метрополіей, видѣла въ царѣ общенаціональнаго вождя, цѣнило субсидію, получаемую колоніей отъ метрополіи. «Голыдьба», озлобленная на религіозныя преслѣдованія, расширяла свой протестъ до борьбы съ Московскимъ государствомъ. Правильно писалъ о ней кн. В. В. Голицыну казакъ Янъ Грекъ: «тѣ, которые суть противники апостольской церкви не есть раби великихъ государей...»[1]) Въ 1675 г. «голыдьба» грозилась: «если государь пришлетъ на Донъ рать большую, то мы замиримся съ Азовомъ и поднимемъ Крымъ, и старшинъ, которые съ Разинымъ не были и Государю доброхотствуютъ, побьемъ, чтобы они въ Москву вѣстей не давали[2]). «Вѣсти» въ Москву разсматривались, какъ измѣна Дону.

Старшины объясняли по этому поводу воеводѣ кн. Хованскому, что это «нѣкоторые пьяницы казаки въ верхнихъ городкахъ начали волноваться» и обнадеживали его, не безъ основанія, что «у казаковъ въ нижныхъ городкахъ никакихъ злыхъ умысловъ нѣтъ и не бывало.»

Экономическая независимость Дона отъ Москвы сыграла роковую роль въ дѣлѣ потери независимости. Экономическую блокаду примѣняли къ Дону и Борисъ (1600—1604), и Михаилъ (1625—1627, 1630—1632), но безуспѣшно. Блокада 1669—71 г. г. при Алексѣѣ вынудила «домовное» казачество присягнуть царю, хотя «молотчіе» люди три дня боролись въ Кругу противъ этого.

Расколъ, противъ воли своей, принялъ характеръ борьбы съ Московскимъ государствомъ. Старообрядцы, путемъ гоненій превращенные въ политическихъ эмигрантовъ, искали убѣжища на Дону. Въ партіи независимости они нашли друзей и защитниковъ. Къ этой партіи принадлежали Самойло Лаврентьевъ, бывшій войсковой атаманъ, старшина К. Чюрносовъ и другіе «домовые» казаки. Въ Кругу шла рѣзкая борьба обѣихъ партій, причемъ (въ 1671—1688 г. г,) Московской партіи приходилось плохо, и она искала защиты въ письмахъ въ Москву къ боярамъ, подстрекала Воронежскаго воеводу «управиться» съ раскольниками въ сосѣднихъ казачьихъ городкахъ. Но воевода помнилъ о «казачьемъ присудѣ» Донской земли и отвѣчалъ, что на р. Медвѣдицѣ ему «изгономъ про-

[1]) Доп. къ Акт. Ист. т. XIII (1688);
[2]) Соловьевъ, т. XII изд. 3.

мыслу и посылки учинить не мочно потому, чтобъ не возмутить всѣмъ Дономъ отъ тово дѣла».

Москва, долго наблюдавшая, увидѣла, что дѣло серьезно, когда стали приходить вѣсти, что на Дону, подъ вліяніемъ раскольниковъ перестали въ «войсковой бесѣдѣ» (трапезѣ послѣ Круга) «про государское здравіе заздравныя чаши пить, о государскомъ здравіи древніе обычаи отставили, три года (1684—1687) на церковной службѣ не поминали государей, и духовенство, и русское воинство. «Тогда московская партія получила поддержку. Москва потребовала выдачи вождей партіи независимости: имъ ставили въ вину угрозы итти на Москву, фразы: «Куды де намъ итти на Крымскаго, надобно де тутъ первое отчистить; лучше де нынѣ Крымской (ханъ) нежели наши цари на Москвѣ.»

Экономическая зависимость отъ Москвы рѣшила дѣло. Послѣ страстной борьбы въ Кругу «всѣмъ Войскомъ закричали: зачѣмъ де намъ его, Самойла (Лаврентьева), съ его единомышленники не отдать. Но не помереть бы намъ голодною смертью для ихъ.» . . . 10 мая 1688 г. на Красной площади, подъ топоромъ московскаго палача, упали головы вождей донской партіи независимости, въ томъ числѣ и бывшаго войскового атамана. Старшинская партія взяла верхъ.

Органомъ власти и вліянія старшинъ былъ неоффиціальный совѣтъ или «сборъ» старшинъ при атаманѣ. Полную аналогію ему въ учрежденіяхъ Украины мы находимъ въ т. н. «тайной радѣ», которую держалъ обычно «съ полковниками» гетманъ войска Запорожскаго, прежде чѣмъ учинить «явную раду всего войска», «всего народа».[1])

Еще въ 1592 году были казачьи протесты, что въ царской грамотѣ не были помянуты атаманы «имянно», т. е. по имени. Въ 1613—1614 г. г. изъ Москвы писали грамоты, поминая кромѣ войскового, еще 2, 3 и даже 7 именъ атамановъ. Въ 1623 г. предписывалось послу призвать (на Дону) къ себѣ, «лутчихъ атамановъ Исая Мартемьянова да Ешху Родилова и иныхъ атамановъ, и есауловъ, и казаковъ старыхъ и лутчихъ, которыхъ Войско слушаетъ.[2]) «Здѣсь очень точно описана группа, получившая съ 1640 г. названіе «старшины». Въ 1644 г. посланецъ Томила Карякинъ доноситъ царю о томъ, что онъ «слышалъ на Дону у атамана Ивана Каторжнаго и у его совѣтниковъ.[3]) «О 1646 годѣ имѣется извѣстіе, что плѣнныхъ турокъ «разспрашивали старшины одни, (войсковой атаманъ) Осипъ Петровъ, съ товарыщи, тайнымъ дѣломъ.»[4])

Вліяніе этого неоффиціальнаго «совѣта старшинъ» было громадно еще во времена народоправства. Не только всѣ военные планы разрабатывались въ немъ, но и всѣ дѣла гражданскаго быта, подлежавшія обсужденію въ Кругу. Голосъ старшинъ не былъ обяза-

[1]) Соб. Гос. грам. и Дог., т. III. 494.
[2]) Ист. опис., с. 122.
[3]) Доп. Дѣла, II. 702.
[4]) Дон. Дѣла, т. III. с. 70,

теленъ для атамана, еще менѣе для Круга. Но онъ имѣлъ и на атамана и на Кругъ сильнѣйшее вліяніе.

Несомнѣнно, вопреки голосу старшинъ и атамана, Кругъ поступилъ вопреки царской волѣ въ 1674 г., когда онъ отвергъ царское повелѣніе о постройкѣ крѣпости на Міусѣ. Въ 1686 г. Войско самостоятельно «замирилось съ крымскими и азовскими людьми и черкасы по своему войсковому обычаю», хотя въ 1671 г. и отказалось отъ сношеній съ Крымомъ. Въ 1689 году повелѣно было войсковому атаману Фролу Минаеву принять начальство надъ походнымъ войскомъ, но Кругъ, находя его присутствіе на Дону необходимымъ, выбралъ въ походные атаманы Ивана Семенова, вопреки волѣ царя.

Каковы были результаты старшинскаго правленія за 20 лѣтъ (1687—1707) видно изъ двухъ документовъ: похвальной грамоты Войску (21 февр. 1706 г.) и грамоты революціоннаго войскового атамана Булавина (2 мая 1708 г.). Похвальная грамота дана была казакамъ «за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо которую учинили въ 1705 г. въ возмущеніе астраханское,—на вѣчную имъ, и дѣтямъ ихъ и сродникомъ славу.» Перечисливши походы и службы при Алексѣѣ Михайловичѣ и его пріемникахъ, грамота гласила: «а которые изъ Донскихъ и иныхъ запольныхъ рѣкъ казаки, забывъ страхъ Божій и къ намъ, великому государю, свое обѣщаніе и заповѣди святыя апостольскія соборныя церкви, и явились въ расколѣ и въ иныхъ противностяхъ, и тѣхъ они, по вѣрной своей къ намъ службѣ, казнили смертію и ни до какова злова намѣренія тѣхъ возмутителей не допустили, а иныхъ ради подлиннаго розыску, переловя, присылали къ намъ, великому государю, къ Москвѣ» . . . А когда мятежные астраханцы прислали на Донъ «прелестныя воровскія ложныя письма,» желая присовокупить и . . . Войско Донское «къ своему воровству», то войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ знатною и разумною старшиною и съ прочими добрыхъ сердецъ казаками,» «подсыльщиковъ и съ прелестными письмами, оковавъ», прислали къ Москвѣ. Кромѣ того, «заказъ учинили крѣпкой» не приставать къ астраханскому «воровству», «подъ смертнымъ страхомъ».

Составъ Круга 1705 года вскрывается словами грамоты: атаманъ со . . . старшиною и съ прочими добрыхъ сердецъ казаками». Очевидно, партія независимости была уже настолько задавлена, что ея голосъ не звучалъ въ Кругѣ. Врядъ ли для созыва Круга 1705 г. были посланы «въ верховые городки войсковые для съѣзду письма». Врядъ ли даже очень значительно было участіе въ Кругѣ казаковъ и одиннадцати станицъ главнаго городка. Это видно изъ того, что запрещеніе («крѣпкіе войсковые указы») послали «въ донскіе верховые городки» — «войсковой атаманъ и знатная старшина, съ добраго и усердно радѣтельнаго своего совѣту. «И такъ, совѣтъ атамана и старшинъ, уже въ 1705 г., рѣшалъ и разсылалъ отъ имени Войска грамоты, прочитанныя, вѣроятно, для формы передъ Войскомъ, которое изображали лишь «добрыхъ сердецъ» казаки.

2-го мая 1708 г. избранный революціоннымъ Кругомъ въ атаманы Булавинъ сообщалъ, «отпискою» на имя Петра I и его «полководцевъ» о смѣнѣ Лукьяна Максимова и старшинъ «за многія къ намъ, (казакамъ) неправды и разореніе, и всякіе нестерпимые налоги». Оказывалось, что старшины присваивали и казакамъ «въ дуванъ» (раздѣлъ) ничего не давали изъ ежегоднаго жалованія и изъ чрезвычайныхъ денежныхъ присылокъ (1706 г. — 20.000 р.) 1708 г. — 10.000 р. «Да они жъ, неправые старшины» не исполняли указа «о неприниманіи новопришлыхъ съ Руси людей», и «о заимкѣ юртовъ безъ войскового вѣдома письма многія давали и за тѣ письма многія къ себѣ взятки брали». Одной рукой принимая бѣглыхъ, старшины другою рукою «неволею высылали въ Русь . . . многое число и старожилыхъ казаковъ и въ воду, ради своихъ взятокъ, сажали и по деревьямъ за ноги вѣшали женска полу и дѣвичья, тако жъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство надъ нашими женами и дѣтьми чинили, и городки многіе огнемъ выжгли, а пожитки наши они, старшины, на себя отбирали».

Такимъ образомъ возстаніе Булавина было направлено не только противъ метрополіи и ея вмѣшательства въ жизнь вольной колоніи, но и носило характеръ суда Войска, казачества, надъ старшинами. Правда, старшины сами были иногда не прочь поддержать казаковъ противъ попытокъ Москвы присылать на Донъ чиновниковъ изъ Москвы,[1]) но, обычно, они уже въ это время дѣйствовали больше «безъ войскового совѣту», т. е. безъ Круга.

Интересно, что войсковая отписка заявляла, что Долгорукаго, посланнаго на Донъ «для выимки бѣглыхъ», «убилъ не одинъ Кондратей Булавинъ, (а) съ вѣдома общаго нашего со всѣхъ рѣкъ войскового совѣту» за дѣйствія Долгорукаго «вопреки указовъ». Отписка гласила, что «казаки по совѣту всѣмъ Войскомъ Донскимъ иного атамана (Булавина) и старшинъ, кто намъ, Войску, годны и любы, выбрали».

Итакъ, возстаніе Булавина было направлено противъ метрополіи и одновременно противъ засилья «неправыхъ» старшинъ, на защиту донского народоправства и рядового казачества.

Чудовищный разгромъ, который потерпѣлъ Донъ въ столкновеніи съ метрополіей, рѣшилъ судьбы Донской демократіи и въ политическомъ, и въ соціальномъ отношеніи. Чрезвычайно символична сцена, разыгравшаяся въ Черкасскомъ городкѣ 19 апрѣля 1709 года на войсковомъ «майданѣ» (мѣстѣ собранія Круга). Въ этотъ день Петръ I, прибывшій на Донъ, повелѣлъ «взоткнуть на колъ» засушенныя головы обоихъ атамановъ революціоннаго времени, Булавина, покончившаго съ собою при арестѣ, и Зерщикова, который его арестовывалъ, но, несмотря на это, былъ взятъ въ Москву и обезглавленъ. «Поверхность» Россійская надъ Дономъ, суверени-

[1]) Въ 1703 г. старшины помѣшали стольникамъ Пушкину и Кологривову сдѣлать перепись казаковъ; въ 1706 г. поддержали Булавина, какъ бахмутскаго атамана, когда онъ помѣшалъ дьяку Горчакову отобрать у донцовъ солеварни. Они же подстрекнули Булавина къ расправѣ съ кн. Долгорукимъ (1707 г.).

тетъ метрополіи надъ вольной колоніей, были продемонстрированы весьма наглядно. Затѣмъ была осуществлена программа, предложенная кн. Вас. Долгорукимъ, усмирителемъ Дона, «сей сарыни», которая ничѣмъ «кромѣ жесточи не можетъ унята быть». Жестокости было проявлено достаточно. Десятки городковъ были стерты съ лица земли. Многія тысячи казаковъ казнены или бѣжали въ эмиграцію, на Кубань.

Долгорукій предлагалъ: 1. «опредѣленіе (расправу) съ ними сдѣлать, чтобы и впредь имъ нельзя (было) не токмо дѣлать, (но) и мыслить»; 2. «вольности у нихъ убавить»; 3. которые городки вновь поселились верхніе близь нашихъ городовъ, — чтобъ конечно (окончательно) у нихъ отнять. «. . . Опредѣленіе» и аннексія 1.000,000 десятинъ къ россійскимъ губерніямъ были сдѣланы. Затѣмъ Петръ I предписалъ Долгорукому: «когда будешь въ Черкасскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобъ выбрали атамана добраго человѣка, Долгорукій возражалъ, что на Дону «всѣ изминили сплошь» . . . «въ лице выберутъ дураковъ, а сами изъ за нихъ воруютъ» . . . «Одно средство — оставить въ Черкасскѣ полкъ солдатскій.» Петръ высказался противъ военной окупаціи столицы Дона, все равно до нея отъ Азова (тогда царской крѣпости) было лишь 30 верстъ.

«Добрый человѣкъ» былъ выбранъ въ лицѣ Петра Рамазанова. По словамъ Крюйса, еще въ 1700 году Лукьянъ Максимовъ былъ «выбранъ вольными голосами, но утвержденъ». Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Рамазановъ былъ избранъ (въ 1709 г.) по желанію Петра и до смерти не былъ смѣняемъ Кругомъ. Оставалось «вольности у нихъ убавить». Петръ I и здѣсь предпочелъ не уничтожать Круга, а оказывать на Войско воздѣйствіе неформальное. Кругъ, послѣ 1709 года, сталъ собираться лишь нѣсколько разъ въ году, да и то болѣе для одобренія того, что было уже рѣшено атаманомъ и старшинами. Атаманъ, зависѣвшій ранѣе отъ ежегоднаго переизбранія, чувствуя поддержку высочайшей власти и центральнаго правительства, сразу выросъ въ смыслѣ своего значенія. Соотвѣтственно умалилось значеніе Круга. Все больше и больше сталъ замѣщать Кругъ, для рѣшенія текущихъ дѣлъ, неформальный совѣтъ старшинъ въ «войсковой избѣ».[1])

Глава II.

Кругъ въ эпоху областной автономіи (1721—1775). Кругъ и Граждан. Правительство (1775—1797).

Въ 1715 г. комендантъ Транжамента (царской крѣпости, построенной на донской территоріи, близь Черкасскаго, взамѣнъ сданнаго въ 1713 г. туркамъ Азова) доносилъ: «послѣ погребенія Емельянова» (Рамазанова) «по ихъ обыкновенію былъ войсковой Кругъ для избранія атамана. Собрались всѣ станицы и большая

[1]) „Войсковая изба" — терминъ, собственно, яицкій, не донской.

часть приговорила быть атаманомъ изъ старшинъ Василію Фролову», (кандидату центральной власти), «меньшая же часть стояла за старшину Максима Кумшацкаго; однако жь рѣшено было у нихъ быть войсковымъ атаманомъ Кушмацкому и насѣку ему вручили впредь до указу». Въ 1718 году Кругъ избралъ, наконецъ, Василія Фролова, сына знаменитаго Фрола Минаева. И Войско «просило для подтвержденія того себѣ указу, понеже имъ безъ войскового атамана пробыть невозможно» . . . 18-го января 1718 г. дана была высочайшая грамота: «указали мы, великій государь, на Дону у васъ войсковымъ атаманомъ быть тебѣ, Василію Ѳролову, по выбору всего Войска Донского . . . впредь . . . до нашего указу бесперемонно . . .»

Этимъ указомъ правамъ Круга, донскому народовластію, нанесенъ былъ тяжкій ударъ. Когда Фроловъ «умре», то казаки «выбрали и учинили войсковымъ атаманомъ» Ивана Матвѣевича Краснощекова, героя войнъ съ турками и шведами. Петръ I, ссылаясь на то, что Краснощековъ состоялъ подъ судомъ «за взятіе у украинскихъ жителей вещей и денегъ», отказалъ въ утвержденіи. Но онъ и не предложилъ Кругу выбрать новаго атамана, а рѣшилъ вопросъ самъ. «Того ради — писалъ Петръ — наше императорское величество повелѣли въ атаманахъ быть впредь до нашего указу изъ старшинъ Андрею Лопатину.»

Такимъ образомъ, послѣднимъ выборнымъ атаманомъ (до 1917 г.) былъ Краснощековъ, и послѣднимъ атаманомъ, правившимъ по выбору Круга, былъ Василій Фроловъ. Лопатинъ, умершій въ 1735 г. и смѣнившій его Иванъ Фроловъ (братъ Василія), также назначенный, именовались «наказными атаманами», т. е. правившими по «наказу», по назначенію. Наконецъ, Анна Іоанновна 4-го марта 1738 г. «для нынѣшнаго военнаго случая» разсудила «за благо и потребно» опредѣлить «при Донскомъ Войскѣ особливаго войскового атамана, вмѣсто наказного атамана, которымъ до нынѣ войсковыя дѣла управляемы были» . . . Того ради она «онаго Войска старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя ево Намъ и предкамъ Нашимъ службы», пожаловала «въ оный чинъ войскового атамана». А на Донъ написали, что Ефремова пожаловали «къ оному Войску Донскому настоящимъ войсковымъ атаманомъ».

Въ лицѣ Ефремова пожалованъ былъ «въ чинъ» войскового атамана не только отличавшійся въ войнахъ старшина, но и сынъ идейнаго руководителя московской партіи, Ефрема Петрова, казненнаго Булавинымъ. Самое обозначеніе званія атамана «чиномъ» показываетъ, какъ петербургскія канцеляріи за 23 года, если не за 29 лѣтъ практики утвержденія и назначенія атамановъ на Донъ, утратили истинное представленіе о сущности званія атамана.

Данила Ефремовъ правилъ съ 1738 по 1753 годъ. Уже съ 1749 г. сынъ его Степанъ сталъ наказнымъ атаманомъ, замѣняющимъ отца, при отъѣздахъ того съ Дона. Съ 1753 г. Степанъ Ефремовъ сталъ войсковымъ атаманомъ, но отецъ его до самой смерти (1763 г.) оказывалъ вліяніе на дѣла Дона. Отмѣна выборности атамановъ имѣла своеобразные результаты для Дона. Нес-

частный Прутскій миръ (1711) и смерть Петра остановили движеніе Россіи къ Черному морю на полъвѣка. Вольная колонія, стоявшая на путяхъ метрополіи къ морямъ, могла бы нѣсколько оправиться, сохранить свою, подвергшуюся ударамъ, автономію при слабыхъ преемникахъ Петра. Украина, какъ мы знаемъ, пережила возрожденіе своей автономіи. На Дону же Данила Ефремовъ сдѣлался своего рода владѣтельнымъ княземъ. Онъ до того проникся этой психологіей, что даже, уходя со службы «за старостью», выхлопоталъ передачу атаманства по наслѣдству сыну своему. Любопытный указъ Елизаветы, отъ 12 авг. 1753 г., устраивалъ семейныя дѣла Ефремовыхъ, а — за компанію, между прочимъ — и судьбы Войска Донского. Покидая свой постъ, Данило изъявилъ готовность, въ нужныхъ случаяхъ, «противъ непріятеля войскомъ донскимъ командовать и во всякихъ нужныхъ приключеніяхъ распоряженія чинить . . .» Для того, Ея Императорское Величество, видя его въ воинскихъ и пограничныхъ дѣлахъ искусство, которому долженъ онъ и сына своего, Степана, обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова . . . чиномъ армейскаго генерала-маіора, подъ котораго командою, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ его, войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, со всѣмъ Войскомъ Донскимъ . . .»

Эпоха наказныхъ атамановъ, а затѣмъ назначеннаго Данилы и «наслѣдственнаго» Степана, въ исторіи Дона, была временемъ постепеннаго паденія значенія Круга, аристократическаго правленія старшинъ и, наконецъ, самодержавія атамана.

Въ противоположность Украинѣ (Малой Россіи), соединеніе коей съ Россійскимъ Государствомъ состоялось на нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя были выставлены малороссійской казачьей старшиной, затѣмъ духовенствомъ, и городами, и были имъ «пожалованы» царемъ, относительно Войска Донского, его положенія въ составѣ Имперіи и правъ его гражданъ не состоялось ни одного акта общаго характера. Взамѣнъ этого была издана въ XVIII-мъ и началѣ XIX вѣка масса отдѣльныхъ жалованныхъ грамотъ на отдѣльныя права и привиллегіи Войска и казачества. Эта масса сепаратныхъ законовъ можетъ быть сведена въ нѣкую «систему жалованныхъ правъ и привиллегій».

Не слѣдуетъ думать, что этими грамотами жаловались донскимъ казакамъ и Войску какія либо права, коими они не обладали ранѣе. Наоборотъ, всѣми правами казаки и Войско обладали въ полной мѣрѣ, какъ граждане республики и какъ государство. Высочайшія грамоты дѣлали изъятія изъ имперскаго права, основами коего были: самодержавіе, централизація, крѣпостное право. Основами же неписаннаго донского казачьяго права были: народоправство, личная свобода гражданъ, свободное использованіе естественныхъ богатствъ. Поэтому, имперская власть, въ огражденіе Войска и казачества, вынуждена была дѣлать изъятія, предписывая властямъ и гражданамъ Имперіи соблюдать права, принадлежавшія искони вольному казачеству, гражданамъ новоприсоединенной республиканской колоніи.

Исконными правами Войска были: право на землю и на угодья; особый образъ управленія и особый образъ служенія казачества. Правами, полученными въ эпоху вассалитета, были: жалованье (субсидія) Войску и безпошлинная торговля, сопряженная съ свободнымъ проѣздомъ казаковъ въ Россію. Они же и были, по существу, жалованными. Ибо неоднократно подтвержденныя въ XVIII вѣкѣ права казачества на свободное добываніе и потребленіе вина и соли были естественными, исконными правами донскихъ гражданъ.

Ни однимъ спеціальнымъ актомъ не была опредѣлена конституція края. Однако, «особое управленіе Войска», глухо упоминаемое въ грамотахъ, имѣло свои очертанія и предѣлы. Черты областной автономіи были: самоуправленіе Дона въ центрѣ и на мѣстахъ (въ Войскѣ и въ станицахъ); выборность всѣхъ административныхъ (военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ) лицъ, кромѣ атамана; донское происхожденіе всѣхъ этихъ властей; отсутствіе какихъ-либо комиссаровъ центральной власти въ области; подсудность казаковъ только казакамъ и примѣненіе къ нимъ лишь донского, а не имперскаго права; личная свобода всѣхъ казаковъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ; отбываніе службы по казацкому обыкновенію, а не по имперскому праву; свобода отъ постоя и какихъ либо податей, повинностей и налоговъ; равенство всѣхъ казаковъ, внѣ дѣйствительной военной службы, между собою.

Въ этихъ чертахъ ясно видны всѣ признаки свободныхъ гражданъ республики. Эти права были «привиллегіями» лишь въ рабской обстановкѣ самодержавно-крѣпостнической Россіи.

Каково же было положеніе Круга въ описываемую эпоху (1721—1775)? Данила Ефремовъ, правившій по старинѣ, считалъ своимъ долгомъ показывать внѣшнее вниманіе и къ совѣту старшинъ и къКругу. Повидимому, въ 1722 г. учреждена была «Войсковая Канцелярія» или «Канцелярія Войсковыхъ Дѣлъ», подъ начальствомъ «войскового дьяка». «Сборъ старшинъ въ «Войковой Канцеляріи» собирался подъ предсѣдательствомъ войскового или наказного атамана для рѣшенія текущихъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Войсковые старшины являлись въ количествѣ 15—20 чел., кто былъ въ Черкасскомъ. «Для докладу» какъ и въ Кругу, участвовали «войсковые есаулья». Приговоры записывалъ «войсковой дьякъ». Нѣкоторыя дѣла рѣшались окончательно. О другихъ постановлялось: «отдать на обсужденіе старшинамъ и казакамъ въ Войсковомъ Кругу».

Кругъ собирался довольно рѣдко. Обязательно бывалъ Кругъ «на новолѣтіе», для выбора всѣхъ войсковыхъ чиновъ, кромѣ атамана, т. е. «дьяка», есауловъ войсковыхъ и старшинъ. Старшины, избираемые въ это званіе Кругомъ, именовались «войсковыми», въ отличіе отъ тѣхъ, которыхъ избирало на военное время «походное войско», въ помощь выборнымъ же полковникамъ. Уже въ 1730-хъ годахъ званіе «старшинъ» было, въ сущности, пожизненнымъ. Въ Россіи, — въ арміямъ и въ Военной Коллегіи, — понемного соз-

давалось представленіе, что на Дону существуютъ «чины» старшинъ, есауловъ и т. п., какъ и чины арміи, только ихъ нельзя ставить вровень съ армейскими. Въ 1740 г. г. начинали «производить въ чинъ» старшины и командующіе арміями, и Военная Коллегія, и даже войсковой атаманъ. До 1754 г. Кругъ боролся за свое право избирать старшинъ и разжаловать ихъ въ рядовые казаки на срокъ и пожизненно. Такъ, въ 1751 г. старшина Лащилинъ «за нѣкоторую оказанную имъ войску, яко главной своей командѣ противность и непослушаніе» лишенъ былъ «старшинской чести и написанъ на три мѣсяца въ рядовые казаки». А въ 1754 г. старшина Перфиловъ «за продерзости и за взятки и за освобожденіе по поимкѣ великороссійскихъ бѣглецовъ лишенъ старшинскаго чина и написанъ вѣчно въ рядовые казаки.»

Въ 1754 г. Военная Коллегія взяла въ свои руки сперва утвержденіе избранныхъ Кругомъ, а затѣмъ и «пожалованіе» въ старшины.

Однако, выборы войсковыхъ есауловъ были правомъ Круга. Въ 1767 г. старшина и войсковой дьякъ Яновъ жаловался, что «войсковой наказной атаманъ Сулинъ, не взирая на приговоръ многихъ старшинъ, станичныхъ атамановъ и всего Круга казаковъ и, не принявъ отъ него, дьяка, представленія, имѣя въ рукахъ своихъ войсковую насѣку, безразсмотрительно, сыну своему, Дмитрію, оную изъ собственнаго своего произволенія ему отдалъ». Это назначеніе вмѣсто избранія, учиненное «казацкимъ обрядамъ въ противность», было отмѣнено Военной Коллегіей.

Кругу же принадлежало право выбора тѣхъ старшинъ, которыхъ Войско посылало для исполненія особыхъ войсковыхъ порученій. Въ частности, Войско посылало «войсковыхъ для сыску бѣглыхъ старшинъ,«чтобы избавить Войско отъ прихода воинскихъ командъ изъ россійскихъ губерній. Кругъ же выбиралъ и старшинъ, посылавшихся для цѣлей слѣдственныхъ, карательныхъ, административныхъ. Вообще Войско учрежденію постоянныхъ должностей внутри Войска предпочитало систему комиссаровъ и эмиссаровъ съ особыми порученіями.

Но надо признаться, что эти — «выборы» въ Кругу въ XVIII вѣкѣ были скорѣе фикціей, ибо все было предрѣшено атаманомъ и сборомъ старшинъ. Кругъ «на Покрова» (1 окт.) избиралъ (1775 г.) составъ «зимовыхъ станицъ».

Майскій «съѣздъ» бывалъ ежегодно, причемъ часто Ефремовъ и старшины изъ за половодья, выѣзжали на бугоръ, у станицы Аксайской. Этотъ «съѣздъ» носилъ, по преимуществу, характеръ судебный по дѣламъ, которыхъ не рѣшилъ «сборъ старшинъ». На немъ же рѣшались и дѣла земельныя. Въ 1742 г. Кругъ постановилъ, а атаманъ ходатайствовалъ—поселить новую станицу на Донцу межъ Усть-Быстрянской и Усть-Бѣлокалитвенской станицами. Изъ Петербурга напомнили указы «блаженныя памяти» Петра I и его «жестокое запрещеніе». Главныя же земельныя дѣла были — споры между станицами. Но разграбленіе войсковой старшиной войсковой земли до Круга не доходило. Грамоты на землю старшинамъ разда-

вала Войсковая Канцелярія по приказамъ атамана и по постановленіямъ сбора старшинъ».

Былъ разрядъ дѣлъ, которыя старшины не рѣшались своею властью, безъ Круга, рѣшать окончательно. Это были дѣла, касавшіяся военной службы казачества. Когда, въ 1740 году Данила Ефремовъ сталъ строить въ Черкасскомъ новыя крѣпостныя стѣны изъ камня, «формальной дефензіей», то въ этомъ было усмотрѣно то, что теперь именуютъ «сепаратизмомъ». Въ Сенатѣ возникло цѣлое дѣло объ атаманѣ, который позволилъ себѣ постройку крѣпости «съ нѣкоторою старшиною безъ (царскаго) указу и безъ совѣту Войска Донского». Такимъ образомъ, даже центральное правительство полагало, что въ данномъ случаѣ атаманъ долженъ былъ дѣйствовать согласно съ Кругомъ.

Посылая на Донъ, въ 1772 году — по случаю отозванія въ Петербургъ атамана Степана Ефремова, — своего комиссара, ген. Черепова, чтобы онъ «споспѣшествовалъ безостановочному теченію дѣла» Военная Коллегія приказала Черепову не «входить ни въ какія внутреннія собственно войсковыя дѣла, ниже въ выборы, наряды и правленіе». «Наряды» на военную службу и составляли одно изъ правъ Круга въ XVIII вѣкѣ. Для участія въ этомъ дѣлѣ вызывались въ Черкасскъ на Кругъ станичные атаманы.

Наконецъ, Кругъ рѣшалъ всѣ вопросы о принятіи въ казаки по представленіямъ станицъ, объ увольненіи отъ дѣйствительной службы и т. п. Когда ген. Левашевъ, командовавшій отрядомъ, уволилъ въ 1737 году отъ службы «за старостью» казака Оспина Чернаго и сообщилъ Войску для исключенія его изъ списка служилыхъ казаковъ, то Войско протестовало, и по рѣшенію Военной Коллегіи дѣло рѣшилъ Кругъ. Равнымъ образомъ при переселеніи 1000 семействъ донскихъ казаковъ на г. Аграхань, «нарядъ» былъ сдѣланъ Кругомъ (1724 г.).

Составъ Круга былъ традиціонный: жители II станицъ, составлявшихъ Черкасскій городокъ, станичные атаманы, большею частью, ближайшихъ городковъ, «пріѣзжіе изъ станицъ» старики. Въ XVIII вѣкѣ допускались даже «станицные приписные малороссіане». Выборы въ «станицы», посылавшіяся по традиціи (до 1775 г.) въ Петербургъ, имѣли характеръ назначенія награды за военныя заслуги. И здѣсь много значилъ голосъ атамана и старшинъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше утрачиваетъ Кругъ въ пользу центральной власти, атамана, «сбора старшинъ» и Войсковой Канцеляріи свои исконныя права, тѣмъ больше превращается онъ въ декорацію. Его собираютъ для выслушанія царскихъ жалованныхъ грамотъ, манифестовъ о войнѣ, мирѣ, восшествіи на престолъ, рожденіи и смерти высочайшихъ особъ, для предъявленія новопожалованныхъ знаменъ и регалій. Послѣ Круга слѣдуетъ «войсковая бесѣда», но кушаютъ и пьютъ больше старшины и станичные атаманы.

Донъ участвовалъ въ выборѣ депутатовъ въ Екатерининскую Законодательную Комиссію 1767 года. Каждая станица прислала 2 выборщиковъ, а общее ихъ собраніе избрало 6 депутатовъ. Во-

просъ объ автономіи Войска, о правахъ Круга не былъ поставленъ донскими депутатами, заботившимися о дарованіи казацкой старшинѣ правъ дворянскаго званія и покупки крѣпостныхъ. Зато «Комиссія о родахъ государственныхъ», при большой Комиссіи, выработала «Проектъ законовъ о правахъ войскъ казачьихъ».[1])

Согласно этого проэкта, «жительствующіе войсками казаки» имѣли «въ своихъ мѣстахъ учрежденныя правительства (§ 25) и право «собираться и избирать въ свои правительства судей на установленномъ обрядѣ». (§ 26). Войсковымъ «Правительствомъ» называли авторы проекта всего навсего «Войсковую Канцелярію», въ коей «президентъ» назначался «отъ Высочайшей власти», «прокуроръ» и половина «членовъ» — отъ «вышняго правительства» и лишь половина членовъ — «выбирается изъ того войска». Этихъ членовъ должно было выбирать собраніе выборщиковъ, по 3 человѣка отъ станицы, собравшихся «въ присутствіи Войсковой Канцеляріи». Очевидно, это собраніе выборщиковъ и должно было замѣнить собою Войсковой Кругъ. Но Комиссія 1767 г. была распущена и проектъ ея остался на бумагѣ. Впрочемъ, должно сказать, что личныя права казачества были недурно разработаны въ проектѣ невпримѣръ правамъ Войска въ области самоуправленія.

Здѣсь не мѣсто разсказывать о томъ, что творили на Дону не только по отношенію къ рядовому казачеству и крестьянамъ, но и по отношенію къ старшинамъ оба Ефремовы. Степанъ, дѣйствовавшій вдали отъ «ока» центральной власти, пересталъ считаться и со «Сборомъ старшинъ». Отецъ его неоднократно шелъ противъ воли Круга и старшинъ, закрывая ротъ непослушнымъ ссылкою на «высочайшую довѣренность» къ нему. Степанъ вступалъ въ борьбу съ самодержавіемъ императорской власти во имя своей автономіи сатрапа. Но онъ искусно сумѣлъ оперется въ началѣ борьбы своей съ Екатериной на казачество. Когда на Дону получено было повелѣніе 27 авг. 1769 г. о вызовѣ желающихъ донцовъ для службы въ Азовскомъ и Таганрогскомъ казачьихъ отдѣльныхъ (при крѣпостяхъ), полкахъ, Ефремовъ собралъ «съѣзжій Кругъ» и, выражая соболѣзнованіе, обѣщалъ освободить казаковъ отъ переселенія. Казачество увидѣло въ Ефремовѣ защитника отъ «регулярства». Когда начальство послало на Донъ ген. Черепова, который потребовалъ отъѣзда атамана для объясненія въ Петербургъ и запретилъ принимать отъ атамана повелѣнія, Ефремовъ снова оперся на Кругъ. 1-го октября 1772 года собрался Кругъ, который возмутился попыткой Черепова возстановить Войско противъ атамана. «Генералъ хочетъ насъ въ регулярство писать, а рѣку раздѣлить», — кричали казаки. Черепова приволокли къ Ефремову и хотѣли его «въ воду посадить», но атаманъ заступился за Черепова, замѣтивши ему съ усмѣшкой: «Это Донское Войско, не Яицкое». Ефремовъ, конечно, намекалъ Черепову на то, какъ онъ предательски разстрѣлялъ пушками Яицкій Войсковой Кругъ въ 1766 году.

Въ ночь на 9 ноября 1772 г. въ Черкасскомъ раздался набатъ, и загремѣли выстрѣлы вѣстовыхъ пушекъ. Оказалось, что

[1]) Сб. Р. Ист. Об., т. 36, с. 235.

атаманъ былъ схваченъ командою драгунъ въ его имѣни «Зеленый Дворъ», и увезенъ въ крѣпость Св. Дмитрія Ростовскаго. Старшина Вас. Иловайскій съ 300 казаковъ поскакалъ къ крѣпости отбивать атамана. Кругъ собирался непрерывно нѣсколько дней, послали вѣсти въ верхнія станицы, но движеніе стало утихать, когда узнали, что Ефремовъ взятъ по высочайшему повелѣнію прибывшимъ изъ Петербурга офицеромъ гвардіи.

Октябрскій и Ноябрскій Круги напомнили тѣ круги, которые были обычны для XVI—XVII в. в. Но теперъ они носили характеръ революціонный. Правительство отвѣтило на нихъ репрессіями. Однако, донцы вскорѣ получили отпущеніе грѣховъ, ибо мятежъ Пугачева поставилъ предъ имперіей вопросъ объ «оказаченіи» всего крестьянства. Пугачевъ, самъ донецъ, не забывалъ въ своихъ манифестахъ и Дона. Еще 16 Сент. 1773 г. Пугачевъ объявилъ яицкимъ казакамъ, что «намѣренъ возстановить ихъ вольность». Взявши яицкій городокъ, Пугачевъ приказалъ казакамъ созвать Кругъ и выбрать себѣ атамана и старшинъ, съ правомъ смѣстить ихъ хоть черезъ три дня. Призывая донцовъ присоединиться къ нему, онъ писалъ (въ манифестѣ отъ 13 авг. 1774 г.): «вы нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ». Въ манифестѣ къ «Березовской станицы г. атаману и всѣмъ ... казакамъ» онъ обвинялъ «злодѣевъ-дворянъ» въ томъ, что они «подвергнули, кромѣ (т. е. помимо) нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство ..., черезъ что, какъ яицкое, донское и волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія.» Истребленіемъ казачьяго рода, очевидно, называлъ Пугачевъ политику Екатерины, направленную противъ привиллегій казачества и остатковъ народоправства. Онъ зналъ лично о борьбѣ донцовъ и противъ созданія Азовскаго и Таганрогскаго поселенныхъ служилыхъ казачьихъ полковъ. Еще лучше зналъ онъ о кровавомъ истребленіи народоправства на Яикѣ. Донское казачество колебалось. Трудно сказать, что было бы, если бы Донъ не пережилъ только что репрессій по Ефремовскому дѣлу, если бы большая часть казаковъ не была въ то время на войнѣ, если бы въ основѣ дѣла Пугачева не лежалъ обманъ самозванства. Недаромъ, при встрѣчахъ Пугачева съ донцами, «злодѣй рожу свою отъ нихъ отворачивалъ». Донъ не поддержалъ Пугачева, какъ не отстоялъ и Ефремова. Кровопусканіе 1708 г., старшинское правленіе въ теченіе 65 лѣтъ — ослабили и казачество и народоправство.

Екатерина II нанесла казачьимъ автономіямъ тяжкіе удары. 3-го авг. 1775 г. сѣчь Запорожская была «вконецъ разрушена». Императрица называла Запорожскую республику «совсѣмъ особливымъ политическимъ сонмищемъ», замыслившимъ «составить изъ себя посреди отечества область совершенно независимую подъ собственнымъ своимъ неистовымъ управленіемъ». Такимъ образомъ, Императрица въ автономіи Войска видѣла сепаратизмъ и въ ея республиканскомъ устройствѣ «непстовое» управленіе. Что ка-

сается Япка, то комендантское управленіе, замѣнившее собою въ 1772 г. «народное правленіе и круги», было уничтожено въ 1775 г. и установлены: войсковой атаманъ (по назначенію) и войсковая канцелярія. «Народное правленіе» возстановлено не было.

Въ томъ же году, въ отношеніи войска Донского, состоялся актъ, который нанесъ серьезнѣйшій ударъ его областной автономіи. Указомъ 15 февраля 1775 г. было учреждено на Дону «Войсковое Гражданское Правительство», которому ввѣрено было «все хозяйственное въ предѣлахъ Войска внутреннее распоряженіе». Равнымъ образомъ, было предписано «всѣ до промысловъ, торговли и протчія гражданскому суду подлежащія дѣла производить на генеральномъ во всемъ государствѣ установленіи, съ соблюденіемъ данныхъ оному Войску привиллегій». «Правительство» подчинено было Потемкину. Въ немъ должны были присутствовать, сверхъ атамана, «изъ тамошнихъ старшинъ надежнѣйшіе и знающіе», по избранію Потемника «непремѣнныхъ два и по общему выбору погодно четыре.» Военныя дѣла поручены были атаману, на общихъ для «генералитета» основаніяхъ.

Одновременно, Потемкинъ смѣнилъ наказного атамана Сулина «по несоотвѣтствующему преподаваемымъ» отъ Потемкина «почасту руководствамъ правленію и какъ неимѣющаго отъ всѣхъ старшинъ довѣренности,» т. е. довѣрія.[1]) На его мѣсто Потемкинъ представилъ Императрицѣ Иловайскаго, «которому въ благонравіи и честности не токмо я, — оговаривался Потемкинъ, — но и большая часть старшинъ подлежащую справедливость отдать долженствуетъ. «Итакъ, А. И. Иловайскій былъ кандидатомъ старшинъ, которыхъ притѣснилъ нѣсколько Ефремовъ, и не очень поощрялъ честный Сулинъ. «Благонравіе» Иловайскаго заключалось въ погонѣ за Пугачевымъ, который когда то былъ у него, на войнѣ, въ отрядѣ хорунжимъ.

Правленіе Иловайскаго было эпохой всевластія старшинъ, разграбленія войсковыхъ земель и заселенія ихъ «малороссіянами.» Надо сказать, что и «Войсковое Гражданское Правительство» болѣе заботилось о соблюденіи привиллегій Войска, нежели о производствѣ дѣлъ на «генеральномъ» (т. е. общемъ) для всей имперіи основаніи. При выборахъ 4 членовъ Гражданскаго правительства предписывалось «по всѣмъ станицамъ отобрать надлежащія о назначиваемыхъ судьяхъ одобренія». Понимай, какъ хочешь. На дѣлѣ, членовъ Правительства выбирали сами старшины, созывая изъ приличія и для декораціи Кругъ изъ жителей столицы. Цѣлъ учрежденія Правительства заключалась въ ограниченіи «неограниченной власти атамана» общими административными нормами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣнена была старая войсковая печать (1704 г.): «казакъ на бочкѣ» и замѣнена печатью съ государственнымъ гербомъ. До 1786 г. Правительство разсылало еще «войсковыя грамоты» по станицамъ, но затѣмъ онѣ были замѣнены «предписаніями Войскового Гражданскаго Правительства». Въ 1775 г. прекратился обычай посылать «зимовыя станицы», избираемыя Кругомъ. Въ октябрѣ 1774 г. пріѣз-

[1]) Наказными атаманами были Вас. Машлыкинъ (1772—1773) и Семенъ Сулинъ (1773—1775), оба назначенные не безъ указанія старшинъ.

жала лишь депутація отъ войска, изъ «депутатовъ законодательной Комиссіи» съ тремя выбранными отъ Круга и «именемъ всего донского общества» и по «желанію всего Войска» просила о переводѣ Зимовейской станицы, родины Пугачева, на другое мѣсто.

Вообще же между войскомъ и верховной властью сталъ отнынѣ войсковой атаманъ, подчиненный Потемкину по военной части, какъ Вице-Президенту Военной Коллегіи и какъ «начальнику легкой кавалеріи и иррегулярныхъ войскъ», и по гражданской части—ему же, какъ генералъ-губернатору Новороссійской губерніи.[1]) Кромѣ атамана и Потемкина, «вице-императора» россійскаго, Войско подчинялось нормально—по военнымъ дѣламъ—Военной Коллегіи, по уголовнымъ дѣламъ — въ порядкѣ ревизіи — Потемкину (до 1791 г.), а потомъ (1791—1796) Военной Коллегіи, по гражданскимъ судебнымъ дѣламъ — Сенату.

Итакъ, мы видимъ, что Кругу уже въ 1775—1797 г. г. нечего было дѣлать. Его собирали для выслушанія жалованныхъ грамотъ, вродѣ грамоты Войску на землю отъ 27 мая 1793 г., когда вызывали представителей отъ станицъ и раздавали имъ по куску Царскаго хлѣба-соли для распредѣленія по станицамъ. Его призывали для «одобриванія» выбранныхъ уже старшинами четырехъ членовъ Гражданскаго Правительства, войскового дьяка и войсковыхъ есауловъ, а равно старшинъ «для сыску бѣглыхъ.» Войсковые есаулы превращались понемногу въ офицеровъ для порученій при атаманѣ и лишь декоративно выступали «для докладу» на Кругахъ. Уже намѣтились опредѣленные традиціонные дни, когда собирали Кругъ и вычитывали опредѣленныя серіи жалованныхъ грамотъ (1 янв., 1 мая, 1 окт. и нѣкоторые другіе). Въ маѣ выслушивались голоса представителей станицъ о распредѣленіи жалованья. Кругъ становился уже лишь «символомъ» былого народовластія. Ни центральная власть, ни правящее сословіе (на половину одворяненные въ 1775 г. старшины) не посягали на символъ, за который держалась казачья масса. Но духъ уже отлетѣлъ отъ этого учрежденія. И только въ сердцахъ немногихъ донцовъ патріотовъ и въ сознаніи массы жила память о величіи Круга.

Въ 1792 г. о Кругѣ вспомнили вдругъ и начальство и казаки, но различно опредѣлили назначеніе Круга. При попыткѣ насильственно переселить на Кубанъ донцовъ, оставивши тамъ навсегда находившіеся на службѣ 6 донскихъ полковъ и выславши къ нимъ съ Дону ихъ семьи. Три полка — Поздѣева, Луковкина и Кошкина — со знаменами, но безъ старшинъ, двинулись въ Черкасскъ, устроили Кругъ и потребовали у атамана объясненій, «за что онъ отдаетъ ихъ на поселеніе».

Иловайскій распустилъ ихъ по домамъ. Воинскій судъ при Военной Коллегіи, сославши главныхъ виновниковъ въ Нерчинскъ, постановилъ другихъ, менѣе важныхъ, но «большую дерзость и раз-

[1]) 14 февр. 1775 г.: „гор. Черкасскъ и всѣ жилища вѣрнаго намъ Войска Донского, съ соблюден. онаго при всей его собственност и ипри всѣхъ благозаслуженныхъ правостяхъ,ꙗ были зачислены Екатериной II въ составъ Азовск. губ., съ подчиненіемъ Потемкину, начальнику края.

вратъ учинившихъ» послать внѣ очереди на службу и «по обыкновенію казачьему наказать въ Кругу публично плетьми. «Вотъ лишь какія «обыкновенія» запомнила Военная Коллегія и вотъ каково было назначеніе Войскового Круга, по ея мнѣнію.

Войсковое Гражданское Правительство взывало къ милосердію власти, «чтобы не ожесточить пуще чернь, которая завсегда и обыкновенно бываетъ въ предубѣжденіяхъ своихъ упорна и старинныхъ обыкновеній и обрядовъ держится до изступленія» . . .

«Снисходя къ древнему войсковому обряду», Екатерина II простила «ослушниковъ ея воли», кромѣ, впрочемъ, «нераскаявшихся начинщиковъ зла». Назначеніе переселяющихся предоставлено было станицамъ и «чиновникамъ», разосланнымъ отъ войска по станицамъ, было воспрещено «входить самимъ въ станичные сборы и вмѣшиваться въ станичное разсмотрѣніе». Но Круга по этому поводу не собрали.

Станицы отвѣтили востаніемъ. Въ Есауловской станицѣ состоялся революціонный «съѣзжій Кругъ» отъ возставшихъ станицъ, рѣшившій идти на Черкасскъ, забрать регаліи и выбрать иного атамана. При помощи регулярныхъ войскъ и малороссійскихъ казачьихъ полковъ возстаніе было подавлено съ примѣрной жестокостью. Потомъ уже, чтобы сгладить впечатлѣніе, созвали Кругъ для выбора депутаціи въ Петербургъ за высочайше утвержденной «картой войсковой пограничной». Жалованная грамота была написана по старинѣ: «На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, атаману Алексѣю Иловайскому, Правительству Войска Донского и всему оному Войску.» . . . Депутація приняла грамоту изъ высочайшихъ рукъ. Грамотѣ сдѣлали по старинѣ «встрѣчу» съ пушечной и ружейной пальбой и «молебны пѣли и звоны звонили» и въ Кругу объявили.

Декоративная часть поставлена была блестяще. Свою собственную, кровью завоеванную землю Войско получило снова, какъ «пожалованіе» императорской власти. Но дорого обошолся Войску Екатерининскій хлѣбъ, и солона была царская соль. Автономія Войска лежала въ обломкахъ.

Глава III.

Кругъ при Павлѣ и Александрѣ I.

Въ началѣ царствованія Павла I мы видимъ временное возрожденіе донской автономіи и Круга. Знавшій больше запорожское казачество и беззаботный насчетъ терминологіи Павелъ I, благодаря Войско за поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ, уже 13 декабря 1796 года повелѣлъ объявить благодарность его «въ собраніи к о ш а». Онъ не зналъ, что на Дону «кошъ» именовался Войсковымъ Кругомъ.

Изъ ненависти къ матери, Павелъ возстановилъ рядъ автономій, уничтоженныхъ Екатериной II. Указомъ 5 іюля 1797 г., на имя атамана ген. Орлова, Павелъ возстановилъ и донскую автономію

«Утверждая — писалъ онъ — совершенно и безъ изъятія всѣ прежде бывшія постановленія Войска Донского, намѣренъ (я) сохранить ихъ въ цѣлости для продолженія того правленія, коимъ Войско Донское было всегда на пользу государя и Отечества. Что жь касается до вкравшихся злоупотребленій и сдѣланныхъ перемѣнъ княземъ Потемкинымъ, то вамъ надлежитъ первыя искоренять, а мнѣ послѣднихъ не опробовать (аппробовать-утверждать), яко клонящихся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей.»

Повелѣніе это было торжественно объявлено на Дону въ Войсковомъ Кругу, а потомъ, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ старшинъ, была открыта Войсковая Канцелярія. Въ станицахъ возстановили выборы атамана, судей (стариковъ) и сборы, которые въ 1793 г. были замѣнены назначаемыми атаманомъ «станищными начальствами». Исчезли члены Войскового Правительства по назначенію, возродился сборъ старшинъ при Канцеляріи, который, оставивши Кругъ по-прежнему, какъ декорацію, занялся правительствованіемъ. Уже въ 1800 г. на Донъ назначенъ былъ Войсковой Прокуроръ не изъ казаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ, еще въ 1800 г. Войсковая Канцелярія сенатскимъ указомъ была преобразована, раздѣлена на экспедиціи, причемъ въ «судейскія должности» предписывалось «опредѣлять погодно, избирая въ сіе званіе способныхъ и благонадежныхъ людей».

Не слѣдуетъ думать, что для выбора ежегодно «чиновниковъ» въ Правленіе Войска, кто либо привлекъ Кругъ. Донскіе старшины съ 1798 года превратились (по чинамъ) въ дворянъ. Ихъ чины были сравнены съ армейскими. Новоявленные дворяне, именовавшіеся оффиціально «чиновниками Войска Донского», стали именовать себя «войсковымъ обществомъ», производить выборы во всѣ выборныя должности (кромѣ лишь войсковыхъ есауловъ), подмѣнивши собою и Кругъ и все Войско.

При Павлѣ I идея войсковой автономіи нашла свое выраженіе въ полковникѣ Евграфѣ Грузиновѣ, казненномъ въ 1800 г. за то, что хотѣлъ собрать войско, итти на Стамбулъ, «учредить сенатъ». Онъ говорилъ, что «всѣ Донскіе казаки независимы отъ царскаго престола и не обѣщались передъ нимъ вѣчною присягой, а только временной относительно службы, что онъ, а также и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные» Павла I. Императоръ разцѣнилъ это какъ «измѣну противу насъ и государства». 5-го Сентября 1800 г. на Черкасскомъ майданѣ, въ присутствіи Круга, «оной извергъ Грузиновъ» былъ нещадно битъ кнутомъ и «черезъ 2 часа лишился жизни». Дядѣ же его войсковому старшинѣ Аѳанасьеву и казакамъ Касмынину, Попову и Колесникову отрубили голову на томъ же майданѣ «за недонесеніе» объ автономистской пропагандѣ. Брату Евграфа, Петру, гвардіи офицеру, вырвали ноздри, наложили клейма и, бивъ кнутомъ нещадно, сослали. Въ планы Грузинова и его единомышленниковъ входило возрожденіе донского народоправства и Войскового Круга.

Царствованіе Александра I, и въ исторіи Дона ознаменовано возвращеніемъ къ Екатерининскимъ идеямъ. Очень инте-

ресныя принципіальныя разсужденія относительно Донской автономіи были высказаны Государственнымъ Совѣтомъ въ 1802 г. по поводу преобразованія Войсковой Канцеляріи. «Неоспоримо — разсуждалъ Совѣтъ — что виды Правительства въ отношеніи къ управленію казачьихъ войскъ клонились къ тому, чтобы привесть ихъ въ единообразіе съ прочими обывателями; но частныя ихъ привиллегіи, воинскій ихъ составъ, духъ народный, нравы и обычаи всегда налагали сильныя сему препятствія.» Войсковое Гражданское Правительство 1775 г. было шагомъ къ «приведенію въ единообразіе» управленія Дона съ управленіемъ Имперіи. Поэтому, подъ именемъ Войсковой Канцеляріи, Совѣтъ возстановилъ Правительство 1775 года, съ 2 членами «непремѣнными и 4-мя ассесорами, по выбору черезъ каждые 3 года». Въ 1804 году разрѣшено было «Войсковому Обществу» (Законодатель имѣлъ ввиду все Войско) избрать «по большинству балловъ» ассесоровъ, а — кромѣ того, и кандидатовъ въ «непремѣнные члены», для представленія послѣднихъ на высочайшее утвержденіе. Тому же «Войсковому обществу» было предоставлено избирать, «при общихъ выборахъ» каждые 3 года и членовъ т. н. «Сыскныхъ Начальствъ» (Окружныхъ Управленій). Въ 1815 году изъ Гражданской Экспедиціи Войсковой Канцеляріи, подъ названіемъ» Департамента гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ», была выдѣлена судебная часть. И въ этомъ судѣ три ассесора должны были избираться «войсковымъ обществомъ».

Однако, не выборные отъ станицъ, и не Кругъ, были признаны «войсковымъ обществомъ». Имя это, съ благословенія атамана М. И. Платова, присвоило себѣ «войсковое сословіе» чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ. При семъ удобномъ случаѣ, на трехгодичномъ съѣздѣ «чиновниковъ Войска» для выборовъ по гражданскому управленію, Платовъ разрѣшилъ (съ 1804 г.) «чиновникамъ» избирать изъ своей среды «домашнимъ образомъ» т. н. «Войскового и окружныхъ депутатовъ», на правахъ губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства.[1]) Такимъ образомъ, новоявленное донское дворянство стало изображать изъ себя «войсковое сословіе», т. е. все казачество.

Сущность значенія Круга и пожалованія знаменъ Войску при новомъ воцареніи, въ эпоху Платова, уже забыты или нарочно искажаются. Такъ, въ 1803 г. «Войско» проситъ Александра I-го о пожалованіи новаго знамени и объясняетъ, что знамена «по древнимъ Войска Донского привиллегіямъ и обрядамъ, въ нѣкоторыя времена года, въ числѣ прочихъ войсковыхъ регалій, со святыми иконами выносятся въ память въ Бозѣ почивающихъ Россійскихъ Монарховъ — и заслугъ, въ Войсковой Кругъ, гдѣ вычитываются, при собраніи генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и казаковъ, приличныя къ тому — высочайшія грамоты». Вотъ чѣмъ былъ Кругъ уже черезъ 80 лѣтъ послѣ потери Домомъ его государственности.

[1]) Съ этимъ именемъ „депутаты“ существовали до 1870 г., когда имъ разрѣшили именоваться „областнымъ“ и окружнымъ предводителемъ.

Въ 1809 году высылка въ Войско царскаго «жалованья», шедшаго съ 1613 года, была прекращена. Въ связи съ этимъ военный министръ Аракчеевъ предложилъ Платову «о назначеніи войскового Круга въ день св. Александра Невскаго, вмѣсто того, что таковой дѣлаемъ былъ всякій разъ при полученіи изъ казны жалованья.

22-го Авг. 1810 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы «Войско Донское, въ воспоминаніе высокомонаршихъ милостей, ему дарованныхъ, продолжало дѣлать по древнимъ своимъ обычаямъ, церемонію единажды въ годъ, въ день св. Александра Невскаго, составленіемъ воинскаго Круга (съ выносомъ регалій) и вычетомъ въ ономъ Кругѣ Высочайшихъ грамотъ-привиллегій Войска за отличную службу оному дарованныхъ» . . .

Такимъ образомъ, Войсковой Кругъ именовался «воинскимъ Кругомъ» (чѣмъ то вродѣ «каррэ или иного воинскаго построенія), а привиллегіи оказывались дарованными «за службу». Очевидно, уничтожить Кругъ не рѣшались, (все-таки — «древній обычай»), но не хотѣли, чтобы «вычетъ» (чтеніе) грамотъ о какихъ то тамъ привиллегіяхъ повторялся нѣсколько разъ въ году. Довольно было и одной «церемоніи».

Интересно отмѣтить, что тотъ же Александръ I, по ходатайствамъ Войска, долженъ былъ дать Войску (30 авг. 1811 г.) торжественную грамоту, въ которой писалъ: «Мы подтверждаемъ всѣ права и преимущества, въ Бозѣ почивающими Предками Нашими ему (Войску) дарованныя, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей окружности его владѣній, со всѣми выгодами и угодьями . . .

Въ этой грамотѣ, какъ и въ грамотахъ царей Ѳеодора, Іоанна и Петра и манифестахъ XVIII вѣка заключалось нѣкоторое «увѣреніе» монарховъ Россійскихъ, подтвержденіе правъ и преимуществъ Войска. «Образъ служенія» включалъ въ себя и автономію, и права Круга, и многое другое, исподволь или вдругъ отмѣненное и нарушенное монархами въ XVIII и XIX в. в.

И, тѣмъ не менѣе, общее настроеніе казачества было таково, что каждый новый императоръ долженъ былъ возобновлять свои завѣренія «Императорскимъ словомъ» за себя и потомковъ, что права Дона и Войска останутся неприкосновенными. Эти завѣренія дали и Николай I (23 февр. 1832 г.), и Александръ II (8-го сент. 1863 г.) и Александръ III (1887 г.) и Николай II (1906 г.). Въ этихъ грамотахъ продолжала жить память о правахъ Войска, нѣкогда вольной республиканской колоніи, а потомъ автономнаго края и общины служилаго Донского казачества. Только грамоты давались уже не при началѣ царствованія, а съ запозданіемъ, и не безъ настояній со стороны Дона. Такъ Александръ I далъ грамоту черезъ 10 лѣтъ послѣ воцаренія, Николай I черезъ 7 лѣтъ, Александръ II — черезъ восемь, Александръ III — черезъ 6 лѣтъ, Николай II — черезъ 12 лѣтъ.

Что то напоминавшее «съѣздъ всего Войска» происходило до 1835 года при выступленіи Войска въ походъ. На сборный пунктъ, гдѣ нибудь около границъ Войска, собирались казаки и «чинов-

ники» изо всѣхъ 117 станицъ, всѣ вмѣстѣ и здѣсь уже, изъ цѣлаго Войска, особые «переборщики» или самъ атаманъ формировали полки. Многое изъ старины возрождалось при этомъ, хотя выборы на должности въ полкахъ были уничтожены еще въ 1776 году.

По окончаніи отечественной войны, въ 1814 году, Войску пожаловано было знамя, но ни Александръ I, ни Войско не видѣли уже въ немъ того, чѣмъ было знамя 1613 и 1646 г. г. Это было «отличіе», данное не какому нибудь полку, а войску. Въ грамотѣ по этому случаю, въ заголовкѣ, смѣшали старую форму обращенія, имѣвшую смыслъ государственно-правовой и новыя формулы благодарности за боевыя отличія воинской части. Александръ I адресовалъ грамоту: «На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, войсковому атаману, генералу отъ кавалеріи, гр. Платову, правительству Войска Донского и всему оному знаменитому Войску намъ вѣрнолюбезному.»

Еще Платовъ чувствовалъ необходимость общаго законодательнаго акта, который утвердилъ бы казачьи права на прочномъ основаніи. Дѣло это оставалось безъ движенія съ 1767 г. Свой проектъ Платовъ представилъ въ 1814 г., но безуспѣшно. Смѣнившій Платова патріархальный атаманъ А. К. Денисовъ, защитникъ донского рядового казачества и донского (закрѣпощеннаго въ 1796 г.) крестьянства, двинулъ вопросъ. Денисовъ, видя, что «очереди казачьи на службу нечисто ведутся, да и земля войсковая захватывается людьми сильными въ войскѣ», просилъ Александра I (21 сент. 1818 г.) объ учрежденіи особой комиссіи изъ четырехъ членовъ. Предметомъ комиссіи онъ полагалъ: удобнѣйшее и равномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій; устройство финансовой части въ Войскѣ съ тѣмъ, чтобы расходъ основанъ былъ не на волѣ случая и желанія, а на непреложныхъ правилахъ.» «Разные войсковые по внутренности распорядки, — писалъ атаманъ — размножить письменно, дополнивъ правилами, съ настоящимъ временемъ согласными, и сохранивъ всю древность ихъ установленія.» Такимъ образомъ, атаманъ хотѣлъ кодификаціи донского войскового права и системы жалованныхъ правъ и привиллегій, а также и новыхъ узаконеній.

Рескриптомъ 10 марта 1819 г. Александръ I повелѣлъ учредить «Комитетъ объ устройствѣ Войска Донского» и истолковалъ идею атамана, какъ желаніе «собрать воедино всѣ узаконенія относительно Войска» для составленія «новаго войскового положенія.» Но въ Комитетъ былъ назначенъ любимецъ Александра I-го ген.-ад. Чернышевъ и одинъ гражданскій чиновникъ (д. с. с. Болгарскій). По поводу этого назначенія Александръ I счелъ нужнымъ оговориться: «Основаніемъ сего Комитета принято собственно ваше (атамана) представленіе, не для измѣненія какихъ-либо правъ и преимуществъ, дарованныхъ Войску и подтвержденныхъ уже нѣсколькими Моими грамотами, но для изысканія удобнѣйшихъ способовъ въ точномъ ихъ исполненіи».

Денисовъ просилъ не вводить въ комитетъ лицъ, постороннихъ Войску, ибо «по крайней простотѣ здѣшняго народа, введе-

ніе спхъ постороннихъ членовъ можетъ повергнуть его въ разсужденія, простымъ людямъ свойственныя». Александръ I довольно неудачно сослался на то, что Войско «издавна» имѣетъ прокурора . . . изъ постороннихъ чиновниковъ, а не изъ среды своего сословія». . . . Впрочемъ, онъ повторялъ свои завѣренія о нерушимости правъ Войска. Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію Комитета, который долженъ былъ написать «конституцію» Войска. Донскіе патріоты мечтали объ автономіи на основѣ демократической (съ Кругомъ), другіе — на основѣ аристократической (безъ Круга, съ дворянскимъ правленіемъ). Въ результатѣ вышло нѣчто иное, совсѣмъ на автономію не похожее.

Работа Комитета повела къ ряду выступленій различныхъ группъ донцовъ. Представители Петербургскаго самодержавія выступили въ Комитетѣ демократами-цезаристами, защитниками казачьей массы и войсковой земли отъ донского дворянства. «Донской народъ — писалъ Чернышевъ въ Петербургъ — угнетенъ беззаконіями всякаго рода . . . Онъ полагаетъ всю свою надежду только на насъ» (царя и его довѣренныхъ). «Пространство земель и водъ, владѣемое Донскимъ Войскомъ, есть древняя общественная его собственность . . . и составляющая главную донскихъ казаковъ привиллегію. Въ Войскѣ никогда не было и нѣтъ земель частныхъ, а существуютъ и должны быть однѣ только общественныя, Войсковыя.» . . . Земли были разграблены старшинами. «И притѣсненные казаки должны были искать правосудія у своихъ же притѣснителей.» «Цѣлый народъ безотвѣтственно угнетается. Права сего послѣдняго, дарованныя Государемъ, разрушены.» «На Дону — бездна всякаго рода беззаконій, похищеній и низкихъ изворотовъ для угнетенія бѣдныхъ казаковъ изобрѣтенныхъ.» . . . Донское дворянство образовалось нелегально и противозаконно присвоило себѣ право выборовъ . . .» Несправедливо было бы многочисленнѣйшій классъ обитателей Войска (казаковъ) устранять отъ коренного права ихъ на выборъ судей.» . . . Казаки «въ гражданскомъ отношеніи сословіе свободное . . . Сила законовъ дѣйствуетъ на нихъ въ домашней жизни, какъ и на чиновниковъ. Въ дарованныхъ Войску привиллегіяхъ и общественныхъ довольствіяхъ, тѣ и другіе равно участвуютъ . . .

Но Комитетъ умалчивалъ объ автономіи, о правахъ Круга, объ организаціи представительства и т. п. Онъ критиковалъ лишь смѣшеніе властей административной и судебной, нагроможденіе дѣлъ, отсутствіе правильнаго распредѣленія ихъ и т. п. Аграрная программа Комитета вызвала волненія въ средѣ донского дворянства и рядъ выступленій съ его стороны. 28-го февраля «наличные» донскіе «чиновники» собрались «не спросивъ отъ начальства изволенія въ домѣ ген. м. Иловайскаго 5-го и «имѣли совѣщаніе насчетъ выбора и отправленія въ Санктъ-Петербургъ депутатовъ для ходатайства по нѣкоторымъ предметамъ, входившимъ въ сужденіе Комитета.» Александръ I нашелъ «дѣйствіе таковое и цѣль его равно противными общему порядку и закону . . . Никакое сословіе въ государствѣ не должно имѣть совѣщательныхъ собраній безъ

предварительнаго на то разрѣшенія начальства. «Тѣмъ менѣе позволительно разсуждать въ оныхъ о преждевременномъ домогательствѣ по такимъ предметамъ, которые по волѣ Моей обслуживаются въ особомъ Комитетѣ и должны . . . получить утвержденіе непосредственно отъ Меня.»

Въ Петербургѣ, членъ Государственнаго Совѣта, ген. ад. кн. Васильчиковъ поддерживалъ донскихъ дворянъ, предлагая пригласить «децутатовъ отъ лица всего сословія помѣщиковъ на Дону». Дворяне хотѣли защитить свои права, но ссылались на древнія права Войска.

Кромѣ дворянскаго реакціоннаго автономизма, проявилось на Дону движеніе автономистское же, но республиканское, возникшее въ средѣ донской молодежи, прошедшей черезъ Московскій и Харьковскій Университеты. Офицеръ В. Д. Сухоруковъ, писавшій для Комитета историческое и статистическое описаніе Войска Донского, собралъ замѣчательную коллекцію копій со старинныхъ грамотъ изъ мѣстныхъ и московскихъ архивовъ. Предъ нимъ и его сотоварищами открылся цѣлый міръ, забытый уже казачествомъ. Мысль о государственномъ бытіи Дона, о его республиканскихъ вольностяхъ воодушевила его и его кружокъ. Объ этомъ кружкѣ сообщалъ декабристъ Завалишинъ, писавшій (въ «Запискахъ» своихъ), что на Дону были тайныя общества, оставшіяся, однако, неизвѣстными правительству, «что въ этихъ обществахъ мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности посредствомъ возстановленія войсковыхъ Круговъ». «Историкъ Донскихъ казаковъ былъ членомъ Тайнаго общества» (декабристовъ). По другимъ свѣдѣніямъ, Сухоруковъ, будто бы, сказалъ декабристу А. Бестужеву, что о народномъ правленіи на Дону «и думать нечего, ибо казаки привержены къ царю и никакъ не могутъ вообразить иного порядка» . . . Правительство не узнало о кружкѣ Сухорукова, но съ 1827 г. и до его смерти его гоняли на службу по окраинамъ, отобравши предварительно у него всѣ историческіе матеріалы, имъ собранные. Его замѣчательный трудъ — «Историческое описаніе Войска» — былъ напечатанъ лишь въ 1867—72 г. г.[1])

Такимъ образомъ, идея Круга, какъ органа народнаго правленія, возродилась на Дону въ 1820 г. и съ тѣхъ поръ никогда не умирала тамъ. Дону отведено было мѣсто и въ проектахъ государственнаго устройства, составленныхъ декабристами. Н. М. Муравьевъ дѣлилъ Россію на 13 «державъ» (штатовъ) и двѣ области: Славянскую, съ центромъ союзной власти, и — Донскую. Но никакихъ намековъ на возстановленіе Круга по проекту Муравьева не было. Донъ опъ организовывалъ подобно другимъ штатамъ, какъ штатъ съ сенатомъ («Областной Думой») изъ 5 членовъ, и палатой депутатовъ («Палатой Выборныхъ») изъ 15 членовъ, съ «Правителемъ области» по выбору «Народнаго (Верховнаго) Вѣча», и съ сенатомъ при Правителѣ (изъ 5 членовъ). Нечего и говорить, что чудовищный имущественный цензъ для избирателей и избираемыхъ, который предполагался Муравьевымъ, не подходилъ для Дона.

[1]) Ср. «Ист. опис. Земли Войска Дон.» изд. 2, Новоч., 1903 г.

Въ «Русской Правдѣ» своей Пестель дѣлилъ Россію на 50 «округовъ» и 3 «удѣла» (Донской, Аральскій и Столичный). «Землю донскихъ казаковъ» Пестель выдѣлялъ въ виду ихъ служебной полезности. «Почему и должны они имѣть свое особенное образованіе, особенное правленіе и особенное начальство». «Казаковъ Пестель помѣщалъ «среди различныхъ племенъ къ Россіи присоединенныхъ», по «казаки не столько происхожденіемъ своимъ, сколько образомъ своего существованія отъ прочихъ россіянъ различествуютъ». Основами устройства донскихъ казаковъ Пестель считалъ: общность владѣнія войсковой землей, отмѣну дворянства, возвращеніе въ ряды казачества всѣхъ его чиновъ, по окончаніи службы.

Столица донского удѣла — Новочеркасскъ «или какой либо другой городъ по желанію и выбору самихъ казаковъ». Удѣлъ дѣлится на 10 «Начальствъ» уѣздовъ (каждое «Начальство» на 10 станицъ или волостей). «Станица управлялась бы земскою управою (по выборамъ). «Начальство» — «частною управою». Удѣлъ — войсковою управою.

«Старшины», (т. е. выборные представители) во всѣхъ управахъ земскихъ и частныхъ, кромѣ «предводителей», «назначаться бы должны отъ самихъ казаковъ на три года посредствомъ выборовъ». «Предводитель Войсковой управы» или «атаманъ», всѣ четыре предсѣдателя «войсковой управы» и «предводители» всѣхъ управъ должны были назначаться отъ правительства. Такимъ образомъ, переводя это на донскіе термины, Пестель признавалъ нѣкоторую «особность» Дона, вводилъ окружное самоуправленіе, но атамановъ станичныхъ, окружныхъ и войскового мыслилъ лишь назначенными. «Войсковой же кругъ» замѣнялся «Войсковой Управой», представительнымъ собраніемъ на основѣ трехстепеннаго избирательнаго права.

Глава IV.

Кругъ и положеніе 1835 г.

Въ августѣ 1826 года атаманъ Иловайскій, находившійся подъ вліяніемъ кружка Сухорукова, подалъ Николаю I записку, весьма любопытную, по поводу работъ Комитета 1819 года. «Въ составѣ Комитета, — писалъ атаманъ, — не было ни одного члена, избраннаго донскимъ Войскомъ. Члены, избранные всѣмъ Войскомъ и облеченные довѣріемъ всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положеніе вѣрнѣе и точнѣе, нежели назначенные по выбору кого либо». Комитетъ сталъ писать новое Положеніе, не собравши «всѣ собственные распорядки и обычаи Войска, имѣющіе на Дону силу закона.»

Иловайскій, несомнѣнно, выражалъ мнѣніе казачества, говоря, что «не сохранить обычаи освященные временемъ, значитъ потрясти права и привиллегіи донскихъ обывателей». Иловайскій просилъ Николая повелѣть: приготовленное положеніе для Донского края еще разсмотрѣть съ большимъ вниманіемъ, членамъ, избраннымъ

всѣмъ войсковымъ обществомъ. Правительство войсковое обязано будетъ вручить имъ полный сводъ существующихъ постановленій и обычаевъ, который составитъ подъ наблюденіемъ правительствующаго. Довѣренные члены будутъ вполнѣе знать мѣстныя положенія вещей на Дону и обстоятельства своего сословія. Они, сообразивъ составленный донскимъ комитетомъ проектъ съ упомянутымъ сводомъ донскихъ постановленій, утвержденныхъ временемъ и благостью ... монарховъ вникнутъ во всѣ мѣстныя обстоятельства, въ самые права и обычаи страны, и потомъ сдѣлаютъ замѣчанія на проектъ комитета.

Чернышевъ, которому Николай I передалъ документъ для отзыва, заявилъ: атаманъ ... испрашивая дозволенія пересмотрѣть проектъ комитета — на Дону, явно присвояетъ небывалое въ Россіи право избранія довѣренныхъ общества, или народныхъ представителей, которые бы, составляя себѣ законы, находились бы въ непосредственномъ отношеніи къ Государственному Совѣту; себѣ же лично (присвояетъ) наименованіе «правительствующаго». Далѣе шли общія положенія: «Въ Государствѣ, гдѣ всякій законъ и всякое начальство проистекаютъ отъ единой Самодержавной Власти Государя, подобныя присвоенія и даже самыя мысли объ оныхъ не должны быть терпимы, наипаче въ лицѣ начальника военной области, гдѣ безмолвное повиновеніе есть существенная основа всѣхъ дѣйствій.» «. . .Доселѣ — утверждалъ Чернышевъ, — въ Россіи ни одна область не имѣла права избирать представителей ... Тѣмъ менѣе могло быть таковое (право) дано Донскому Войску, зависѣвшему начально отъ Иностранной, а потомъ отъ Военной Коллегіи, впослѣдствіи же отъ общаго порядка въ государствѣ ... и никогда не имѣвшему у себя ни правительствующаго, ни правительства, а просто атамана и войсковую канцелярію, составляющаго мѣстное начальство въ войскѣ, въ видѣ губернскаго».

Здѣсь Чернышевъ былъ неправъ, конечно, ибо Донъ имѣлъ свое правительство, и свое народное представительство, хотя и въ прошломъ. Чернышевъ указалъ на источникъ донского автономизма: «между донскими чиновниками, особенно зажиточными и имѣвшими власть въ рукахъ своихъ, кои съ нѣкотораго времени подстрекаются сужденіями обучающихся въ университетахъ, всегда замѣчались мечтательныя мысли насчетъ самостоятельности ихъ отчизны; но сіе частное и чуждое для общества заблужденіе должно исчезнуть само собою, коль скоро ясные законы стали бы направлять каждаго къ исполненію его обязанностей.»... Здѣсь былъ намекъ и на Денисова, и на Сухорукова.

Чернышевъ считалъ выступленіе Иловайскаго опаснымъ въ будущемъ, когда подобныя мысли стали бы «вольнодумными». Онъ не считалъ возможнымъ выборъ «представителей» отъ однихъ «чиновниковъ». . . «Въ дѣлѣ общемъ, каково есть устройство цѣлаго Войска, чиновники и казаки должны бы имѣть равное участіе.» Но тогда «казачьи представители, защищая коренныя права свои, не избѣжали бы необходимости оскорбленія своихъ начальниковъ, оныя

нарушившихъ, и тѣмъ ослабили бы военную дисциплину. Оставаясь же безмолвными противъ утѣснителей, они невозвратно теряли бы существенныя пользы своего сословія, а . . . представители чиновниковъ должны были бы состязаться съ терпящими отъ нихъ подчиненными и сдѣлаться судьями въ собственномъ дѣлѣ». Такъ широко разсматривалъ Чернышевъ вопросъ о возможности созданія Войскового Круга на основѣ представительства. Вообще же, въ запискѣ Иловайскаго Чернышевъ усматривалъ «сокровенный замыселъ донскихъ помѣстныхъ чиновниковъ», возстановить «угнетенное состояніе казаковъ» и «силою уже общаго постановленія утвердить господствующіе въ семъ краѣ произволъ и безотчетность . . .»

Иловайскій былъ уволенъ съ преданіемъ суду, якобы за злоупотребленія. Онъ, несомнѣнно, искренно желалъ автономіи Дона, Войскового Круга по выбору отъ всего казачества, а не отъ однихъ «чиновниковъ». Правительство же вызвало 4 «депутатовъ» отъ донскихъ дворянъ и приняло во вниманіе ихъ замѣчанія. О пріѣздѣ на Донъ опальнаго А. В. Иловайскаго, наказный Атаманъ Андріяновъ доносилъ, что по этому случаю «въ городѣ производятся тайныя и явно неблагонамѣренныя сходбища», въ которыхъ участвуютъ . . . «полицеймейстеръ, пристава и квартальные». Такимъ образомъ, даже полиція на Дону была, яко-бы, проникнута автономистскими стремленіями.

Въ началѣ царствованія Николая I казачьи войска были введены въ титулъ, но не императорскій, а наслѣдника престола. А именно, 2 октября 1827 г. девятилѣтній цесаревичъ Александръ Николаевичъ назначенъ былъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ. Если для войскъ, исконни служилыхъ, это обозначало лишь «шефство», то для бывшихъ вольныхъ войскъ (Донского, Яицкаго, Терскаго) это значило окончательное присоединеніе ихъ къ Имперіи. Отнынѣ войсковые Круги должны были служить пышной декораціей при пріѣздѣ на Донъ императора и наслѣдника. Паденію стараго Круга способствовалъ переводъ столицы изъ историческаго Черкасска (станицы Старочеркасской) въ построенный на высокомъ бугрѣ чиновничій Новочеркасскъ (1805 г.). Никакіе «жители» столицы не участвовали болѣе въ Кругѣ. Участіе въ немъ стало дѣломъ военнаго наряда отъ войсковыхъ частей.

Въ 1837 году Николай I посѣтилъ Новочеркасскъ и, лично введя наслѣдника въ Войсковой Кругъ, вручилъ ему знаки атаманскаго достоинства. 31-го октября 1850 г. наслѣдникъ снова былъ въ Кругѣ и держалъ рѣчь. Вспоминая Кругъ 1837 г., онъ заявилъ, что «гордится быть Донскимъ Атаманомъ».

«Положеніе объ управленіи Донского Войска» 1835 г. было актомъ центральной власти, который стремился, не безъ аракчеевской точности, предусмотрѣть и регламентировать всѣ стороны жизни Войска и казачества. Это «положеніе», не лишенное технической законодательной элегантности, ничего не имѣло общаго съ историческими правами Дона и казачества. «Привиллегіи» такъ и остались грудой грамотъ, хотя главѣ Войска — войсковому наказ-

ному атаману[1]) — «Положеніемъ« предписывалось имѣть «неусыпное наблюденіе, чтобы . . . не были нарушаемы или ослабляемы дарованныя Войску привиллегіи и преимущества». (Ч. I. § 7, п. 2.) Атаманъ былъ приравненъ къ «Военному Губернатору, управляющему гражданской частью». По военной части онъ дѣйствовалъ черезъ Войсковое Дежурство, по гражданской — черезъ Войсковое Правленіе.

Единственнымъ пунктомъ «Положенія», упоминавшимъ о Кругѣ, былъ параграфъ о . . . «Войсковыхъ Есаулахъ», которые прямо именовались «адьютантами» атамана. Вотъ этотъ пунктъ: «Для сохраненія въ Войскѣ издревле существующаго званія Войсковыхъ Есауловъ, которые при Войсковыхъ Кругахъ исполняютъ должность докладчиковъ или адьютантовъ», Положеніе устанавливало: «имѣть въ Войскѣ и на будущее время двухъ Войсковыхъ Есауловъ».

«Выборъ« ихъ «представляется Войсковому Наказному Атаману, въ Войсковомъ Кругу, на 3 года, изъ достойнѣйшихъ есауловъ, несмотря на старшинство ихъ». По просту говоря, генералъ могъ назначить себѣ двухъ адьютантовъ. Но были помянуты историческія слова о Кругѣ, о выборѣ и докладчикахъ и т. п. Больше нигдѣ о Кругѣ во всемъ «Положеніи» не упоминалось.

Положеніе 1835 г. ввело на Дону почти всѣ губернскія учрежденія, но съ обязательнымъ наименованіемъ ихъ «Войсковыми». Всѣ выборныя должности по администраціи замѣщались по выбору донскихъ дворянъ сословіемъ войсковыхъ чиновъ. «Демократизмъ» Комитета 1819 года выразился въ томъ, что станичныя общества получили право выбирать «Засѣдателей изъ урядниковъ и казаковъ въ Войсковой Судъ и въ Окружныя Судныя и Сыскныя Начальства, на 3 года, съ утвержденія атамана». Положеніе 1835 г. было, въ значительной степени, аграрнымъ закономъ. Но это не относится къ исторіи Круга, какъ учрежденія, ни къ исторіи донской автономіи.

Отъ внимательныхъ иностранныхъ наблюдателей не ускользнуло положеніе 1835 г., Англійскій дипломатъ въ 1844 г. писалъ, что Николай I «не безъ успѣха ограничилъ казачьи привиллегіи, и сдѣлалъ это чрезвычайно ловко и искусно, такъ что казачья масса, чрезвычайно привязанная къ нимъ, и не почуствовала этого.[2])

«Черезъ 20 лѣтъ — пророчествовалъ англичанинъ, скорбѣвшій о гибели донской «чисто демократической конституціи» — донской казакъ въ родномъ своемъ краю будетъ тѣмъ же, что сегодня (1844) представляетъ изъ себя московитъ: стойкое и радостное довольство вольныхъ поколѣній исчезнетъ, и мы увидимъ казака согбеннымъ подъ игомъ этихъ притѣснительныхъ учрежденій, которыя составляютъ удѣлъ русскаго раба . . .»

Положеніе 1835 г. стало основной «конституціей» не только донского казачества, но и остальныхъ казачьихъ войскъ, вплоть до

[1]) Титулъ этотъ данъ былъ въ 1827 году, когда «войсковымъ» атаманомъ сталъ наслѣдникъ.

[2]) Revelations sur la Russie par un resident anglais, Paris 1845 v. III 50—52.

1917 года. Этотъ періодъ Донъ пробылъ въ качествѣ «области по особымъ учрежденіямъ управляемой» (1835—1917). Этими «особыми учрежденіями» и были для Дона сепаратный законъ 1835 г. и его послѣдующія измѣненія. Казачество же донское превратилось въ замкнутое, служилое сословіе, закрѣпощенное государствомъ.

Изъ числа нарушеній былыхъ основъ автономіи Дона при Николаѣ I нельзя умолчать о назначеніи 1839 г. на должность начальника Штаба Войска не казака, бывшаго командира гус. пол. М. Г. Хомутова. Онъ же, послѣ смерти М. Т. Власова, сталъ первымъ атаманомъ не донского происхожденія (1848).

Революціонеръ Андрузкій, сосланный въ 1847 г. за проэктъ республиканской конституціи, въ числѣ штатовъ грядущей федераціи упоминалъ и Донъ, наряду съ Украиной, Черногоріей, Болгаріей, Сербіей, Польшей.

Въ 1848 г. «12—24 апрѣля» въ Парижѣ вышла прокламація, обращенная къ «Храброму народу, козакамъ донскимъ», напоминавшая казакамъ: «ваши свободы и права . . . не устояли противъ нападеній то лести, то насилія.» «. . . Довольно Вамъ этой жизни низкой и сромотной, храброй Народъ, проснись на зовъ народа отъ Запада... Позовите къ Вамъ всѣхъ козаковъ и тогда сдѣлаетесь государствомъ сильнымъ, которое будетъ владѣть землями и морями, и благоденствовать въ славѣ.» «...къ оружію, къ войнѣ, Войны Дона, Урала, сражайтесь одно мгновеніе, какъ вольные Люди, а получите миръ, свободу и щастіе навсехда ...» Неизвѣстный авторъ, повидимому, полякъ, пытался поднять Донъ идеей самостоятельнаго государства, независимаго отъ Россіи.

Глава V.

Кругъ и автономія Дона при Александрѣ II.

Въ царствованіе Александра II Войсковой Кругъ продолжалъ собираться 6 разъ въ году. Кромѣ того, были и чрезвычайные Круги по поводу пріѣзда Высочайшихъ особъ. А. А. Леоновъ, одинъ изъ донскихъ патріотовъ, напечатавшій рядъ статей въ «Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ» о прошломъ Дона, оставилъ хорошее описаніе того, чѣмъ былъ Кругъ въ это время (въ началѣ 60-хъ г.). «Церемонія Круга и теперь еще существуетъ — писалъ онъ въ статьѣ, посвященной Кругу въ 1862 г.[1]) — но это не болѣе какъ тѣнь стараго Войскового Круга. Мы выносимъ, въ извѣстное время, Войсковыя регаліи, т. е. грамоты и знамена, передъ церковью становимъ послѣднія въ двѣ шеренги (и тутъ даже нѣтъ точности, даже физической), а грамоты выносятся на средину, гдѣ приготовленъ церковный аналой. Въ этотъ Кругъ всходитъ духовенство и чиновники Войска; одинъ дьякъ войскового правленія, а чаще кто нибудъ (именно, кто нибудь, а не такъ, какъ встарь, непремѣнно войсковой дьякъ), читаетъ извѣстную грамоту въ подтвержденіе правъ Войска. Потомъ происходитъ молебствіе — и Кругъ кон-

[1]) А. Леоновъ «Войск. Кругъ», «Донъ Войск. Вѣд.», 1862, N 26—27.

чается. Изложивши вкратцѣ эволюцію правъ и значенія Круга, Леоновъ заключалъ: «было бы странно, да и неразумно желать возвращенія отъ нынѣшняго порядка ко временамъ Войскового Круга. Нѣтъ, мы только хотѣли показать, на какихъ началахъ было основано устройство Войска, какими идеями оно жило и еще до сихъ поръ продолжаетъ жить, ибо, съ совершеннымъ вырожденіемъ этихъ идей, казачество, несмотря ни на какую искусственную поддержку, должно необходимо исчезнуть...»

Леоновъ выражалъ пожеланія, чтобы учрежденный для пересмотра Войскового Положенія Комитетъ былъ «вѣренъ въ дѣйствіяхъ своихъ не однимъ только указаніямъ современной науки права, но и справедливымъ требованіямъ исторіи». Идея историческаго права, идея самоуправленія продолжала жить на Дону и прорывалась сквозь цензуру «Войсковыхъ Вѣдомостей...»

Эта оффиціальная областная («Войсковая») газета отразила движеніе, происходившее въ средѣ донской интеллигенціи. Рядъ статей Ив. Попова, А. А. Леонова, Пудавова, А. Полякова, Хар. И. Попова былъ посвященъ прошлому казачества, выборному началу на Дону, Войсковому Кругу. Въ «Очеркахъ Дона» Филоновъ разсказывалъ о «паденіи» атамана Степана Ефремова. Подготовлялись къ изданію «матеріалы для исторіи Дона» (изд. въ 1864 г.). Организовался статистическій Комитетъ, ставшій фактически донскимъ историческимъ обществомъ и издавшій 2 тома «Трудовъ» (т. I 1867 г., т. II 1872 г.) съ массой цѣннаго матеріала о Донѣ, о Кругѣ, о свободномъ прошломъ казачества. Были изданы первая (1867), а за нею и вторая (1872) часть «Историческаго описанія Земли Войска Донского», составленнаго Сухоруковымъ (1864 г.).

Не только казачья интеллигенція заговорила о Кругѣ. Начальникъ Штаба Войска Донского, не донецъ, ген. лейтенантъ кн. Дундуковъ-Корсаковъ 3 декабря 1861 г., выступилъ въ защиту правъ Войска съ запискою на имя Военнаго Министерства. Въ этой «запискѣ о Войскѣ Донскомъ» онъ указывалъ Правительству на три «главныя начала казачества»: 1. поземельное начало (принадлежность земли всему Войску); 2. «замкнутость Войска; 3. выборное начало и др. особенныя права самоуправленія. «Поэтому онъ желалъ, чтобы помѣщичьи земли на Дону могли продаваться лишь лицамъ войскового происхожденія.» Въ смыслѣ казачества постановленіе это имѣетъ глубокое значеніе. Автономія каждой страны, несомнѣнно, основана на поземельномъ началѣ. Продажа земель иногороднимъ ввела бы въ Войско новый, независимый отъ сего учрежденія элементъ...»

Замкнутость Войска Дондуковъ оправдываетъ слѣдующими соображеніями: «нѣсколько вѣковъ казаки пользуются самостоятельностью»; въ XVII вѣкѣ... «они составляли отдѣльное вольное общество, имѣвшее свои уставы, свои права, коими на войсковыхъ сборахъ или Кругахъ всенародною подачею голосовъ рѣшались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы... имена Ермака и нѣкоторыхъ популярныхъ атамановъ еще очень свѣжи въ памяти народной... какъ гражданинъ, каждый простой казакъ

считаетъ себя съ нѣкоторымъ основаніемъ несравненно выше всѣхъ прочихъ податныхъ сословій Россіи. Выборное начало и другія либеральныя права, составляющія основу казачества на Дону, развили въ немъ чувство личнаго достоинства и самостоятельности...» На Дону развиты «понятія, которыхъ далеко чужда общая масса населенія Россіи». Поэтому, «приписка новаго иногороднаго элемента всегда будетъ встрѣчена казаками съ крайнимъ неудовольствіемъ, можетъ даже быть, и съ гласнымъ ропотомъ, какъ нарушеніе одного изъ самыхъ близкихъ сердцу казака постановленій. При свойственныхъ казакамъ недовѣріи и подозрительности, подобная мѣра непремѣнно заставитъ ихъ опасаться за прочность существованія самого Войска и возбудитъ недоброжелательство къ Правительству въ населеніи, исключительно привязанномъ и преданномъ имени государя..»

«Выборное начало — продолжаетъ Дондуковъ — составляетъ одно изъ существенныхъ правъ Войска Донского, которымъ масса сословія преимущественно дорожитъ. Простой казакъ гордится на станичныхъ выборахъ и сборахъ своимъ правомъ голоса наравнѣ съ прежнимъ своимъ командиромъ полка, офицерами, генералами, если они граждане одной съ нимъ станицы...»

Затѣмъ Дондуковъ упоминалъ о «другой не меньшей привиллегіи» — о правѣ казаковъ «собирать станичные сборы для обсужденія нуждъ станицъ...»

Весьма важной привиллегіей Войска правильно считалъ «право Войска имѣть отдѣльную отъ государственной — Войсковую казну, составлять собственный бюджетъ.»... Затѣмъ Дондуковъ перечислялъ права казачества на рыбную ловлю, Манычскую соль и на нѣдра (Грушевскій антрацитъ).

Несомнѣнно, Дондуковъ былъ искреннимъ сторонникомъ широкаго мѣстнаго самоуправленія на Дону. Онъ зналъ проэкты Петербурга уничтожить, хотя и подъ либеральнѣйшими, демократичнѣйшими предлогами выборное начало на Дону. Поэтому онъ горячо стоялъ за выборы. «Неоспорима истина — писалъ онъ — что зло, могущее произойти отъ выборнаго начала, несравненно менѣе зла и легче переносится чѣмъ то, которое проистекаетъ отъ личнаго произвола начальника или отъ самовластнаго управленія краемъ...»

Дондуковъ напоминалъ о чтеніи грамотъ на 6 ежегодныхъ войсковыхъ Кругахъ, о тревожныхъ опасеніяхъ казачества, протестовалъ противъ централизаціи казачьихъ дѣлъ въ Петербургѣ и мысли «подчинить одному единообразному положенію всѣ казачьи войска»... Нарушенія основныхъ правъ Войска Дондуковъ считалъ «рановременными, чтобы не сказать опасными». Записку свою Дондуковъ заключалъ здравою мыслью, что «время, обстоятельства и улучшеніе гражданскаго быта прочаго населенія Россіи могутъ вызвать интересъ казаковъ къ перемѣнѣ настоящаго ихъ положенія и облегчатъ Правительству, если оно это имѣетъ въ виду, сліяніе казаковъ съ единообразными началами прочихъ губерній Имперіи». Дондуковъ правильно объяснялъ психологію донскихъ казаковъ: этихъ потомковъ бѣглецовъ изъ Россіи можно было бы привязать къ ме-

трополіп равенствомъ или преимуществомъ правъ, но не равенствомъ въ безправіи. Такимъ образомъ, даже въ пріѣзжихъ на Донъ администраторахъ идея донской автономіи находила горячихъ защитниковъ.

Въ свое время, назначая ген. Хомутова, посторонняго Войску, атаманомъ, Николай I оговорился въ рескриптѣ, что, «какъ первую изъ важныхъ обязанностей атамана онъ возлагаетъ на него»: попеченіе о неприкосновенномъ охраненіи всѣхъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Бозѣ почивающими» его предками и имъ самимъ «любезновѣрному Войску Донскому, и неизмѣнное соблюденіе утвержденнаго для онаго положенія» . . .

«Положеніе» 1835 г., внесенное въ сводъ законовъ, дѣйствительно, соблюдалось, но отъ правъ и преимуществъ остались одни лишь грамоты, «вычитывавшіяся» на Кругахъ. Для этихъ грамотъ, сдѣлали громадный ларецъ (изъ литого серебра, отбитаго казаками у Французовъ въ 1812 г). Ларецъ этотъ подобенъ былъ великолѣпному гробу, въ которомъ мирно покоились останки донской вольности. А «Войсковая хлѣбъ-соль» послѣ Круга сдѣлалась своего рода поминальнимъ столомъ казачества послѣ панихиды по дорогимъ покойникамъ.

Въ заботахъ о положеніи 1835 г. Хомутовъ, еще въ 1856 г. ходатайствовалъ о созданіи подъ его предсѣдательствомъ, на Дону, особаго Комитета для собиранія и приведенія въ систему всѣхъ дополненій къ положенію 1835 г. Въ Питерѣ было не до того. Но начался радъ адресовъ съ Дона, въ частности отъ дворянъ («войскового общества»), извѣстный «Кузнецовскій адресъ», и правительство, учреждая комитеты сразу во всѣхъ казачьихъ войскахъ, 10 окт. 1859 г. учредило и въ Новочеркасскѣ «временный Комитетъ для составленія проэктовъ положенія о Донскомъ Войскѣ». Предсѣдателемъ былъ атаманъ. Исключительно чиновничій составъ и глубокая тайна вызвали слухи, что комитетъ этотъ, прозванный «кодификаціоннымъ», собирается уничтожить права и преимущества Войска.

Довольно единодушны были, какъ и 40 лѣтъ назадъ (1819 г.) заявленія, что члены Комитета должны быть избраны Войскомъ. Н. И. Красновъ, тогда офицеръ, ген. Штаба, составлявшій «географическое и статистическое описаніе Земли Войска Донского»,[1]) отмѣтилъ въ этомъ оффиціальномъ изданіи: «въ настоящее время вопросъ о правахъ и повинностяхъ казаковъ составляетъ главнѣйшій предметъ толковъ, и донцы желали бы обсудить этотъ вопросъ сами, образовавъ изъ себя собраніе и заявивъ въ немъ свои мнѣнія и искреннія желанія, передать ихъ на разсмотрѣніе Правительства. Всякое же постановленіе помимо ихъ заявленія возбуждаетъ въ донцахъ неудовольствіе и нелюбовь къ иногороднимъ, которыхъ они называютъ «русскими», считая себя какъ бы отдѣльнымъ народомъ» . . . Дѣло шло о возстановленіи Войскового Круга, какъ представительнаго органа.

---

[1]) Вышло въ свѣтъ въ 1863 г.

Круга не устроили, но вызвали изъ станицъ въ нѣкоторомъ числѣ представителей для участія въ Комитетѣ. Участіе станичниковъ было очень полезно для комитета, и дважды просили съ Дона отсрочить его закрытіе (4 дек. 1826 г. срокъ продолженъ былъ по 1 Іюля 1863 г., и затѣмъ по 1 Янв. 1865 г.).

Но въ Петербургѣ Главнымъ Управленіемъ иррегулярныхъ войскъ донской проэктъ былъ признанъ «не соотвѣтствующимъ духу новѣйшаго законодательства» и ходатайство о возрожденіи Круга положено было подъ сукно [1]) (1865). Но въ 1863 г. обстоятельства были еще серьезны. Возстала Польша, донцы понадобились. 6-го Іюня 1863 г. Александръ II открылъ финскій сеймъ личною рѣчью а къ «автономистамъ»-донцамъ поѣхалъ наслѣдникъ Николай Александровичъ. Онъ явился 8 авг. 1863 г. въ Войсковой Кругъ, гдѣ принялъ знаки атаманскаго достоинства. Путешествіе это имѣло политическій характеръ, ибо казачество волновалось слухами, что казаковъ «хотятъ повернуть въ крестьянъ». Свита цесаревича, вернувшись въ Петербургъ, сообщила, что существуетъ «стремленіе донскихъ казаковъ къ автономіи и независимости».

Тогда, 8 сент. 1863 г., была послана на Донъ торжественная грамота, подтверждавшая права Войска и казачества, для объявленія въ Войсковомъ Кругу. Къ бумажному подверженію старыхъ много разъ нарушенныхъ привиллегій добавили реальную льготу: сокращеніе срока службы до 15 лѣтъ.

Послѣ смерти великаго кн. Николая Александровича (29 мая 1856 г.) званіе атамана перешло къ его брату вел. кн. Александру Александровичу. Новый цесаревичъ явился принять знаки атаманскаго достоинства въ Воск. Кругъ 31 іюля 1869 г. 21 го мая 1870 г. онъ былъ присланъ на Донъ по случаю 300 лѣтняго юбилея Войска (считая отъ 1 уцѣлѣвшей царской грамоты 3 янв. 1570 г.). Въ Войсковомъ Кругу цесаревичъ произнесъ рѣчь, въ которой помимо обычныхъ его положеній оффиціальной благодарности Войску, содержалось и политическое заявленіе: «Наше общее пожеланіе, это-чтобы наше славное русское казачество сохранилось и укрѣпилось на долгое время во вѣки вѣковъ» . . .

Было бы странно говорить на юбилеѣ иныя рѣчи. Въ жизни же проводилась другая программа. 5-го ноября 1865 г. Александръ II обратился съ рѣчью къ членамъ созданнаго въ Петербургѣ временнаго Комитета для пересмотра казачьихъ положеній», при Главномъ Управленіи иррегулярныхъ Войскъ[2]).

Въ этотъ Комитетъ были затребованы съ мѣстъ «представители» Войскъ по одному отъ каждаго Войска, «по избранію» наказнаго атамана каждаго Войска. Александръ II объяснилъ этимъ «депутатамъ» по назначенію, что они вызваны, чтобы съ ихъ помощью «разъяснить истинныя ихъ нужды». Александръ II желалъ чтобы «въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ назначеніе было сколько возможно согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. . .» «Казачье населе-

[1]) Проэктъ этотъ такъ и не обнародованъ еще.
[2]) Открылся Комитетъ 2 октября 1865 г.

ніе, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства. . .»

12-го августа 1872 г. Александръ II явился въ Войсковой Кругъ, гдѣ сказалъ: «Мнѣ остается желать, чтобы Войско Донское, сохраняя доблести своего вѣкового казачества, развивалось и въ гражданскомъ быту, согласно даннымъ Мною указаніямъ». По отношенію къ Дону осуществлялась программа Военнаго Министра Д. А. Милютина, типичнаго демократическаго цезариста. Какъ и всѣ реформы 60-хъ г г., реформы на Дону должны были облагодѣтельствовать казаковъ безъ ихъ спроса и вѣдома. Милютинъ хотѣлъ «объединить сколь возможно казачье сословіе съ другимъ, совмѣстно съ нимъ обитающимъ населеніемъ, подъ однимъ общимъ гражданскимъ управленіемъ, сохранивъ отдѣльность только въ военномъ устройствѣ казаковъ, въ собственномъ хозяйствѣ войсковомъ и военной администраціи.[1])

Главныя реформы, которыя должны были одобрить въ Петербургѣ «депутаты» отъ казачьихъ атамановъ, были законоположенія о земствѣ, судѣ и воинской повинности, выработанныя питерскими чиновниками. «Депутаты» не могли много разговаривать. Въ результатѣ, казачество хорошо приняло новый судъ, особенно выборныхъ мировыхъ судей, но земство, не приспособленное къ донскимъ условіямъ, встрѣтило недовѣріе, а потомъ протестъ казачества.

Сколько ни были скромны донскіе «депутаты» отъ атамана, но и тѣ выступили (въ 1867 г.) съ протестомъ противъ предполагавшагося измѣненія «образа служенія» донцовъ. Они заявили, что «ненарушимость настоящаго образа служенія Войска Донского утверждена Высочайшими грамотами и Императорскимъ словомъ четырехъ монарховъ, въ послѣдній разъ столь недавно» (1863 г.) «Всякая перемѣна его была бы принята донцами съ прискорбіемъ, какъ нарушеніе пожалованныхъ привиллегій. . .» Протестъ имѣлъ успѣхъ. Вообще же, реформы слѣдовали одна за другой, безъ всякой справки съ исторіей Дона и желаніями казачества. Тѣмъ болѣе, что у Комитета нашелся конкуррентъ на Дону въ лицѣ атамана А. Л. Потапова, который (1865—1868) вырабатывалъ ихъ тоже не спрашивая казачество, съ чрезвычайной быстротой.

Вмѣсто созыва Круга Донъ при Александрѣ II подарили слѣдующими реформами, цѣль которыхъ была уничтожить остатки его автономіи. Воспоминаніе о государственномъ бытіи Дона, заключавшееся въ имени «Земли Войска Донского», стерли, наименовавши, по случаю 300-лѣтняго юбилея Войска «Землю» — областью, а «Войсковое Правленіе» — областнымъ. Въ 1865 г. по разсѣянности, забывши о титулѣ наслѣдника, назвали донского атамана «войсковымъ»; но уже въ 1866 г. возстановили названіе «войскового наказного атамана», установленное въ 1827 году. За то атаману дали права генералъ-губернатора.

Точно въ пику Дондукову и его запискѣ 1861 г., стали отмѣнять на Дону выборное начало. Въ 1866 г. отмѣнили выборы

[1]) Всеподд. отчетъ за 1868 годъ.

окружныхъ стряпчихъ, въ 1867 г. — выборы судей; въ 1868 г. — по администраціи. Областное правленіе было учреждено по типу губернскихъ, но оставили (на бумагѣ) выборность «совѣтниковъ» и казначея. Ихъ должно было выбирать будущее «Земство Войска Донского», «но фактически и въ періодъ 1876—1882 г. такъ никогда и не выбирало. Законъ 13 мая 1870 г. предоставилъ участіе въ станичныхъ сходахъ лишь домохозяевамъ и примѣнилъ къ станицамъ положеніе 1861 г. объ устройствѣ сельскихъ обществъ. Станичное самоуправленіе было отдано подъ надзоръ окружныхъ начальниковъ и наказного атамана.

Финансовая автономія Войска была уничтожена въ 1867 г. Правительство не рѣшилось отнять у Войска т. наз. «войсковые капиталы», которые были признаны «собственностью цѣлаго Войска, какъ особаго государственнаго установленія». По существу, эти капиталы въ приходной и расходной частяхъ были ничѣмъ инымъ, какъ остаткомъ былого государственнаго бюджета донской республики. Только имѣя это въ виду и можно понять, почему на войсковые капиталы была возложена оплата тѣхъ расходовъ, которые носили общегосударственный характеръ и въ остальныхъ губерніяхъ Россіи относились на счетъ казны. Въ 1871 г. объединили капиталы въ единый «войсковой капиталъ». Распоряжаться имъ сталъ Военный Совѣтъ въ Петербургѣ по представленіямъ областного правленія. Созданіе единства государственной кассы повело къ сосредоточенію всѣхъ денежныхъ суммъ въ кассахъ имперскаго Министерства финансовъ. Войсковому начальству воспретили вводить какіе-либо сборы въ Войскѣ. Войско лишилось права опредѣлять свои приходы и расходы. При составѣ Областного Правленія по назначенію, это, конечно, была бы уже автономія чиновниковъ, а не области и ея жителей.

Въ 1862 г. Войско лишилось винной регаліи, въ 1880 г. отмѣна акциза на соль сдѣлала безсодержательной соляную регалію Войска. Свобода отъ таможенныхъ пошлинъ была утрачена въ XVIII вѣкѣ. Свобода отъ торговаго обложенія потеряла смыслъ съ разрѣшеніемъ торговать на Дону всѣмъ желающимъ. Свобода отъ подушной подати лишилась своего смысла для казаковъ въ 1882 и 1885 г., когда эта подать снята была и съ крестьянъ. Косвенные налоги взимались и съ казаковъ. Поземельный налогъ, съ ростомъ доходности земель, сталъ составлять все меньшую и меньшую часть этой доходности, а свобода отъ него казаковъ давала имъ минимальное облегченіе. Новые виды прямого обложенія, какъ налогъ на наслѣдства, на процентныя бумаги и квартирный были распространены на казаковъ. Позабывши о грамотахъ XVIII вѣка, стали взыскивать съ нихъ гербовый сборъ.

Даже права Войска на землю подверглись сомнѣнію въ Комитетѣ для пересмотра казачьихъ законоположеній. Казачьи войска пожелали опредѣленія правъ каждаго войска, какъ особаго учрежденія, въ отношеніи войсковыхъ земель. Чиновники Комитета признали «предрѣшеніе вопроса о правахъ казачьихъ войскъ на земли тѣмъ болѣе безполезными, что Правительство, какъ верховный вла-

дѣтель, имѣетъ право (?) распорядиться этими землями сообразно съ своими видами, обстоятельствами и потребностями мѣстнаго населенія, будетъ ли объ этомъ сказано въ положеніи о земельномъ устройствѣ казачьихъ войскъ, или нѣтъ» . . . Всѣ Высочайшія грамоты, начиная съ 1793 года, шли на смарку. Суверенное право метрополіи хотѣли утвердить превыше историческихъ правъ донской колоніи. Но мысль была слишкомъ смѣла. Предпочли снова писать въ грамотахъ завѣренія «Императорскимъ словомъ» а не распоряжаться войсковой землей безъ Войска, безъ казачества.

Въ 1868 г. земля донскихъ помѣщиковъ, нѣкогда похищенная у Войска, была объявлена ихъ собственностью съ правомъ продавать ее кому угодно. Въ 1869 г. было повелѣно нарѣзать паи «чиновникамъ» Войска изъ станичныхъ юртовъ. Въ 1870 г. было издано положеніе объ обезпеченіи генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ Донского Войска участками изъ Войсковой земли. Тщетно пытался Военный Совѣтъ напомнить, во время выработки «положенія», что »Войску Донскому всемилостивѣйшими грамотами земли пожалованы въ общее достояніе всего войскового сословія» (казачества.) Высочайшее повелѣніе все рѣшило: Значительная часть войсковой земли оказалась во владѣніи частныхъ лицъ. Кромѣ того, въ 1858 г. было создано т. наз. «частное коннозаводство» въ Задонской степи, изъявшее 783.000 десятинъ войсковой земли. Такимъ образомъ, въ 1881 году были уничтожены, въ сущности, почти всѣ привиллегіи Войска и казачества. Не буду говорить о такихъ признакахъ автономіи, какъ мѣстное происхожденіе чиновниковъ. Послѣднее, нарушенное Николаемъ I, было отмѣнено окончательно при Александрѣ II. Равнымъ образомъ, сосредоточенность мѣстныхъ дѣлъ въ единомъ центрѣ, была нарушена въ царствованіе Александра I. При Николаѣ I всѣ дѣла края снова сосредоточили въ военномъ министерствѣ. При Александрѣ II сперва раздали дѣла по отдѣльнымъ министерствамъ, потомъ многое опять вернули въ военное министерство. Но эти рецидивы сосредоточенія дѣлъ по управленію Войскомъ не были признакомъ автономности края. Наоборотъ, это было средствомъ еще большей милитаризаціи управленія, введеніе военныхъ навыковъ и требованій въ гражданскую жизнь казачества.

Глава VI.

Земство на Дону. Идея Круга у народниковъ.

Наконецъ, введеніе земскаго самоуправленія было произведено съ полнымъ пренебреженіемъ къ проэкту, выработанному на Дону (14 янв. — 29 окт. 1867 г.) Комитетомъ, въ которомъ были представители всѣхъ сословій, имѣвшихъ право на участіе въ самоуправленіи. Донской проэктъ былъ отвергнутъ Главнымъ Управленіемъ иррегулярныхъ войскъ. Оно выработало свой проэктъ, по возможности близкій къ закону о земствѣ 1864 г. Главное мѣсто въ Донскомъ Земствѣ, по закону 1875 г. занимали дворяне. Вмѣстѣ съ

торговымъ сословіемъ, безъ голосовъ крстьянъ, они могли подавить голоса представителей отъ станицъ.

Въ 1880 году ген. Маслоковецъ, критикуя донское земство, рисовалъ «стройно-организированную» военно-административную систему управленія Дономъ. «Послѣ чего не останется уже мѣста для хозяйственнаго безцвѣтнаго учрежденія съ безчиновными своими агентами.» Противъ земства пошла всевластная администрація, впервые обложенные сборами отставные офицеры и чиновники, окружные начальники, атаманы отдѣловъ. Казачья масса была истомлена войною 1877—8 г. г., неурожаями, падежами скота. Денежныя земскія повинности и ихъ поголовная раскладка (вмѣсто прежней — на однихъ служилыхъ казаковъ) заставили казаковъ думать, что ихъ хотятъ превратить въ податное состояніе. Они заявляли: «земля наша завоевана нашими предками, заслужена ихъ и нашею службою Государю и Отечеству и потому не должна быть облагаема налогами» . . . Отказъ казачества платить земскіе налоги былъ поддержанъ администраціей, подстрекавшей казаковъ къ неповиновенію. Недовольство казаковъ, считавшихъ себя хозяевами края, полноправными гражданами, было вызвано и тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣли въ Областномъ Земскомъ Собраніи лишь 127 мѣстъ, а противъ нихъ были 134 мѣста у землевладѣльцевъ и торговаго сословія, не считая 40 мѣстъ представителей сельскихъ обществъ. Съ точки зрѣнія демократической наиболѣе недовольны земскимъ закономъ 1875 г. могли бы быть крестьяне, составлявшіе на Дону свыше 40% населенія и имѣвшіе лишь 40 мѣстъ. Но безправные донскіе крестьяне, недавніе рабы донского дворянства, были весьма довольны привлеченіемъ ихъ къ участію въ самоуправленіи. Донскому дворянству законъ 1875 г. механически далъ преобладаніе въ земствѣ. Законъ 1864 г. сдѣлалъ это во всѣхъ 34 губерніяхъ Россіи Это соотвѣтствовало тому положенію, которое создало себѣ Донское дворянство въ отношеніи края и казачьей массы.

Но казаки, проглядѣвшіе постепенное исчезновеніе своихъ привиллегій, земель, постепенное занятіе края крестьянами иногородними, были потрясены. Здѣсь не мѣсто излагать исторію борьбы за и противъ донского земства, которое, объективно, было шагомъ впередъ въ дѣлѣ превращенія донской казачьей области въ Донской край, въ которомъ всему населенію края представлялись права самоуправленія. Для казаковъ это былъ регрессъ вдвойнѣ. Не они уже были хозяева края, хотя бы и номинально, — въ грамотахъ и другихъ актахъ, — а и пришельцы: населенные на ихъ землѣ крестьяне и явившіеся использовать казаковъ «иногородніе». Болѣе того, казаки были оттерты на второй планъ. Наконецъ, — и это пойметъ лишь тотъ, кто знаетъ государственное прошлое Дона и суверенныя права Круга, — самое самоуправленіе по закону 1875 г. было лишь придаткомъ ко всевластной администраціи, было весьма несовершенной и совсѣмъ не демократической (хотя бы и для однихъ казаковъ) организаціей.

Администраціей была организована Комиссія по вопросу о земствѣ, подъ предсѣдательствомъ ген. Маслоковца 1879—1880.

Она высказалась за «болѣе тѣсное соединеніе земскихъ органовъ съ...мѣстной администраціей» и за «подчиненіе ихъ серьезному, независимому отъ нихъ правительственному контролю». Областное Земское Собраніе 1880 г. отвѣтило на это, что Земскія учрежденія служатъ прочнымъ залогомъ лучшаго будущаго Донской земли.» Сложная и трудная работа, выполняемая земствомъ «безъ участія въ ней общественныхъ силъ съ успѣхомъ выполнена быть не можетъ»; эта работа, «являясь дѣломъ выборныхъ представителей всѣхъ сословій края, составляющихъ въ Земствѣ одно цѣлое, при постоянномъ и энергичномъ содѣйствіи администраціи, имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ». Областное Земское Собраніе было противъ умаленія правъ донского земства, «такъ какъ только эти права въ состояніи возвратить утерянное областью процвѣтаніе и только они одни послужатъ самою крѣпкою связью между областью и общимъ нашимъ отечествомъ — Россіей». Интересно отмѣтить это противопоставленіе «Края», Донской «Земли», — «общему отечеству» — Россіи. По существу земцы были правы, говоря, что только широкое самоуправленіе могло бы тѣснѣе привязать Донъ къ Россіи.

Въ отвѣтъ на предположеніе военнаго министра пріостановить дѣятельность земства на Дону (янв. 1881 г.) атаманъ Краснокутскій настоялъ на созваніи комиссіи изъ 100 представителей отъ всѣхъ сословій области. Милютинъ же полагалъ возможнымъ сдѣлать опросъ «выборныхъ отъ всѣхъ сословій», но не ранѣе, какъ черезъ $1^1/_2$—2 года послѣ закрытія земства.

Этимъ временемъ на престолъ вступилъ Александръ III. Представлявшейся ему донской депутаціи, выразившей опасенія за будущность земскаго самоуправленія, новый Императоръ сказалъ, что «введеніе земскихъ учрежденій онъ считаетъ правомъ, дарованнымъ краю его покойнымъ августѣйшимъ родителемъ и отнятіе этого права было-бы большой несправодливостью». Въ ноябрѣ 1881 г. созвали въ Новочеркасскѣ «комиссію для разрѣшенія основныхъ вопросовъ по предмету примѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Донской области», или т. наз. «комиссію 106-ти». Комиссіи дали всего 9 дней, разбили ее на три группы, чтобы отдѣлить представителей станицъ отъ интеллигенціи, и позволили каждой группѣ засѣдать лишь 3 дня.

Вторая группа, представлявшая коренныхъ донскихъ крестьянъ и торговое сословіе (т. е. часть иногородныхъ), высказалась, естественно, за земство. Третья группа землевладѣльцы, шахтовладѣльцы, коннозаводчики и представители войсковой администраціи — была увлечена за собою представителями земства (А. А. Донецкимъ и А. А. Карасевымъ) и признала, что «казаку нужно дать представительство въ управленіи всѣмъ областнымъ и окружымъ хозяйствомъ». Имя неважно, но оно должло быть «дѣйствительнымъ и широкимъ представительствомъ», такимъ, «чтобы и казакъ, и крестьянинъ, и землевладѣлецъ управляли общественнымъ дѣломъ черезъ своихъ избранниковъ и чтобы особые выборные отъ всѣхъ сословій контролировали это дѣло и давали указанія; чтобы судьба

этого представительства и дѣйствія представителей не зависѣли отъ усмотрѣнія единичныхъ административныхъ лицъ.»

Еще болѣе неожиданнымъ для властей оказался отвѣтъ первой группы — представителей отъ станицъ. Они выразили пожеланіе, «чтобы въ Новочеркасскѣ было утверждено Хозяйственное Выборное Гражданское Управленіе... При этомъ учрежденіи долженъ быть ежегодный созывъ Войскового Круга, состоящій изъ представителей отъ каждой станицы по одному человѣку, которые и должны обсуждать и утверждать всѣ дѣла самоуправленія и предъявлять правительству наши нужды...» Существующую администрацію казаки признали «совершенно полезною», — но, прибавляли они, «желательно, чтобы на всѣ должности гражданскія избирать представителей отъ населенія края.» Земскія учрежденія были «непріятны» казакамъ тѣмъ, что обложили ихъ налогами «за землю и недвижимыя имущества». Казаки заявляли, что, если земскія учрежденія и впредь будутъ «облагать ихъ деньгами», то «казаки сочтутъ это нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и окажутъ сопротивленіе»...

Казаки желали, чтобы «выборы чиновниковъ на гражданскія должности были не по старому Положенію 1835 г., а съ участіемъ наравнѣ и нашихъ «депутатовъ». Очевидно, представители станицъ уже забыли къ 1881 году, что участіе казачества въ выборахъ на должности, даже въ формѣ фиктивнаго подтвержденія состоявшихся выборовъ Кругомъ, исчезло еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до положенія 1835 года. Во всякомъ случаѣ они не хотѣли теперь оставлять выборы въ рукахъ одного дворянства. Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно также происходить «съ участіемъ въ смѣтахъ его нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашихъ представителей.» Наконецъ, казачество желало подтвержденія своихъ историческихъ правъ, а именно, «чтобы въ означенномъ Войсковомъ Кругу выносились всѣ регаліи и вычитывались всѣ Высочайшія грамоты, которыя все Войско Донское свято чтитъ и всѣмъ своимъ сердцемъ дорожитъ и будетъ отъ нынѣ и до вѣка изъ рода въ родъ хранить и благоговѣть передъ ними...»

Начальство ждало отъ «казаковъ» голаго осужденія земства и принципа самоуправленія, а въ отвѣтъ получило: «1) просьбу невойскового населенія сохранить земство, 2) пожеланіе представителей имущихъ классовъ и землевладѣнія о расширеніи и независимости мѣстнаго самоуправленія и 3) требованіе казачества возстановить Кругъ, выборы всѣхъ гражданскихъ властей и подтвердить конституцію края, хотя и изложенную по кусочкамъ въ десяткахъ грамотъ. Казаки говорили о прямомъ сопротивленіи обложенію ихъ, хотя бы и подъ предлогомъ земскихъ нуждъ; они торжественно заявляли, что будутъ изъ рода въ родъ хранить свои историческія права.

Казаки продолжали считать Донъ казачьимъ краемъ и противополагали себя и крестьянамъ и донскому дворянству. «Крестьянъ потому считаемъ мы противъ себя, — пояснили они, — что съ ними у насъ интересы противоположные и, сказать по правдѣ,

согласія между нами никогда не было, а главное, они очень зависятъ отъ помѣщиковъ, военную службу несутъ далеко меньшую, а благъ отъ земства имѣютъ больше. «Они» арендуютъ войсковыя земли, которыя надо употребить на прирѣзку станицамъ земли...» Изъ этого видно, что «крестьяне никакъ не могутъ въ земскихъ собраніяхъ быть на сторонѣ нашихъ интересовъ, когда таковые сталкиваются съ помѣщичьими интересами». Что касается «помѣщиковъ землевладѣльцевъ», — то они — офицеры . . . и «при существующей дисциплинѣ и чинопочитаніи» спорить съ ними невозможно. Поэтому «самые умные, честные и даже первые старики не рѣшаются быть гласными (земства), приходится замѣщать въ гласные г. г. офицеровъ. . .» Изъ всего этого и прочаго выходитъ, что мы зависимъ отъ доброй воли г. г. землевладѣльцевъ, и она очень часто обращается въ произволъ. . .»

Такимъ образомъ, казачество желало возстановленія историческаго Войскового Круга (и, именно, т. наз. «съѣзжаго Круга»), участія въ составленіи краевого и войскового бюджета, выборной администраціи. Но въ Кругу, чисто казачьемъ, не находилось мѣста ни для землевладѣльцевъ, ни тѣмъ болѣе для крестьянъ. Въ выборахъ администраціи землевладѣльцы могли бы еще участвовать, какъ казаки, приписные къ извѣстнымъ станицамъ. Но крестьянство оставалось въ глазахъ казачества пришлымъ элементомъ, хотя жило уже на Дону сто лѣтъ: тѣмъ болѣе всякіе «наброды» иногородніе, торговцы въ станицахъ, арендаторы паевыхъ и войсковыхъ земель, вообще «русскіе», — всѣ они являлись въ глазахъ казачества какимъ то чуждымъ элементомъ, не связаннымъ кровно съ Донскою Землею.

Правительство воспользовалось несомнѣнной нелюбовью донцовъ къ земской организаціи по закону 1875 г. и уничтожило зачатки того мѣстнаго представительства, въ которомъ могли бы найти примиреніе и объединеніе интересы всѣхъ слоевъ донского населенія. Оно закрыло земскія учрежденія въ 1882 г. О полновластномъ же Войсковомъ Кругѣ не было и рѣчи.

Что касается представителей революціонной интеллигенціи, то далеко не всѣ ясно представляли себѣ, чѣмъ былъ Донъ въ прошломъ, но многіе знали постепенную потерю Дономъ его правъ, знали традиціи вольнаго казачества, и возлагали на него надежды въ борьбѣ за политическое и соціальное освобожденіе русскаго народа въ его цѣломъ. Въ 1854 г. Герценъ писалъ: «Когда къ двѣнадцати милліонамъ рабовъ присоединятся казаки, глубоко обиженные потерей своихъ правъ и вольностей, раскольники «да сверхъ того часть дворянства, будетъ о чемъ подумать тогда жителямъ зимняго дворца» . . . Вольнолюбивыя стремленія казачества идеализировали и Бакунинъ и Огаревъ. Но Бакунинъ опасался, что «турки и поляки и даже турецкіе раскольники» (некрасовцы, донскіе эмигранты 1709 г.) могли бы вести на Дону «анти-народнорусскую политику». Петроградское тайное общество «Земля и Воля» въ 1862 г. намѣчало среди районовъ, гдѣ сохранилась память о вѣчевомъ строѣ», и «казачій» (т. е. донской) раіонъ, не считая волжскаго и

уральскаго. Корреспонденъ «Свободнаго Слова» (издававшагося эмигрантомъ Л. И. Блюммеромъ въ Берлинѣ въ 1862 г.) писалъ: «чѣмъ какая-нибудь страна добровольнѣе присоединилась къ Россіи, тѣмъ горше была ея участь. Ее, повидимому, щадили, наружно оставляли старое устройство, но зато, въ сущности, запутывали страшными сѣтями, прокажали болѣзнями, которыя называются: самодержавіемъ, бюрократіей и холопствомъ». Изложивши исторію постепенной гибели донской автономіи и превращенія казачьихъ привиллегій въ одіозныя, авторъ восклицалъ: «О Русь, О Русь!» ... Когда всѣ дѣти будутъ равноправные граждане, а не «привиллегированные», въ родѣ донскихъ казаковъ, рабы.»

Начиналась идеализація Стеньки Разина, въ которомъ Бакунинъ видѣлъ »перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи», Пугачева. Авторы прокламаціи «Молодая Россія» (1862 г.) говорили о «народной партіи»: Сегодня забитая, засѣченная, она завтра встанетъ вмѣстѣ съ Разинымъ за всеобщее равенство и республику русскую, съ Пугачевымъ-за уничтоженіе чиновничества, за надѣлъ крестьянъ землею» ... Нечаевъ предвѣщалъ мрачно въ 1869 г.: Приближаются годовщины Стеньки Разина и Пугачева» ...

Революціонное народничество идеализировало казачье прошлое и даже серьезный (заграничный) журналъ П. Л. Лаврова «Впередъ» посвящалъ (въ 1873 г.) статью годовщинѣ Пугачевщины и независимости Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ Америкѣ «1773 годъ былъ точкой исхода блестящаго общечеловѣческаго прошедшаго», а въ Россіи 1773 годъ (Пугачевщина) былъ «кровавымъ началомъ великаго будущаго», будущаго не только для Россіи, но и для всего человѣчества ...

Анархическій (заграничный) органъ «Работникъ» (1875 г.) такъ популяризировалъ «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ»: «Таковъ то былъ грозный атаманъ. Онъ хотѣлъ всѣхъ сдѣлать казаками, а быть казакомъ, значитъ не платить царю подати, не работать на баръ, владѣть землей всѣмъ общинамъ вмѣстѣ и управлять народомъ черезъ выборныхъ людей отъ самого народа». (N 3.) Въ шестомъ номерѣ Работника «говорилось о казачествѣ, которое» московскимъ государствомъ, хитростью да коварствомъ, подарками да милостью было развращено и изъ вольнаго превращено въ служилое» ...

Органъ крупной революціонной партіи «Земля и Воля» (1878, г. N 1) полагалъ, что отнятіе земли у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ, съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ ... Такова-же, — добавлялъ авторъ статьи, — остается она теперь для громаднаго большинства русскаго народа» ... Поэтому эту программу принимали и издатели органа землевольцы, «революціонеры-народники». Врядъ ли, конечно, Разина и Пугачева можно зачислить въ соціалисты, но весьма интересно заявленіе землевольцевъ насчетъ «Казачьихъ

Круговъ». Органъ власти (Кругъ) они смѣшивали со станицами или же съ казачьими республиками («автономными общинами»). Легальный «Вѣстникъ Европы» отозвался весьма критически на идеализацію «казачьихъ круговъ» въ органѣ вольной россійской печати. Д. А. Клеменцъ, въ N 3 «Земли и Воли» возражалъ «внутреннему обозрѣвателю» Вѣстника Европы». «Очевидно, — писалъ онъ, — авторъ составилъ себѣ представленіе о казакахъ по французскимъ романамъ; ему дѣла нѣтъ до того, что казачій Кругъ-народное собраніе, имѣющее власть безаппеляціонно рѣшать свои внутреннія дѣла, судить, выбирать и смѣнять своихъ должностныхъ лицъ, т. е. самая широкая форма мѣстнаго самоуправленія». Клеменцъ не зналъ, что казачьи республики были не только самоуправляющимися общинами, но и государствами. Клеменецъ заявлялъ, что не русскій народъ создалъ становыхъ приставовъ и «современное государственное устройство» . . . Отъ современнаго россійскаго государства народъ нашъ бѣгалъ въ лѣса, за Уралъ . . . «Извѣстно, что противъ этого единаго россійскаго государства, сперва Московскаго, потомъ Петербургскаго, онъ возставалъ съ Болотниковыми, Разиными, Булавиными, Некрасовыми и Пугачевыми. Если и укрѣпилось современное устройство на Руси, то всѣ знаютъ, что оно укрѣпилось на крови народной, что оно досталось намъ цѣной погибели народной культуры и областной земельной и общинной автономіи.»

Такимъ образомъ, идея Круга, подавленная на Дону, возрождалась въ Россіи въ программахъ революціонныхъ народниковъ-федералистовъ. Естественно, что «землевольцы» попытались установить связь съ Дономъ. Молодому тогда землевольцу Г. В. Плеханову, пріѣхавшему спеціально изъ Петербурга, казачья интеллигентская группа доказывала, что донское земство — гораздо ниже подлиннаго казацкаго самоуправленія съ Кругомъ и т. д. Въ этомъ духѣ было казаками и Плехановымъ, совмѣстно, выработано воззваніе». Къ славному войску Донскому»[1]). Корреспонденцію о казачьихъ волненіяхъ (1878 г.) на Дону, посланную въ «Землю и Волю» Плехановъ началъ словами: «Вся русская исторія ничто иное, какъ непрерывная борьба государственности съ автономными стремленіями общины и личности». Мысль эту онъ доказывалъ примѣрами изъ исторіи Дона. По существу онъ былъ правъ; только Донъ боролся за свою государственность противъ московской, а вовсе не противъ государственности вообще.

Когда партія «Земли и Воли» раскололась на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», то обѣ эти партіи продолжали интересоваться казачествомъ, его идеалами (въ прошломъ), и правильно понимали народный характеръ вольной колонизаціи Юго-Востока и историческія судьбы казачества.

Еще до Плеханова, въ 1872 г., члены кружка «чайковцевъ» собирались пройтись по землѣ Войска Донского, потолкаться среди казачества, поразузнать, какъ велико недовольство его своимъ положеніемъ, живы ли въ немъ старыя преданія о казачьихъ вольностяхъ, о казачьихъ кругахъ, о Стенькѣ Разинѣ» . . .

[1]) Напечатать его не удалось.

Мысль объ угнетеніи казачества не чужда была вообще радикальной интеллигенціи. Извѣстный защитникъ по политическимъ процессамъ и поэтъ А. А. Ольхинъ, въ стихотвореніи, посвященномъ смерти Мезенцова: «У гроба», писалъ:

«Стонутъ Польша, казаки, забитый еврей,
«Стонетъ пахарь нашъ многострадальный» . . .

Исторія политическаго и экономическаго по цѣлямъ своимъ движенія въ средѣ казачества выходитъ за предѣлы настоящей работы. Отмѣтимъ лишь волненія казаковъ по поводу земства и, особенно, по поводу закона о лѣсоохраненіи, который былъ введенъ въ 1877 году. Они произошли въ ст. Луганской, Еланской и др. Генералу, грозившему усмиреніемъ и сказавшему, что онъ усмирялъ мужиковъ въ 1861 г., казаки отвѣтили многозначительно: «мы тебѣ не мужики». Относительно земства казаки заявляли: «У мужика земля царская, поэтому онъ и платитъ за нее подати; а у насъ, казаковъ, своя собственная, да и служимъ мы царю по своей охотѣ и за эту добровольную службу царь долженъ присылать намъ свои грамоты, подтверждающія наши старыя вольности казацкія». Хоперскій, Донецкій, Черкасскій, Усть-Медвѣдицкій округа отказались отъ уплаты земскаго обложенія. Хоперскій послалъ даже депутацію къ Августѣйшему Атаману просить объ отмѣнѣ земства. Александръ Александровичъ запомнилъ это ходатайство.

Глава VII.

Кругъ при Александрѣ III.

Въ царствованіе Александра III-го Кругъ собирался по традиціи въ немногіе дни въ году и имѣлъ характеръ войскового «парада». Въ 1887 г. имп. Александръ III посѣтилъ Донъ и 6-го мая, въ Войсковомъ Кругу, вручилъ наслѣднику знаки атаманскаго достоинства. Того же 6 мая 1887 г. обнародована была высочайшая грамота, въ которой Александръ III, «желая ознаменовать» тогдашнее свое посѣщеніе «славнаго Войска Донского знакомъ особаго къ нему благоволенія», подтвердилъ права и преимущества Войска. Грамота эта была дана не безъ повторныхъ ходатайствъ съ мѣстъ неоффиціальныхъ, конечно.

Въ 1890 г. (въ приказѣ N 32, по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ, отъ 24 декаб.) войсковой праздникъ Войска Донского былъ установленъ на 17 октября. Въ этотъ день долженъ былъ происходить «парадъ, именующійся Войсковымъ Кругомъ.»

Мѣрою, которая помимо грамотъ должна была охранить войсковую землю, было разъясненіе Сената по гражданскому кассаціонному Департаменту, состоявшееся въ 1894 г., о томъ, что «войсковыя и станичныя земли въ Донскомъ Войскѣ не могутъ быть пріобрѣтаемы въ собственность по давности владѣнія.» Что касается «особаго образа служенія», то онъ изъ привиллегіи превратился въ тягчайшую повинность. Остатки же автономіи истреблялись въ эту эпоху въ порядкѣ ликвидаціи послѣднихъ, случайно уцѣлѣвшихъ мелочей. Такъ послѣ уничтоженія земства въ 1882 г., совершенно

безцѣльнымъ оказался параграфъ, устанавливавшій въ штатѣ Областного Правленія двѣ особыя должности совѣтниковъ (одинъ по назначенію отъ правительства, другой по выбору земства), Закономъ 28 апр. 1887 г. обѣ эти должности были упразднены, и областное правленіе окончательно приблизилось къ обычному губернскому правленію. Уничтоженіе послѣдней выборной должности въ Управленіи Войска имѣло политическій характеръ. Земскія учрежденія были замѣнены въ 1882 г. областнымъ и окружными «распорядительными по земскимъ дѣламъ комитетами», исключительно чиновничьяго состава. Остаткомъ земства были съ 1882 г. по 1917 г. учрежденныя еще до введенія земства (въ 1871 г.) «Окружныя избирательныя собранія». Цѣль ихъ была, исключительно, выборъ мировыхъ судей. При уничтоженіи выборныхъ мировыхъ судей по всей Россіи (въ 1889 г) они были оставлены лишь на Дону (и въ станицахъ). Составъ окружныхъ избирательныхъ собраній былъ организованъ согласно закону о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. для землевладѣльцевъ и крестьянъ, и согласно закону 1875 г. о донскомъ земствѣ (для казаковъ, особымъ закономъ 1883 года).

Кромѣ того, присоединенная къ Донской области мѣстность Екатеринославской губерніи (Ростовскій на Дону уѣздъ и Таганрогское градоначальство) были лишены земскихъ учрежденій, дѣйствовавшихъ тамъ 21 годъ (1866—1887). За то на Дону образовали не существовавшее до тѣхъ поръ Областное Жандармское Управленіе.

Были введены общія для Имперіи правила по соляной части (1886) и по горной части (1885—1893). Общія мѣста заключенія были переданы въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (по главному тюремному управленію), но за содержаніе казаковъ въ тюрьмѣ должно было платить Войско. Въ сферѣ военнаго управленія уничтожили должность «походнаго атамана», сохранившуюся отъ тѣхъ временъ, когда колонія высылала вспомогательные отряды въ метрополію. Въ 1888 г. уничтожили старинный артельный порядокъ довольствія фуражемъ донскихъ полковъ. Казачьи части, внѣ Дона, подчинены были начальникамъ мѣстныхъ бригадъ.

Несмотря на всѣ объединительныя мѣропріятія на Дону не забывали объ автономіи, а Лорисъ-Меликовъ, оглядываясь назадъ, въ 1884 г. говорилъ объ опасности разложенія Россіи на составныя части. «Связь частей въ Россіи, — говорилъ онъ, — еще очень слаба. И Поволжье, и Войско Донское очень мало тянутъ къ Москвѣ . . .»

Войско вскорѣ увидѣло, какимъ несчастьемъ для края было уничтоженіе земства, хотя бы несовершеннаго (по закону 1875 г.). Съ 1882 г. тянутся безконечныя комиссіи по вопросу о введеніи земства на Дону. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ исторію. Войскового же Круга, о которомъ просили казаки въ 1882 г., не было дано, хотя въ эту именно эпоху казакамъ усиленно твердятъ объ ихъ казачьихъ «традиціяхъ», о томъ, что они исконные вѣрные слуги Престола, что земство имѣло цѣлью «расказачить» ихъ и т. п. Словомъ, традиціи вольнаго казачества подмѣняются традиціями

служилаго казачества. Войсковой Кругъ, выборность администраціи, самоуправленіе-обходятся молчаніемъ.

Въ области личныхъ правъ бывшихъ гражданъ Донской республики царствованіе Александра III ознаменовано мѣрами, усиливающими военно-государственное закрѣпощеніе казачества до крайней степени. Въ 1886 г. уничтожается должность «окружныхъ начальниковъ». Они оказываются слишкомъ «гражданскими» для милитаризуемаго Дона чиновниками и замѣняются «окружными атаманами», сосредоточивающими въ своихъ рукахъ власть и военную и гражданскую. Въ 1882 г. наказному атаману дано было право отправлять въ исправительномъ порядкѣ казаковъ строевого возраста, безъ очереди, въ полки; а отставныхъ казаковъ «вредныхъ въ общежитіи» ссылать въ отдаленныя станицы, срокомъ, въ обоихъ случаяхъ, на 4 года. Въ 1887 г. были изданы правила о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ казаковъ по усмотрѣнію наказнаго атамана.

Въ 1884 г. вмѣсто «домохозяевъ» позволили участвовать въ станичномъ сборѣ лишь десятидворнымъ. 1-го января 1892 г. ввели высочайше утвержденное 3-го іюня 1891 г. «положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ». Здѣсь не мѣсто излагать это положеніе, мало кому, къ сожалѣнію, внѣ казачьихъ войскъ, извѣстное. Оно устранило молодежь до 26 лѣтъ оть всякаго участія въ станичныхъ дѣлахъ, подчинило усмотрѣнію начальства всѣ стороны станичной жизни, усилило власть станичнаго атамана, ввело круговую поруку общества за исправный выходъ казаковъ на службу и этимъ закрѣпостило казака. Законъ этотъ далъ громадную дисциплинарную власть станичному атаману, сбору и суду. Главное Управленіе казачьихъ войскъ хотѣло даже ввести наказаніе 20 ударами розогъ, по приговору станичнаго суда, но Военный Совѣтъ отклонилъ это. Вмѣсто выборовъ атамана оставили сбору право представлять трехъ кандидатовъ. Атаманамъ станичнымъ и занимающимъ должности по станичному управленію стали давать награды. Станичный судъ, въ кассаціонномъ порядкѣ, былъ подчиненъ окружному атаману.

Въ связи съ усиленіемъ дисциплинарной власти станичнаго начальства вмѣшательство администраціи въ частную жизнь казака, даже внѣ военной службы, достигло крайней степени. Установившійся съ 1892 г. въ станицахъ порядокъ далъ основаніе казачьимъ депутатамъ говорить въ Государственной Думѣ о режимѣ «аракчеевскихъ поселеній». Таковъ былъ результатъ реформаторской дѣятельности Александра III. Граждане вольной колоніи превратились въ крѣпостныхъ рабовъ государства, несшихъ военную тяготу въ 13 разъ большую, нежели остальное населеніе.

Казачьи волненія второй половины 80-хъ годовъ и первой половины 90-хъ годовъ, были, однако, вызваны не политическимъ движеніемъ, а экономическими невзгодами казачества. По большей части, это было противодѣйствіе мѣропріятіямъ по чумѣ и по лѣсоохраненію. Самые серьезные безпорядки были въ ст. Кривянской въ 1893 г., когда пришлось вызвать регулярные войска, ибо казаки отказались «усмирять» своихъ же.

Революціоннаго воздѣйствія на казачество не было, въ сущности, и при Александрѣ III. Врядъ ли дошло до казаковъ «Объявленіе славному казачеству Войска Донского отъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли» (отъ 3 сен. 1881 г.). «Атаманы-молодцы» — писали авторы воззванія, напоминая казакамъ объ ихъ боевомъ прошломъ — «заслуга казацкая не въ одномъ бою съ бусурманами... Вольное казачество было колыбелью русской свободы. На казачьихъ земляхъ испоконъ вѣковъ всѣ были равны, всѣ были свободны.» «...Ваши дѣды всѣхъ принимали, никого не выдавали ...дѣлали мужика вольнымъ казакомъ и славнымъ воителемъ.» ...Кромѣ того, «много разъ славное войско казацкое подымалось на Москву, чтобы освободить народъ русскій.» ... «Въ этомъ самая великая заслуга казачества, что оно давало примѣръ вольности всей Россіи, и всегда за права свои и народныя стояло дружно, не щадя жизни...»

Авторы воззванія звали казаковъ на помощь русскому народу, разсказывали о борьбѣ за землю и волю противъ Александра II, котораго Исполнительный Комитетъ «за всѣ его жестокости самого присудилъ къ смерти и казнилъ 1-го марта.» ...Царь не исполнилъ требованія Комитета: вся земля — крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ артелямъ, а главное, чтобы онъ «созвалъ выборныхъ депутатовъ отъ всего народа, отъ крестянъ, рабочихъ, казаковъ и проч. и безъ совѣта тѣхъ депутатовъ не назначалъ податей, не издавалъ законовъ, не велъ войны».

Александръ III тоже объявилъ, что «будетъ царствовать по старому, земли мужикамъ не дастъ и съ выборными совѣтоваться не желаетъ.» «...Нужно — призывалъ комитетъ — поднять возстаніе и низвергнуть Правительство. На мѣсто его мы созовемъ Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ всего народа.» ...Комитетъ спрашивалъ, за кого станутъ «атаманы-молодцы» — за Царя или за Народную Волю. Дальше шла часть, спеціально посвященная казакамъ.

«А, кажется, царскія милости вамъ довольно хорошо извѣстны. Сами знаете, что права и вольности давно помаленьку сокращаются. Правда, теперь еще опасаются сразу перевести васъ на крестьянское положеніе, но дѣлаютъ это потихоньку, да понемножку... Ужъ и теперь нѣтъ у васъ прежняго выборнаго начальства, ужъ и теперь природному казаку трудно выбиться даже въ полковники, а въ Войсковое Правленіе и подавно.» ...На всѣ мѣста царь назначаетъ армейскихъ офицеровъ да чиновниковъ. Ваши войсковыя земли ужъ и теперь разобраны да порозданы, для того, чтобы не было въ казакахъ единодушія... Ваша служба годъ отъ году становится тяжелѣе, для того, чтобы вамъ самимъ не мила стала казачья жизнь и чтобы вы безъ большого сопротивленія согласились сдѣлаться крестьянами. Вотъ куда клонитъ Правительство». ...Комитетъ обвинялъ правительство во введеніи земскихъ повинностей, за которыми придутъ и казенныя. Отъ казаковъ отбираютъ арсеналы и орудія... Собираются уже и славное войско донское искоренить...»

...«Вольность противна царю. Цари васъ только потому не трогали, что боялись. Они знали, что стоитъ лишь казачеству подняться, такъ за нимъ двинется весь народъ. А теперь думаютъ что,... забылъ крестьянинъ свое братство съ казаками... и васъ начинаютъ подтягивать... и вовсе искоренятъ, если только не освободится весь русскій народъ. Если цари останутся такими же тиранами, какъ и теперь, если весь русскій народъ будетъ въ рабствѣ,... то не устоять и вамъ передъ царскими войсками. Если же народъ русскій освободится, то и всѣ вы останетесь вольными... Тогда вы, казаки, останетесь при своей землѣ, людьми вольными, ваши депутаты тоже будутъ въ правительствѣ, и никто не осмѣлится посягать на ваши права...» «...Либо вы вмѣстѣ со всѣмъ народомъ освободитесь отъ царскаго ига, либо вмѣстѣ со всѣмъ народомъ попадете въ вѣчное рабство»...«Идите же вмѣстѣ съ нами выручать Русскую Землю изъ неволи... Будетъ вамъ наградою земля и воля, и вѣчная слава въ потомствѣ.»...

Документъ этотъ, врядъ ли, дошелъ до Дона. Онъ интересенъ тѣмъ, что авторы его сочли нужнымъ успокоить казаковъ, что они останутся «при своей землѣ.». Изображеніе земства, какъ шага къ «омужиченію» казака было, конечно, несправедливо.

Не всѣ народовольцы вѣрили въ казаковъ. Такъ нѣкій «А. Дорошенко», въ томъ же, 1881 г. писалъ въ «Народной Волѣ»: въ настоящее время ни раскольники, ни казачество, представляющее привиллегированное сословіе сравнительно съ крестьянствомъ, неспособны, повидимому, дать лозунгъ къ народному возстанію». (N 5 «Нар. Воля»). Однако, для успѣха возстанія необходимо, чтобы «хоть нѣкоторая часть Войска и казачества перешла на сторону народа»...

Въ конституціонныхъ проэктахъ 80-хъ г. г. Дону было отведено извѣстное мѣсто. «Политическая программа общества «Земскій Союзъ» (въ 1882 г.) дѣлила Россію на рядъ самоуправляющихся областей. Каждая изъ нихъ должна была превосходить значительно размѣрами своими губернію, «за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ земель казачьихъ войскъ, покуда общій ходъ прогресса не изгладитъ окончательно эту отживающую форму самоуправленія».

Гораздо подробнѣе былъ разработанъ федеративный проектъ Драгоманова подъ названіемъ «Вольный Союзъ» (1884). Драгомановъ дѣлилъ Россію на 18 областей, кромѣ областей казачьихъ и средне-азіатскихъ. «Земли казачьи (Донская, Кубанская, Терская и Уральская), — писалъ онъ, — должны оставаться, какъ особыя области впредь до преобразованія казачьей военной службы и всего строя этихъ земель на началахъ всесословности, послѣ чего земля Уральскихъ казаковъ примкнетъ вѣроятно, къ области Саратовской, а первыя три составятъ съ губерніей Ставропольской[1]) одну область, съ сохраненіемъ мѣстныхъ отличій». Такимъ образомъ, Драгомановъ былъ первый, кто бросилъ мысль о созданіи общей Юго-

[1]) Въ 1884 г. Черноморье принадлежало къ Кубанской области.

Восточной области, которую самостоятельно пытались претворить въ жизнь творцы Юго-Восточнаго союза (1917 г.) и участники Южно-Русской Конференціи (1919 г.).

Глава VIII.
Кругъ при Николаѣ II.

Царствованіе имп. Николая II для Дона было эпохой, съ одной стороны полнаго отсутствія какой либо автономіи, съ другой стороны временемъ оживленія идеи Войскового Круга. Идея эта принимала различныя очертанія. То это былъ органъ чисто сословный, казачій, который долженъ былъ вѣдать дѣла общины донскихъ казаковъ; то Кругъ рисовался, какъ областной представительный органъ, съ участіемъ въ немъ лишь казачьяго населенія, потомковъ полноправныхъ гражданъ края. Съ другой стороны, въ связи съ борьбой за общенародное представительство, а затѣмъ, благодаря созданію Государственной Думы, возникла съ новой силой идея всесословнаго краевого (областного) земства.

Имп. Николай II не спѣшилъ подтвердить права Войска Донского. Прошло 11 слишкомъ лѣтъ, пока Войску дана была жалованная грамота. Понадобились многочисленныя неоффиціальныя ходатайства и напоминанія. Наконецъ, обнаружилась острая нужда въ казачьей помощи: надо было съ ихъ помощью спасать старый политическій порядокъ. И тогда, 24 января 1906 года, появилась эта грамота.

Самый заголовокъ ея совершенно пренебрегалъ исторической формулой. Не было ни «атамановъ и казаковъ», ни «юртовъ» и т. п. историческихъ терминовъ. Имп. Николай II ничего не зналъ ни о государственномъ прошломъ донской колоніи, ни о донской автономіи. Онъ зналъ лишь служилое, поселенное войско, на жалованной землѣ, онъ зналъ не вольное, а служилое, закрѣпощенное государству и ему, монарху, казачество. Поэтому, грамота Николая II адресована была: «Нашему вѣрнолюбезному и доблестному Войску Донскому». Это была послѣдняя грамота императорской Россіи, подтверждавшая права Дона, и поэтому мы приведемъ ее подробнѣе предыдущихъ:

«Съ первыхъ же временъ своего существованія, — гласила грамота, — свыше 300 лѣтъ тому назадъ, славное Войско Донское начало вѣрное свое служеніе Царямъ и Отечеству. Неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зарождавшагося тогда грознаго могущества Государства Россійскаго, она, съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностью своей и безпредѣльною преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ государства, богатырской грудью охраняло и содѣйствовало расширенію его предѣловъ.

Въ годины тяжелыхъ испытаній, неисповѣдимыми судьбами Промысла Всевышняго Царству Русскому ниспосланныхъ, всѣ донскіе казаки всегда съ одинаковой любовью и храбростью, становясь

въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ постоянно присущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами безсмертную славу и благодарность Отечества.

«И въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, донскіе казаки, свято исполняя завѣтъ своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, — явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества.

«За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ близкому сердцу Нашему, доблестному войску донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Бозѣ почивающими высокими предками нашими, утверждая Императорскимъ словомъ Нашимъ какъ ненаружимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску донскому историческую славу, такъ и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами и кровью предковъ и утвержденныхъ за Войскомъ Высочайшими грамотами.

«Мы твердо увѣрены, — заключалъ Николай II, — что любезные и вѣрные намъ сыны Дона, слѣдуя и впредь славному преданію отцовъ, всегда сохранятъ за собой высокое званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества».

Весьма характерна въ этой грамотѣ философія исторіи: заслуга казачества — это единственно его служебная роль въ дѣлѣ развитія «грознаго могущества» метрополіи. Не менѣе характерны: похвала Николая II за вѣрную службу «особливо, въ тяжкіе дни смуты» (т. е. революціи) и дарованное казакамъ званіе, преданныхъ «слугъ» и «охранителей Престола», вмѣсто обычнаго званія защитниковъ родины.

Вступая на престолъ, Императоръ Николай II вспоминалъ «завѣты усопшаго Родителя» своего и «проникался» ими. Каковы же были «завѣты» Александра III по отношенію къ Дону и казачеству? Этими завѣтами являлись: поддержаніе закрѣпощенности казачества, уничтоженіе самоуправленія, искорененіе остатковъ автономіи Дона, усиленіе дисциплинарной власти начальства въ мирной обстановкѣ станичной жизни, закрытіе общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, превращеніе казачества въ неразсуждающихъ «преданныхъ слугъ и охранителей» престола и стараго порядка. Отъ этихъ «завѣтовъ» Императоръ Николай II не отступалъ все свое царствованіе.

До 1917 года Войсковой Кругъ на Дону оставался лишь парадомъ. Попытка объяснить историческій смыслъ его, сдѣланная уже въ 1909 году, повлекла конфискацію брошюры[1]), какъ конфисковывались и другія брошюры, посвященныя исторіи донского народовластія. Въ ту же эпоху, когда казачество было двинуто на борьбу съ революціей, подъ рукою, и неоффиціально, донцамъ обѣщано было созвать на Дону Кругъ, какъ представительное собраніе. Обѣщаніе это не было исполнено.

Отъ автономіи Дона не осталось и слѣда. Высоко характерна судьба войсковыхъ грамотъ и «клейнодовъ». Во время путешествія

[1]) Лосевъ «Церковный парадъ 6 декабря» Новочеркасскъ, 1909 года.

на Донъ, военный Министръ Куропаткинъ нашелъ, что храненіе войсковыхъ регалій въ областномъ правленіи «небезопасно въ пожарномъ отношеніи» . . . Можетъ быть, онъ былъ и правъ. 6-го сент. 1901 г. регаліи и клейноды были перенесены изъ главнаго правительственнаго мѣста «на постоянное храненіе» въ Донской Музей. Отъ современниковъ, кажется, ускользнуло символическое значеніе этого перемѣщенія «хартій» и «клейнодовъ», но историкъ Дона долженъ отмѣтитъ этотъ фактъ. Содержаніе грамотъ стало достояніемъ и фактомъ исторіи, а «клейноды», въ смыслѣ государственно-правовомъ, превратились въ «музейную древность», вродѣ почетной сабли, поднесенной Платову лондонскимъ Сити.

Представительство Дона въ Военномъ Министерствѣ также исчезло. 20-го дек. 1897 г. состоялось закрытіе т. н. Казачьяго Комитета, учрежденнаго въ 1865 г. при Главномъ Управленіи казачьихъ (въ началѣ—иррегулярныхъ) войскъ. Депутаты отъ войскъ, хотя и назначаемые отъ атамановъ, были суррогатомъ статсъ-секретаріата по областнымъ дѣламъ, когда большинство областныхъ дѣлъ шло черезъ военное министерство. Теперь эти «свѣдущіе люди» по казачьимъ дѣламъ были признаны излишними. Даже задыхаясь отъ централизаціи, распухшее отъ числа чиновниковъ, ГлавноеУправленіе не пошло на дѣйствительную децентрализацію казачьихъ дѣлъ и, 28 мая 1901 г, передало областной администраціи на разрѣшеніе лишь самыя ничтожныя мѣстныя дѣла.

Къ самоуправленію на Дону, — казачье-сословному и областному Николай II и его правительство относились отрицательно. Здѣсь не мѣсто излагать исторію комиссій, учреждавшихся то на Дону, то въ центрѣ по вопросу о земствѣ. Кто только не ходатайствовалъ о возрожденіи донского земства. Дворянское собраніе 1898 г. съ большимъ волненіемъ постановило ходатайствовать предъ императоромъ о назначеніи комиссіи «для изслѣдованія причинъ, подрывающихъ хозяйственный бытъ Донского казачьяго Войска и о способахъ къ поднятію его благосостоянія.» Дворянство заявляло что, «современное экономическое положеніе казаковъ представляетъ тяжкую картину прогрессивно растущей среди нихъ нужды, могущей въ недалекомъ будущемъ привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Во главѣ спеціальной Комиссіи поставили ген. Маслоковца, который въ 1880 г. требовалъ уничтоженія донского земства, и даже тотъ вынужденъ былъ признать, что экономическое положеніе казаковъ «пошатнулось нѣсколько» и что нужно земство.

Но земства Дону не дали, а ген. Куропаткинъ, совершивши быстрый объѣздъ области, доложилъ Императору, что дѣло не такъ плохо, и предложилъ давать 100-рублевое пособіе казаку, выходящему на службу съ конемъ: главное вниманіе надо обратить на конскій составъ, ибо земли у казаковъ достаточно, но казачество ею «недостаточно энергично и умѣло пользуется» . . . Поэтому, вмѣсто земства, стали насаждать станичное коневодство. Въ эту эпоху создалась казачья поговорка, — довольно мѣткая, что войсковая администрація начинается войсковымъ наказнымъ атаманомъ и кончается станичнымъ жеребцомъ.

Учрежденные въ 1902 годъ областной и окружные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности единогласно высказались за земство. Однако, вопросъ этотъ похороненъ былъ до третей думы.

Между тѣмъ, процессъ ликвидаціи правъ и преимуществъ Войска былъ уже почти законченъ. Оставалось право на землю. Не успѣли объявить на Дону грамоту 1906 г., какъ Сенатъ, вопреки ясному смыслу закона и безчисленному ряду своихъ же рѣшеній, нанесъ 15 мая 1906 года тяжкій ударъ казачьей земельной общинѣ и неприкосновенности войсковой земли.

Сенатъ неожиданно нашелъ, что «казачьи земли не принадлежатъ ни къ разряду имуществъ, постановленныхъ прямымъ указаніемъ закона внѣ дѣйствія давности, ни къ числу имуществъ публичныхъ, доступныхъ всеобщему пользованію, а потому призналъ, что земли эти подлежатъ дѣйствію давности на общемъ основаніи. Съ другой стороны въ 1901 году еще разъ и на долгій срокъ, Задонская степь была сдана частному коннозаводству, и 951.806 дес. войсковой земли находились снова подъ коннозаводствомъ. «Временное» пользованіе начинало становиться вѣчнымъ, а станицы оставались безъ прирѣзокъ изъ войскового запаса.

Милитаризація управленія, доведенная до предѣловъ при Александрѣ III, оставалась неизмѣнной; а къ открытію I Думы (съ янв. 1906 г.) только 3 Округа Области не были объявлены на положеніи усиленной охраны (Сальскій, Черкасскій и I Донской).

Въ проэктахъ государственнаго переустройства Россіи, носившихъ федеративный характеръ, Донъ обыкновенно упоминался, какъ штатъ грядущей федераціи. «Славянофилъ» Шараповъ, желавшій создать «земско-областную самоуправляющуюся Россію подъ самодержавнымъ царемъ» дѣлилъ Россію на 18 областей, изъ нихъ 12 «коренныхъ русскихъ» и 6 «инородческихъ». Среди русскихъ областей была «Казачья Область» (съ главнымъ городомъ Ростовомъ на Дону). Она образовывалась изъ части губерній Екатеринославской, части Области Войска Донского, части губ. Астраханской (до Волги), губ. Ставропольской и Черноморской и области Кубанской и Терской. Сѣверную часть области Войска Донского Шараповъ прирѣзывалъ къ Средне-Черноземной области (съ Воронежемъ). Во главѣ области долженъ былъ стоять генералъ-губернаторъ, назначаемый государемъ и назначающій членовъ Областной Думы изъ числа членовъ Земскаго Областного Собранія. Послѣднее составляется изъ гласныхъ отъ «уѣздовъ» (округовъ) и отъ городовъ. Дума отвѣтственна въ равной степени и передъ Собраніемъ и передъ генералъ-губернаторомъ. Казачья область могла бы послать одного представителя въ Государственный Совѣтъ. Такимъ образомъ, въ 1899 г., черезъ 15 лѣтъ послѣ Драгоманова, Шараповъ выдвинулъ идею Юго-восточнаго края или области.

Соціалисты-революціонеры внесли въ I-ую Думу «проэктъ основного закона о землѣ». Проэктъ касался не только соціализаціи земли. Онъ дѣлилъ Россію на 18 областей. Донъ входилъ въ юго-восточную область (съ Новочеркасскомъ во главѣ). Туда же входили:

Кубанская область, губерніи Астраханская и Ставропольская — цѣликомъ; южная часть Саратовской губерніи и западная Уральской области, а также сѣверная часть Терской области (но безъ рѣки Терека). Сѣверная часть Донской области (по линіи сл.Краснопольской, Правоторовской, Ярыженской станицъ и слоб. Мачехи) отходила къ Приволжской области. Таганрогскій и Ростовскій округа отрѣзывались къ южной области. Зато прирѣзывались къ Юго-Восточной Области и части Богучарскаго уѣзда (Ворон. губ.) и Старо-Бѣльскаго уѣзда (Харьк. губ.) Во главѣ области должно было стоять областное земство.

Профессоръ К. А. Фортунатовъ, въ своемъ проэктѣ дѣленія Россіи на «національныя области» (1906) дѣлилъ Россію на 16 «штатовъ». Изъ нихъ одинъ — «Казачій» (изъ области Донской и Кубанской, 2 округовъ Терской, губерній Астраханской, Ставропольской и Черноморской — съ населеніемъ въ 6.700 тыс. чел. (Такимъ образомъ, и славянофилы, и федералисты-націоналисты, и соціалисты-федералисты выдвигаютъ идею Юго-Восточнаго Казачьяго Штата (съ участіемъ Дона).

Проэктъ «Союза Освобожденія» (1905 г.) оговорилъ превращеніе Дона въ губернію, отрицая именованіе области и «Земли» (Земля Войска Донского). Донскіе автономисты (реакціоннаго и либеральнаго оттѣнка) продолжаютъ думать о присоединеніи къ области того, что было отрѣзано отъ нея при Петрѣ Великомъ. Между тѣмъ, въ кругахъ торгово-промышленныхъ, въ связи съ грандіозными проэктами Волго-Донского канала, великихъ желѣзнодорожныхъ путей (Сибиро—Приазовско—Черноморскіе порты; Одесса—Ростовъ; Ростовъ—Закавказье черезъ хребетъ Кавказа, и т. п.) въ связи съ осуществляемымъ частично шлюзованіемъ рѣкъ и проэктами глубокаго порта въ Ростовѣ и другими предпріятіями на Сѣв. Кавказѣ, возникаетъ идея Юго-Восточной Области. Эта идея исходитъ не изъ мысли объ объединеніи казачества или политическихъ соображеній, а изъ соображеній чисто экономическихъ. Экономическій расцвѣтъ юга передъ 1914 г. даетъ оправданіе этимъ планамъ областного переустройства Юго-Востока.

Здѣсь не мѣсто излагать вопросъ о казачествѣ въ программахъ общерусскихъ политическихъ партій. Но нельзя не отмѣтить, что изо всѣхъ партій въ эпоху 1905—6 г. г., особенно отрицательно отнеслась къ нему партія соціалистовъ-революціонеровъ. Сторонница соціализаціи земли и всеобщаго ея передѣла, она особенно рѣзко ставила вопросъ о казачествѣ въ связи съ землею. Въ «Народномъ Вѣстникѣ» (сборникъ, 1906 г.) г. Л. Чермакъ писалъ, что «слово казакъ стало синонимомъ грубости, наглости, жестокости, звѣрства...» Онъ не сомнѣвается, что «когда наши народные представители получатъ власть, то казачій вопросъ будетъ однимъ изъ первыхъ, которымъ они займутся и разрѣшатъ его въ смыслѣ уничтоженія этой военной касты, являющейся покорнымъ орудіемъ... въ рукахъ правящаго класса.» ...Въ Іюнѣ 1906 г., въ с:-р. газетѣ «Голосъ» авторъ вернулся къ казачеству. Онъ возражалъ на заявленія казаковъ: что рѣшая казачій вопросъ, нельзя трогать казачью землю. «Почему

это, — восклицалъ г. Л. Ч. — русскій народъ въ моментъ коренной ломки поземельныхъ отношеній, проводя въ жизнь принципъ «земля трудящимся» долженъ блюсти какія то казацкія привиллегіи...» Прямо таки преступно поддерживать мнѣніе, что казачество является чѣмъ то особеннымъ, чего нельзя касаться. «...Какъ можно легко догадаться, именно, возможность покушенія, не только на войсковыя, но и на станичныя земли, во имя надѣленія ими малоземельнаго крестьянства (донского коренного, донского иногороднаго и россійскаго вообще), именно, заявленія партіи, претендовавшей на представительство всего русскаго крестьянства, а еще больше инстинктивное предчувствіе казачествомъ подобнаго будущаго — были причиной того, что казачья масса очень недружно приняла участіе въ политическомъ освободительномъ движеніи и враждебно отнеслась къ соціальному (аграрно-крестьянскому и рабоче-соціалистическому). Несомѣнно, казачество сильно помогло спасенію рушившагося въ 1905 г. стараго россійскаго строя.

Мы не будемъ касаться здѣсь дѣятельности общероссійскихъ политическихъ партій на Дону въ эпоху революціи 1904—1906 г. г. Она преслѣдовала цѣли общегосударственныя и находила откликъ въ соотвѣтственныхъ группахъ донского населенія. Идея Войскового Круга тѣсно связана съ казачествомъ и съ донскимъ «областничествомъ» и мы будемъ говорить о теченіяхъ чисто донскихъ, выдвигавшихъ идею Круга.

Донское консервативное областничество вело свое начало отъ старшинскаго автономизма временъ Екатерины II, дворянскаго автономизма эпохи Чернышевскаго «Комитета 1819 г.» «Оно никогда не умирало, причудливо сочетаясь съ подчеркнутой вѣрностью Государю и Россіи, съ признаніемъ *служилаго* и *служебнаго* значенія казачества. «Стариною», которую хотѣло охранить это теченіе, былъ конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка. Чувство любви къ родному краю роднило иногда старыхъ казачьихъ генераловъ съ радикальной молодежью университетскихъ землячествъ. Но именно это теченіе стояло за узкосословный характеръ казачества, поддерживало худшія стороны сословнаго эгоизма и классовой вражды по отношенію къ донскому и россійскому крестьянству, военно-кастовые предразсудки. Донъ представлялся имъ въ мечтахъ не былой вольной республикой, и не автономнымъ краемъ свободнаго Государства Россійскаго, а автономной дворянской провинціей, населенной покорными имъ царскими «слугами» и *охранителями* престола.

Земскія группы 1870—1880 г. г. были группами общероссійской идеологіи и движеніе, возникшее въ нихъ въ 1902 г., повело къ растворенію ихъ въ общероссійскихъ группировкахъ. Онѣ стояли за всесословное земское самоуправленіе на Дону и за облегченіе «одіозной привиллегіи» казачества, единственной, которую охраняло самодержавіе, за облегченіе казака отъ чрезмѣрной и непосильной военной тяготы.»

Донскія землячества въ университетскихъ городахъ (особенно въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ) въ 1870—1900 годахъ яви-

лись мѣстомъ сплоченія либеральной и радикальной молодежи. Членами донского землячества, казаками, были студенты Петербургскаго университета Орестъ Говорухинъ и Василій Генераловъ, принявшіе участіе въ подготовленіи покушенія 1-го марта 1887 г. на жизнь Александра III. Покушеніе не состоялось. Говорухинъ бѣжалъ заграницу, а Генераловъ-повѣшенъ. Но не только участіе въ обще-русскомъ политическомъ и студенческомъ движеніи объединяло студентовъ-донцовъ. Въ ихъ землячествахъ жила память о родныхъ станицахъ, о прошломъ Дона, и въ нихъ продолжали жить идеи В. Д. Сухорукова о властномъ Войсковомъ Кругѣ, учрежденіи республиканскомъ и демократическомъ. Сепаратистами молодые донскіе радикалы не были, и свобода Дона всегда сочеталась въ ихъ мечтаніяхъ со свободою всей Россіи. Вообще, донской либерализмъ и радикализмъ всегда былъ умѣреннымъ, трезвымъ, но твердымъ и настойчивымъ.

Оживленіе политической жизни Дона совпало съ общерусскимъ. Въ 1902—1903 г. г. въ Новочеркасскѣ появляются листки «Группы Свободнаго Слова»; въ началѣ 1903 г. казачьей интеллигенціей создается группа «Казацкая Воля». Въ первомъ листкѣ «Казацкая Воля» изображала историческую роль казачества, у котораго самодержавіе похитило вольности и которое оно послало на борьбу съ освободительнымъ движеніемъ. Самодержавіе же искусственно задержало духовный ростъ казачества, чтобы помѣшать его освобожденію. Вспоминая старый лозунгъ казачества: «тряхнемъ Москвой», организація звала казаковъ присоединиться къ общерусскому движенію.

Въ сентябрѣ 1905 г. возникъ «Областной Казачій Союзъ» въ Новочеркасскѣ, цѣлью котораго было — «раскрѣпощеніе казака», а путь къ нему лежалъ черезъ завоеваніе общенароднаго представительства. Пользуясь указомъ 18 февраля 1905 г. Сенату, члены Союза провели на станичныхъ сборахъ ряда станицъ приговоры, которые были скопированы съ приговоровъ «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза».[1]) Казаки охотно принимали пункты о всенародномъ представительствѣ, всеобщемъ образованіи, но въ «милиціи» заподозрили обращеніе въ солдаты, а въ «надѣленіи землею» — раздѣлъ своихъ казачьихъ земель между крестьянами.

Въ концѣ 1906 г. была издана объяснительная записка къ проэкту устава «Казачьяго Союза». Записка была написана сильно и довольно вѣрно изображала прошлое вольнаго Дона. «Воля, независимость свободной полноправной личности была для казаковъ дороже всего... И, говоря о завѣтахъ предковъ, не слѣдуетъ забывать, прежде всего, этого. Изъ исторической борьбы казачества за свободу и независимость вытекали и главнѣйшія права казачества: право на самое широкое самоуправленіе и право на всю землю, которую казачество кровью своею пріобрѣло.» ...Союзъ думалъ, что роль казачества не сыграна. Новая «наиболѣе славная и почетная роль казачества — въ борьбѣ за лучшія формы

[1]) Приговоры состоялись въ станицахъ: Старочеркасской, Хомутовской, Кагальницкой и нѣкот. другихъ.

государственности, противъ самовластія и произвола — въ борьбѣ за свободу и права не только свои, но и всѣхъ угнетенныхъ. Тутъ именно, славные завѣты старины гармонически сочетаются съ завоеваніями человѣческой мысли въ новые времена... И чѣмъ скорѣе казачество пойметъ свои интересы и свое значеніе, тѣмъ скорѣе оно повернетъ шансы на побѣду въ пользу народа.» ...Когда эта побѣда наступитъ, «человѣчество убѣдится, что формы широкаго народоправства и свободнаго общежитія созданы были людьми борьбы за право личности еще раньше. И въ числѣ этихъ борцовъ за право не послѣднее мѣсто занимаетъ казачество.» ...Итакъ, не отдѣленіе отъ Россіи, а «самое широкое самоуправленіе» и участіе въ общенаціональной борьбѣ за свободу проповѣдывалъ «Казачій Союзъ». Но вопросъ о правѣ казачества на всю землю былъ изложенъ неясно, а этотъ вопросъ былъ очень важенъ и ясность въ немъ особенно необходима.

Въ 1906—1907 г. г. распространялось воззваніе «Донской Казачьей Организаціи», проникшее въ станицы, и озаглавленное: «Казачьи Нужды». Помимо общегосударственнаго представительства, Организація требовала широкаго самоуправленія, возстановленія Казачьяго Круга, члены котораго избираются всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Войсковой атаманъ и другія выборныя власти избираются на 1 годъ всѣмъ казачьимъ населеніемъ съ 20-лѣтняго возраста. Распоряженіе войсковымъ капиталомъ должно быть передано Войсковому Кругу. Въ отношеніи казачьей службы проэктъ программы требовалъ замѣны арміи «милиціей», т. е. вооруженія всѣхъ гражданъ, обучаемыхъ для этого военному искусству въ срокъ, потребный для этого и, притомъ, на мѣстахъ ихъ жительства.

Всѣ свободныя войсковыя земли, отведенныя подъ частное коннозаводство, подъ казенный Провальскій (конный) заводъ, и (почему то даже) подъ лагери войскъ и военныхъ училищъ должны были поступить «въ распоряженіе Войскового Круга для удобнаго использованія ихъ населеніемъ». Земли, находящіяся во владѣніи монастырей и церквей, безъ выкупа отбираются и поступаютъ въ распоряженіе Войскового Круга. Покупка Войскомъ помѣщичьихъ земель прекращается. «Частновладѣльческія земли отбираются безъ выкупа и поступаютъ въ распоряженіе крестьянъ, заселившихъ издавна эти земли, обрабатывавшихъ ихъ, какъ при существованіи крѣпостного права, такъ и послѣ него. «Такимъ образомъ, казачья Организація не требовала возвращенія Войску земель, захваченныхъ казачьей старшиной и нарѣзанныхъ донскому офицерству и чиновничеству за службу. Эти земли должны были пойти донскому коренному крестьянству. Даже иногородніе, т. е. арендаторы казачьихъ земель (войсковыхъ и станичныхъ) могли, повидимому, быть включены въ понятіе «населенія», для «удобнаго использованія» которымъ отчислялась въ особый фондъ чисто войсковая запасная земля. Казачья Организація намѣчала свободный выходъ казака изъ станичной общины съ участкомъ, экономически равнымъ его паевому надѣлу. Такимъ образомъ, Организація намѣчала разрушеніе, какъ

станичной, такъ и войсковой общины. Войсковой Кругъ намѣчался, какъ сословное, казачье представительство. Въ чемъ заключалось «широкое самоуправленіе» для всего населенія края, изъ проэкта не видно.

Нѣкоторое общеніе интеллигенціи и казачества произошло въ 1905—1906 г.г. на станичныхъ сборахъ не только въ Черкасскомъ, но и въ Донецкомъ, Хоперскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ округахъ. 7-го апрѣля 1905 г. станичный сборъ ст. Каменской составилъ приговоръ о созданіи полновластнаго всероссійскаго народнаго представительства.

Въ 1906 г., уже во время дѣятельности I-ой Государственной Думы, сборъ ст. Усть-Медвѣдицкой сдѣлалъ постановленіе весьма характерное. Требованія приговора были слѣдующія:

1. Въ Войскѣ Донскомъ должно быть возстановлено прежнее самоуправленіе казачества, долженъ по прежнему созываться Войсковой Кругъ изъ всѣхъ казаковъ- гражданъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ внутренней жизни казачества, какъ это было встарь.

2. Выборъ всѣхъ начальствующихъ въ Войскѣ лицъ долженъ быть изъ среды своихъ же казаковъ, начиная съ войскового атамана.

Итакъ предъ нами возрожденіе требованій Круга, выборность должностныхъ лицъ и мѣстнаго происхожденія послѣднихъ. Приговоръ говорилъ, конечно, не о возрожденіи непосредственной, а объ установленіи представительной демократіи (Кругъ изъ всѣхъ казаковъ). Но и въ немъ не было ни звука о не-войсковомъ населеніи края.

Аграрная программа была изложена такъ: «Вся земля, заключающаяся въ границахъ Области Войска Донского, какъ, завоеванная самими казаками у кочевыхъ ордъ и добытая кровью нашихъ предковъ должна всецѣло принадлежать казакамъ и на общинномъ пользованіи, что было подтверждено грамотою Императрицы Екатерины II въ 1786 г.[1]) Но, такъ какъ еще съ конца XVIII вѣка на Дону, благодаря поощренію правительства, образовалась частная собственность на землю, съ одной стороны, путемъ захвата казацкими старшинами общинной войсковой земли и заселенія ея крѣпостными крестьянами (1,607.749 дес.), а съ другой-черезъ раздачу самимъ правительствомъ непринадлежащихъ ему участковъ офицерамъ и чиновникамъ (1,187.749 дес.), что составляетъ полное нарушеніе казачьихъ правъ на землю, то мы съ своей стороны, находимъ справедливымъ поступить съ этой насильственно отнятой у насъ землей такъ: всю розданную офицерамъ и чиновникамъ землю выкупить на войсковой счетъ и возвратить казакамъ. Что же касается помѣщичьей земли, захваченной казацкими старшинами, то, принимая во вниманіе что она заселена съ давнихъ поръ крестьянами, прежде крѣпостными, эта земля должна быть выкуплена на государственный счетъ и роздана означеннымъ выше крестьянамъ. «Т. н. запасныя

[1]) 10 окт. 1780 г. были установлены лишь границы Войска, а «пожалованіе» состоялось 27 мая 1793 года.

войсковыя земли (въ томъ числѣ и сданная коннозаводчикамъ) —» повернуть въ распоряженіе и пользованіе казаковъ».

Такова была Усть-Медвѣдицкая црограмма, основанная на выкупѣ, которая своимъ «радикализмомъ» повергла въ трепетъ и правительство и донское дворянство. Послѣднее, свалившее Кутлера за его проэктъ выкупа, быть можетъ, было бы болѣе довольно, если бы казаки поддерживали болѣе радикальный проэктъ всеобщаго передѣла. Но казаки были умѣрены и реалистичны. И это, вѣроятно, дѣлало эту программу особенно опасной.

Болѣе радикальны были требованія наказовъ членамъ I Думы отъ станицъ Малодѣльской, Сергіевской и Березовской. Республиканскіе въ политической части, требовавшіе отобранія земли у помѣщиковъ для раздачи крестьянамъ, наказы эти, въ случаѣ отказа правительства, говорили о необходимости «съ оружіемъ въ рукахъ защитить свободу, бороться за землю».

Мы не будемъ здѣсь излагать ни исторію участія казачества въ борьбѣ съ революціей, ни исторію казачьихъ волненій и протестовъ противъ навязанной имъ роли усмирителей русскаго народа. Самая мобилизація казаковъ для этой борьбы была произведена съ нарушеніемъ закона. Казачество, исполнившее то, что считало долгомъ въ отношеніи правительства, начало протестовать противъ полицейской службы.

Казачье движеніе остановлено было рядомъ обстоятельствъ: созданіемъ народнаго представительства и надеждами, съ нимъ связанными, нѣкоторыми мѣрами правительства (репрессіи съ одной стороны, матеріальная помощь мобилизованнымъ, негласное обѣщаніе созвать Кругъ и кое какія мѣры для респредѣленія свободнаго земельнаго запаса между станицами, роспуска казачьихъ частей по домамъ и т. п). Но надо признать и то, что политически весьма радикальное, казачество было довольно консервативно въ земельномъ вопросѣ. Если нѣкоторые казаки мечтали возвратить Войску земли, отобранныя у него Петромъ, расхищенныя помѣщиками, розданныя офицерамъ, и даже заселенныя кореннымъ донскимъ крестьянствомъ, дабы возстановить цѣльность Войсковой территоріи и владѣній донской общины, то въ 1905 г. явственно почувствовалось и другое теченіе, шедшее извнѣ. Лозунгомъ этого теченія былъ передѣлъ всѣхъ, даже казачьихъ паевыхъ (надѣльныхъ) земель.

Здѣсь не мѣсто описывать крестьянское движеніе и первыя противорѣчія между организующимся крестьянствомъ и казачествомъ. Очень сильно и бурно происходило движеніе въ гражданскихъ округахъ Области, особенно въ городахъ Ростовѣ и Таганрогѣ. Но въ созданіи народнаго представительства нельзя умалять роль и донской казачьей интеллигенціи.

Глава IX.

I-ая и II-ая Государств. Думы.

Организація народнаго представительства 1905—1906 г. г. была чисто централистская. Не только чисто русское областни-

чество Сибири, Поволжья и національно-автономистскія стремленія Арменіи, Грузіи и т. п., но и законное стремленіе къ польской автономіи не получали удовлетворенія. Въ равной мѣрѣ, безъ всякаго вниманія остались автономныя стремленія Дона, Урала, Терека и Кубани, наслѣдницы Запорожья.

Положеніе 6 августа 1905 г. о выборахъ въ Государственную Думу дало Дону 12 мѣстъ въ Думѣ. Изъ нихъ одно — отъ Ростовскаго градоначальства. Кромѣ обычныхъ трехъ курій: съѣздъ уполномоченныхъ отъ волостей, съѣздъ отъ землевладѣльцевъ и съѣздъ городскихъ избирателей, для Дона создана была четвертая курія-съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ (по 2 отъ станицы). Всего областныхъ выборщиковъ было 177 человѣкъ. Больше всего было уполномоченныхъ отъ станицъ (79 чел.). Слѣдующая группа — землевладѣльцы (47 чел.). Отъ городскихъ избирателей 37 выборщиковъ. Отъ крестьянъ, составлявшихъ 50% населенія, — всего 14 выборщиковъ. Ставка дѣлалась на казаковъ и землевладѣльцевъ. Особенно ярко сказывалось преднамѣренное уменьшеніе числа крестьянскихъ выборщиковъ по округамъ: Донецкому — всего одинъ, Таганрогскому — всего три крестьянскихъ выборщика.

Указъ 13-го декабря далъ еще шесть мѣстъ выборщиковъ рабочимъ. Что касается верхней палаты, то и тамъ Донъ былъ представленъ весьма однобоко. Указъ 21 февраля 1906 г. о переустройствѣ Государственнаго Совѣта предоставилъ донскому дворянству право избирать 2 выборщиковъ на съѣздъ дворянскихъ избирателей для участія въ избраніи 18 «членовъ Совѣта по выборамъ отъ дворянства». «Временно, впредь до открытія земскихъ учрежденій въ области, землевладѣльцамъ области было предоставлено право выбора одного члена Государственнаго Совѣта. Выборщиками, въ данномъ случаѣ, были лишь тѣ, кто имѣлъ не менѣе 200 десятинъ и владѣлъ ими не менѣе 3 лѣтъ. Избраннымъ могъ быть лишь обладатель 600 дес. земли. Кромѣ того, Ростовскій биржевой Комитетъ могъ послать 2 выборщиковъ (одного отъ промышленности, одного отъ торговли) на съѣздъ выборщиковъ отъ промышленности и торговли, для участія въ избраніи 12 членовъ Гос. Совѣта по этой куріи. Таковы были права Дона на участіе въ народномъ представительствѣ въ 1905—1907 г. г.

Составъ и работа членовъ Думы и Совѣта отъ Дона въ 1906—1907 г. г. заслуживаютъ особаго очерка, но нельзя умолчать, что неизмѣннымъ избранникомъ Дона въ Думу всѣхъ четырехъ созывовъ былъ В. А. Харламовъ. Кромѣ того, видную роль играли въ 1-й Думѣ — Араканцевъ и Ефремовъ, во 2-ой — А. И. Петровскій и К. П. Каклюгинъ, въ 3-ей тотъ же И. Н. Ефремовъ, въ 4-ой Лебедевъ, Савватѣевъ.

Лѣвые донскіе депутаты первой Думы вошли въ составъ т. н. «группы автономистовъ», которая, впрочемъ, не просуществовала долго. Цѣль ея была: «децентрализація государственнаго управленія», которая «должна быть произведена на демократическихъ началахъ и на принципѣ широкой автономіи отдѣльныхъ областей,

устанавливаемой основными законами Россійской Имперіи». Но во второмъ параграфѣ автономисты требовали, чтобы «предѣлы и границы автономіи каждой отдѣльной области или территоріально-національной единицы устанавливались согласно волѣ его населенія.» Однако, была оговорена «нераздѣльность и неприкосновенность границъ Россійскаго Государства».

Гораздо болѣе серьезной по значенію и послѣдствіямъ была начавшаяся уже въ 1-ой Думѣ работа «казачьей группы», объединявшей казачьихъ представителей всѣхъ войскъ и донскихъ депутатовъ безъ различія ихъ политическихъ убѣжденій. Здѣсь объединились и представители тѣхъ областей, которыя имѣли свое государственное прошлое, и служилыхъ казачьихъ войскъ, бывшихъ лишь общинами въ составѣ Государства Россійскаго. Руководящая роль въ группѣ, во всѣхъ 4-хъ Думахъ, принадлежала Донцамъ.

Вопросъ о земскомъ самоуправленіи былъ поднятъ въ 1-ой Думѣ И. Н. Ефремовымъ, лучшимъ знатокомъ земскаго вопроса на Дону, но Дума прошла мимо этого, казалось ей, слишкомъ частнаго вопроса. Вопросъ же объ историческомъ прошломъ Дона былъ затронутъ во время преній по поводу запроса о незаконной мобилизаціи запасныхъ казачьихъ полковъ, т. н. 2-ой и 3-ей очереди. Харламовъ говорилъ о возрожденіи среди донского казачьяго населенія «того стараго духа свободы, который создалъ казачество, и который съ теченіемъ вѣковъ нашимъ «самодержавнымъ бюрократическимъ правительствомъ, истребленъ въ казакахъ». Араканцевъ напомнилъ, что россійское правительство отмѣнило «выборное войсковое правленіе на Дону», выборныхъ казачьихъ атамановъ и «древній сборъ казачьей общины». «Что такое земскій начальникъ, — сказалъ Ѳ. Д. Крюковъ — въ сравненіи съ нашимъ военнымъ администраторомъ, для котораго законъ не писанъ, ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ слова... Никакая казарма, никакая солдатская муштровка не можетъ итти въ сравненіе съ этимъ своеобразнымъ воспитательнымъ режимомъ, сковавшимъ все существованіе казака...»

Правый казакъ Савостьяновъ, упрекалъ Харламова за то, что онъ «навязываетъ казакамъ свободу»... Ужъ не такую ли свободу, восклицалъ урядникъ — которою казаки 300 лѣтъ тому назадъ пользовались.» ...Правда, тогда они никому не подчинялись и жили только въ зависимости отъ самихъ себя, да и межъ собой то ладу не было: кому хотѣли, тому служили, на чью сторону захотѣли перейти, на ту и переходили. Но теперь время не то. «Въ томъ же родѣ говорилъ и урядникъ Васильевъ, увѣряющій, что «казаки не просятъ освобожденія, а просятъ улучшенія ихъ быта.» . . .

Но Савостьяновъ быъ вынужденъ признать съ каѳедры, что при выборахъ казаки обращались къ депутатамъ съ просьбой, «чтобы внутренній режимъ (Дона) былъ построенъ на выборномъ началѣ, какъ это нѣкогда у насъ было», . . . и о «распредѣленіи войсковыхъ запасныхъ земель по станичнымъ юртамъ».

Насколько далеки были донскіе депутаты отъ мысли о сепаратизмѣ, видно изъ того, что Харламовъ упрекалъ правительство, которое «искусно поддерживало обособленность казачества, раздувало въ немъ непріязнь къ остальной части населенія, къ «иногороднимъ», къ русскому обществу. До послѣдняго времени, до эпохи этого освободительнаго движенія, для казака его область — это былъ особый міръ.» — «Это — моя страна: я здѣсь дома, — говорилъ казакъ, — а тамъ Россія, тамъ все чужое». И онъ не считалъ себя связаннымъ съ нею. Потакая такимъ инстинктамъ, наше правительство въ своей политикѣ по отношенію къ казакамъ сохраняло всѣ наружные признаки этой обособленности». . . И Араканцевъ негодовалъ на тѣхъ, кто прививалъ въ казакахъ презрѣніе къ «кацапамъ» (великороссамъ) и «хохламъ» (малороссамъ), и кто посылалъ ихъ противъ «дорогой и для казаковъ общей нашей родины. . .»

Такимъ образомъ, далекіе отъ какой либо мысли отдѣлить Донъ отъ Россіи, донскіе депутаты стояли за широкое мѣстное самоуправленіе, въ которомъ сочетались бы историческія формы и новое содержаніе. Въ той же Думѣ I-го созыва поставленъ былъ на очередь вопросъ о самомъ существованіи казачества, какъ особаго сословія, а равно и о казачьей землѣ. Въ борьбѣ по этому вопросу приняли участіе и донскіе (правые и лѣвые) депутаты и членъ Гос. Совѣта отъ Дона В. И. Денисовъ. Но этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы темы о Войсковомъ Кругѣ, автономіи Края и объ организаціи самоуправленія на Дону.

Во второй Думѣ вопроса о казачьихъ привиллегіяхъ коснулся донской депутатъ А. И. Петровскій, выступленіе котораго вызвало одинъ изъ самыхъ бурныхъ инцидентовъ за время существованія этой Думы. Говоря о военно-полевыхъ судахъ, Петровскій сказалъ, что правительство, обманывая служилое казачество «видимостью правъ, развращая его фальсификаціей привиллегій, пользуясь желѣзными тисками военной дисциплины, пустило казачество противъ освободительнаго движенія.» ...«Но это могло быть только до времени. Я говорю Вамъ, скоро настанетъ то время, и оно близится, когда ни одинъ казакъ не подниметъ нагайку и не обнажитъ...» Тутъ онъ былъ прерванъ бурными протестами справа.

Вопросъ о донскомъ управленіи и самоуправленіи былъ подробно разработанъ членами «казачьей группы» II-й Думы, приготовившими его для внесенія въ Думу въ качествѣ законопроэкта. Помимо политической части общаго характера, объединившей казачьихъ депутатовъ, въ программѣ группы были поставлены на очередь и «чисто казачьи задачи, вытекающія изъ особенностей казачьяго быта».

«Войсковое управленіе» — писали авторы программы Казачьей группы II-й Думы — «должно обнимать: а) органы правительственной власти и б) мѣстное самоуправленіе. Органы Правительственной власти опредѣляются потребностями общегосударственнаго управленія и устанавливаются общероссійскимъ законодательствомъ. Во главѣ каждаго казачьяго войска стоитъ Войсковой атаманъ, изби-

раемый казачьимъ населеніемъ изъ казаковъ и утверждаемый государемъ. Атаманъ является представителемъ высшей административной власти и наблюдаетъ за законностью постановленій органовъ самоуправленія.

«Главный органъ самоуправленія представляетъ Войсковой Кругъ (рада, сборъ, съѣздъ), избираемый отъ всего войска на 3 года, на основаніи всеобщаго избирательнаго права. По предметамъ своего вѣдѣнія, Кругъ дѣлаетъ окончательныя постановленія и обладаетъ правомъ самообложенія, участвуя въ распредѣленіи по Войску государственныхъ налоговъ и издаетъ объязательныя постановленія. Вѣдѣнію Круга подлежатъ всѣ мѣстныя казачьи нужды.» Въ числѣ ихъ, помимо общеземскихъ задачъ, мы находимъ: «Общіе порядки по казачьему землевладѣнію, а также всѣ хозяйственныя дѣла, связанныя съ отбываніемъ казачьей воинской повинности.» Исполнительнымъ органомъ Круга является избираемое имъ «Войсковое Правительство».

Проэктъ этотъ касался всѣхъ войскъ. Относительно Дона была сдѣлана оговорка о введеніи, кромѣ того, въ области земскихъ учрежденій на общихъ началахъ, съ измѣненіями, обусловливаемыми особенностями казачьяго быта и землепользованія. Земскія учрежденія должны были распространяться въ одинаковой мѣрѣ и на крестьянство. Мировые судьи должны быть избираемы всеобщей подачей голосовъ; все казачье духовенство должно избираться прихожанами; гражданское управленіе Войскомъ должно быть изъято изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства. Помимо нѣкоторыхъ мѣръ для облегченія тяготы военной службы казачества, программа требовала, чтобы «количество перво-очередныхъ частей опредѣлялось высшимъ военнымъ начальствомъ совмѣстно съ Войсковымъ Кругомъ». Вопросъ о не-войсковомъ населеніи Области предполагалось разрѣшить съ не-казачьими депутатами края.

Нельзя не признать половинчатымъ рѣшеніе многихъ вопросовъ въ этомъ проэктѣ, носившемъ не областной, не краевой, а сословно-казачій характеръ. Кругъ избиралъ атамана, начальника края, но рядомъ съ Кругомъ по Войсковымъ дѣламъ создавалось Областное Земское Собраніе для всѣхъ жителей, т. е. и для неказаковъ. Старая идея Круга, какъ обще-краевого органа была оставлена, но не замѣнена идеей обще-сословнаго краевого же представительства. Однако, трудно было передать дѣла казачьей общины, составлявшей все же около половины населенія области (въ 1895 г. — казаковъ 49,61 % всего населенія; въ 1915 г. — ихъ лишь 44 %) и исторически сложившейся, въ руки Областного Земства, не уничтожая казачества или не оказачивая остальное населеніе. Предлагаемое рѣшеніе превращало Войсковой Кругъ, былой суверенный органъ края, въ сословно-казачью организацію съ опредѣленнымъ сословнымъ кругомъ вѣдѣнія. Таково было компромиссное рѣшеніе вопроса, предложенное казаками II-й Думы.

Не вполнѣ понятно также, почему лишь казачье духовенство должно было избираться. Выборность Донского духовенства исчезла, правда, лишь въ 1830-хъ годахъ. Вмѣстѣ съ выборностью

атамана, уничтоженной въ 1723 г., возстановлялись выборность администраціи, исчезнувшая не такъ давно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выработанъ былъ членами II-й Думы и аграрный законопроэктъ, изложеніе котораго выходитъ за предѣлы темы.

Глава X.

Кругъ, автономія и самоуправленіе въ III и IV Государственной Думѣ.

Государственный переворотъ 3 іюня 1907 г., выразившійся въ изданіи, безъ согласія на то Гос. Думы, новаго избирательнаго закона, былъ направленъ также и противъ правъ Дона. Край долженъ былъ быть «наказанъ» за либерализмъ его депутатовъ въ I и II Думѣ. Ростовское градоначальство было вовсе лишено своего отдѣльнаго депутата. Отнынѣ гор. Ростовъ и Нахичевань должны были наравнѣ съ другими городами Донской Области участвовать въ избраніи выборщиковъ отъ городскихъ избирателей. Эти избиратели разбиты были на 2 куріи: на I и II Окружные съѣзды городскихъ избирателей.

Общее число выборщиковъ по Области, равнявшееся въ 1906—1907 г. г. 183 чел., было уменьшено до 142 ч. (на 41 чел.) Большую потерю понесли донскіе рабочіе: они имѣли 6 голосовъ и потеряли 3 голоса (50 %). Мало голосовъ имѣли крестьяне — 14 гол., у нихъ отняли 3 гол. (21·5 %). Городскимъ избирателямъ прибавили два голоса — вмѣсто 37 — стало 39. Но зато члены перваго съѣзда городскихъ избирателей (по всей Области), т. е. представители крупной буржуазіи, получили право имѣть 18 выборщиковъ, а члены второго съѣзда городск. избир. лишь 11 чел. Землевладѣльцамъ, которые имѣли 47 голосовъ, прибавили 32 голоса (68 %), а всего они по новому закону, имѣли 79 голосовъ, т. е. на 7 голосовъ больше, чѣмъ было нужно для абсолютнаго большинства голосовъ въ Областномъ избирательномъ Собраніи. Зато казаки оказались жестоко наказанными за то, что не оправдали надеждъ въ Госуд. Думѣ. Изъ 79 прежнихъ ихъ выборщиковъ они получили лишь 20. Пятьдесятъ девять голосовъ (т. е. почти 75 %) были у казаковъ отняты. Представители помѣстнаго класса, правившаго Россіей, не пожелали «простить» умѣренный, но и твердый либерализмъ донскихъ избирателей и ихъ депутатовъ. «Слуги и охранители Престола», грудью защищавшіе его въ тяжкую годину, превращались въ мало желательныхъ гражданъ 3-го разряда съ уменьшенной политической правоспособностью.

Уже въ IV Думѣ избирательный законъ этотъ въ примѣненіи къ казачеству подвергся рѣзкой критикѣ казачьихъ депутатовъ. Карауловъ, выступавшій (18 марта 1913 г.) указалъ, что Семирѣченское и Сибирское Войско вовсе были лишены депутатовъ, а Уссурійскій представитель былъ приписанъ къ Амурскому войску; у Кубанцевъ изъ трехъ Депутатовъ отняли 2. Донскія цифры числа выборщиковъ — извѣстны. Эти цифры ясно говорятъ, въ какомъ на-

правленіи былъ 3 іюня измѣненъ избирательный законъ по отношенію къ Донскому казачеству, и это не Богъ вѣсть къ какимъ анархистамъ и революціонерамъ, а къ тѣмъ, которые избрали въ свое время царствующій Домъ Романовыхъ на престолъ, къ тѣмъ, которые спасли Россію въ минувшіе годы Смуты» . . .

Голосъ справа замѣтилъ ему: «Казакамъ не слѣдуетъ заниматься политикой». — «И духовенству, батюшка, не слѣдуетъ,» — отбилъ выпадъ Карауловъ. Онъ напомнилъ, что въ 1767 г. изъ 518 депутатовъ Законодательной Комиссіи было 57 казачьихъ представителей, а въ IV Думѣ лишь 15, да и то по разнымъ цензамъ. Разнообразіе способовъ выборовъ въ однихъ только казачьихъ войскахъ, уменьшеніе числа казачьихъ выборщиковъ, наконецъ, подготовка выборовъ въ III и IV Думу все это привело «казачью группу къ убѣжденію сказать Государственной Думѣ прямо и открыто, что у насъ нѣтъ избирательнаго закона, а есть только канва, по которой можно вольно вышивать узоры административнаго произвола». Цѣль закона 3 іюля была ясна казачеству съ самаго начала. Казаки превратились въ «нежелательный» для правительства элементъ.

По закону 3 іюня были произведены выборы въ III и IV Думы. И все же Донъ послалъ снова либеральное большинство (5 к.-д., 2 прогрессистовъ, 1 октябриста, 3 умѣренно-правыхъ и 1 праваго). Что касается IV Думы, то они оказались еще менѣе утѣшительными для авторовъ закона 3 іюня. Въ 1912 году Донъ послалъ въ Думу: 8 депутатовъ к.-д., одного с.-д. (рабочаго) и 3 прогрессистовъ. Правые (крайніе и умѣренные) и даже октябристы были забаллотированы.

Донскіе депутаты III и IV Думы входили въ составъ казачьей группы и, совмѣстно съ нею, выработали и внесли въ Думу рядъ законопроэктовъ, касавшихся разныхъ сторонъ какъ краевой донской, такъ и казачьей сословной жизни. Дѣятельность депутатовъ въ Думѣ является темой, достаточной для особаго очерка. Мы ограничимся лишь изложеніемъ того, какъ обстоялъ въ III и IV Думѣ вопросъ о Войсковомъ Кругѣ и о Земскомъ самоуправленіи.

Уже 3 апр. 1908 года семьдесятъ семь членовъ внесли въ Думу законодательное предположеніе о распространеніи на Область земскаго положенія 1890 г. Законопроэктъ встрѣтилъ обычное отношеніе со стороны военнаго Министерства: оттяжку подъ предлогомъ разработки съ тѣмъ, чтобы похоронить его въ Архивѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Черезъ $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ (13 ноября 1908 г.) представитель Военнаго Министерства заявилъ, что Вѣдомство не встрѣчаетъ принципіальныхъ возраженій противъ введенія земства на Дону, но считаетъ непримѣнимымъ къ нему положеніе 1890 г., и поэтому беретъ на себя разработку особаго законопроэкта, въ основу котораго будутъ положены, во первыхъ, преимущество казачьяго населенія въ земскихъ учрежденіяхъ и согласованность земскаго положенія съ бытомъ и особенными повинностями казаковъ. Дума передала вопросъ о донскомъ земствѣ въ комиссію по мѣстному самоуправленію. Дѣло въ томъ, что истинныя намѣренія Главнаго Управленія казачьихъ Войскъ, съ одной стороны, и необ-

ходимость земства на Дону, съ другой стороны, были ясны даже этой реакціонной Думѣ 3-го іюня.

Уже при первомъ обсужденіи бюджета III Дума (27-го мая 1908 г.) приняла, по предложенію казачьихъ депутатовъ, пожеланіе, что необходимо: немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, на выборныхъ началахъ; выдѣленіе изъ вѣдѣнія военнаго Управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачей ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія и изъятіе органовъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія Военнаго Министерства».

Въ лицѣ войскового наказного атамана ген.-лейт. А. В. Самсонова Донъ впервые, послѣ долгаго перерыва, получилъ атамана, который задумался надъ причинами экономическаго оскудѣнія казачества. Въ то время, когда Донскіе депутаты внесли свой законопроэктъ, а Дума высказала пожеланіе о желательности самоуправленія въ казачьихъ областяхъ, на Дону предпринята была анкета среди казачества по вопросу о желательности земства. Иниціатива атамана была встрѣчена недружелюбно войсковой администраціей, употребившей всѣ средства для того, чтобы исказить предначертанія атамана. Разосланная по станицамъ оффиціальная брошюра («О земствѣ на Дону» Новочер. 1908 г.), порицая закрытое въ 1882 г. Земство, увѣряла, что «отъ земскаго самоуправленія казаки отказались сами, такъ какъ не захотѣли управлять земскимъ дѣломъ черезъ своихъ выборныхъ».

Правые круги выдвинули проэктъ областного агронома Шумкова, предлагавшаго два земства — одно для крестьянъ, другое — для казаковъ. При казачьемъ земствѣ дорогія «Земскія управы» оказывались ненужными, такъ какъ достаточно было, по мнѣнію Шумкова, лишь нѣсколько усилить составъ административно-полицейскихъ окружныхъ управленій и устраивать при нихъ и при областномъ правленіи «ежегодныя собранія гласныхъ отъ станичныхъ обществъ, которыя вмѣстѣ съ окружными атаманами и областнымъ правленіемъ и будутъ обсуждать всѣ казачьи надобности».

Несмотря на противодѣйствіе администраціи, 65% станицъ высказались за скорѣйшее введеніе земства, 10% отвѣтили уклончиво и лишь 25% высказались противъ.

Результатомъ анкеты была замѣна ген. Самсонова барономъ Таубе, командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Когда донскіе депутаты запросили Главное Управленіе казачьихъ войскъ о результатахъ анкеты, то получили отвѣтъ: «населеніе области-это только одна сторона, заинтересованная въ дѣлѣ, а имѣется еще и другая, не менѣе заинтересованная сторона, которая еще не высказалась-войсковое начальство». И представитель Военнаго Вѣдомства предложилъ думской подкомиссіи пріостановить разсмотрѣніе вопроса, пока войсковое начальство выработаетъ новый проэктъ. Въ октябрѣ 1909 г. изъ Петербурга просили бар. Таубе: «ускорить представленіе проэкта» . . . «Если же введеніе земскихъ учрежденій (на какихъ бы то ни было началахъ) является въ настоящее время невозможнымъ, то необходимо въ доказательство этого представить

вѣскія, по возможности основанныя на точныхъ данныхъ соображенія». Комиссія Гос. Думы рѣшила продолжать разработку проэкта, внесеннаго донцами.

Между тѣмъ, на Дону состоялся созывъ совѣщанія, которому начальство охотно готово было предоставить имя Круга. На Кубани еще въ Декабрѣ 1906 года была созвана Рада Кубанскаго Казачьяго Войска (засѣдавшая съ 1-го по 17 Декабря), въ составѣ 506 депутатовъ (по 3 чел. отъ станицы). Созывъ ея состоялся во исполненіе Высочайшаго повелѣнія-предоставить казакамъ самимъ рѣшить свой земельный вопросъ. По существу же дѣло шло о распредѣленіи между станицами части войскового запаса. 19-го Февраля 1907 г. Военный Совѣтъ положилъ: «предоставить войсковому наказному атаману право по окончаніи подготовительныхъ работъ въ Областномъ Правленіи, созвать въ г. Новочеркасскѣ представителей всѣхъ казачьихъ станицъ и, составивъ изъ нихъ войсковое совѣщательное собраніе, приступить совмѣстно съ ними, къ рѣшенію вопроса о распредѣленіи между станицами войсковыхъ запасныхъ земель» Постановленіе это было вызвано броженіемъ въ станицахъ: съ 1904 по 1907 г. 42 станицы и 6 крупныхъ хуторовъ ходатайствовали о дополнительномъ надѣленіи ихъ землею, и казачество начинало волноваться. Два слишкомъ года повелѣніе оставалось неисполненнымъ и начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ объяснялъ донскимъ депутатамъ, что прирѣзки излишни. Тѣмъ временемъ областное правленіе сдавало въ аренду громадные участки. Поэтому донскіе депутаты внесли въ Думу запросъ, который и былъ принятъ Думой единогласно (9 дек. 1909 г).

Въ связи съ этими шагами депутатовъ, 8 дек. 1909 г. бар. Таубе открылъ работы Войскового Совѣщательнаго Собранія, засѣдавшаго до 20 дек. 1909 г. Таубе подчеркнулъ въ рѣчи, что можетъ обсуждаться лишь вопросъ о раздѣлѣ свободной войсковой земли. Боялись возбужденія вопроса о дворянскихъ земляхъ. Въ Совѣщаніи, которому въ просторѣчіи присвоили имя Круга, участвовало 187 представителей отъ станицъ, которые и создали проэктъ распредѣленія между станицами части войскового земельнаго запаса.

Представитель станицы Константиновской А. А. Назаровъ выразилъ при закрытіи Круга надежду «на возстановленіе стариннаго казачьяго Войскового Круга». На войсковомъ «хлѣбѣ-соли» выступили представитель Новочеркасской станицы В. М. Марковъ и областной Предводитель дворянства А. П. Леоновъ. Марковъ говорилъ о взаимно довѣрчивомъ обмѣнѣ мыслей между атаманомъ, представителемъ царскаго правительства, и выборными людьми отъ казачества и желалъ, чтобы совѣщанія, если онѣ будутъ дозволены, могли касаться и другихъ неотложныхъ краевыхъ нуждъ. Намекая на донскихъ депутатовъ III Думы и называя ихъ «непрошенными радѣтелями», не понимающими духа казачьяго, онъ называлъ вредными ихъ проэкты объ устройствѣ казачьяго быта (т. е. о Земствѣ на Дону). Марковъ ходатайствовалъ о прекращеніи въ Области дѣятельности Крестьянскаго банка, о невзиманіи съ казаковъ-подо-

ходнаго, квартирнаго и другихъ прямыхъ налоговъ. Желалъ оставленія Дона въ вѣдѣніи Военнаго Министерства.

А. П. Леоновъ предполагалъ ходатайствовать о томъ, чтобы Совѣщанія были періодически постоянными и чтобы имъ присвоено было имя Войскового Круга въ память Историческаго Войскового Круга. Вмѣстѣ съ тѣмъ Леоновъ указалъ на необходимость улучшить экономическое благосостояніе казачества и не придавать значенія вопросу о томъ, какое вѣдомство будетъ вѣдать гражданскую жизнь казачества.

Нѣсколько разъ III Дума подходила къ вопросу о казачествѣ, въ связи съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ законопроэктомъ, или въ связи съ бюджетомъ. Не касаясь здѣсь вопроса о судьбахъ казачества вообще, и положенія донского казачества въ частности, отмѣтимъ здѣсь лишь тѣ моменты, когда вопросъ шелъ въ Думѣ объ остаткахъ донской автономіи.

17-го декабря 1908 г. Казачья группа внесла въ III Думу законодательное предположеніе объ устройствѣ мѣстнаго самоуправленія въ казачьихъ войскахъ. 5 іюня 1910 г. Дума признала предположеніе желательнымъ. Это было переработанное и расширенное предположеніе Казачьей группы II-ой Думы. Впослѣдствіи (27 февр. 1913 г.) проэктъ этотъ внесенъ былъ въ IV Думу. Авторы проэкта считали необходимымъ «созданіе самоуправляющихся органовъ двухъ разрядовъ: 1. для управленія хозяйствомъ войсковымъ съ чисто войсковымъ элементомъ, 2. общеземскаго, куда естественно могутъ входить по общности интересовъ и пропорціональной заинтересованности въ ходѣ мѣстной жизни и элементы инородческій и иногородній» . . .

«Кромѣ того, — писали авторы проэкта, — безсословность выборовъ въ органы мѣстнаго самоуправленія и отсутствіе ценза диктуются въ большинствѣ казачьихъ войскъ отсутствіемъ вообще сословій, а если имѣется привиллегированный классъ офицеровъ и чиновниковъ, — процентъ его незначителенъ и по вкоренившемуся въ самосознаніи казака и офицера понятію, въ вопрасахъ, не относящихся къ военной службѣ, всѣ являются равноправными казаками». О безсословности выборовъ и отсутствіи ценза при выборахъ въ земство авторы ничего не говорили. Очень интересна система представительства интересовъ, которою для земства замѣняли казачьи депутаты демократическую идею, примѣнявшуюся ими для Круга.

Основныя положенія проэкта были слѣдующія:

1. Въ казачьихъ войскахъ всѣ дѣла хозяйственныя, культурныя и экономическія, въ каждомъ войскѣ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію войскового Круга (рады, съѣзда) и войскового хозяйственнаго правленія, за законом'рностью постановленій которыхъ наблюдаетъ войсковой наказный атаманъ.

2. Войсковому Кругу принадлежатъ функціи распорядительныя. Войск. хоз. правленію — функціи исполнительныя.

3. Войсковой Кругъ состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на станичныхъ сходахъ всѣмъ войсковымъ населеніемъ мужскаго пола, достигшимъ 25 л. возраста.

4. Предсѣдатель и члены войск. хоз. правленія избираются войсковымъ кругомъ.

5. Въ зависимости отъ величины войскъ и мѣстныхъ условій учреждаются окружные съѣзды съ окружными хозяйственными правленіями.

6. Мелкой самоуправляющейся единицей являются станицы со станичными и поселковыми сборами, станичными и поселковыми управленіями. Станичныя и поселковыя управленія являются въ то же время и исполнительными органами общаго управленія по вопросамъ строевымъ и административнымъ.

7. Наблюденіе за дѣятельностью низшихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія въ кругѣ своего вѣдѣнія принадлежитъ Войсковому Кругу и войсковому хозяйственному правленію.

Наконецъ, въ казачьихъ областяхъ, гдѣ нельзя было образовать мѣстнаго самоуправленія, инородцы и иногородніе, могли посылать представителей въ Войсковой Кругъ, но съ правомъ участвовать лишь въ вопросахъ, не касающихся войсковыхъ капиталовъ и имущества [1]).

Итакъ Войсковой Кругъ долженъ былъ стать представительнымъ органомъ исключительно сословнымъ. Ему придавались функціи и земскаго собственно характера, такъ что трудно себѣ представить, какъ подобный Кругъ размежевался бы съ земствомъ. На Дону, напримѣръ, казачество видѣло бы именно въ Кругѣ «хозяина» Донской земли, а земство, конечно, заявляло бы, что оно представляетъ все населеніе и т. д. Въ проэктѣ этомъ надо видѣть попытку депутатовъ — дать хоть какое-нибудь самоуправленіе казачьимъ общинамъ, задавленнымъ администраціей; оградить права казачества отъ властной опеки начальства и отъ не-войсковой стихіи, просочившейся отовсюду на войсковую территорію, грозившей растопить или растворить въ себѣ казачество. Интересно, что въ такихъ областяхъ, какъ Терская, Войсковой Кругъ, по этому проэкту, могъ стать настоящимъ краевымъ органомъ, включивши въ себя и иногороднихъ и инородцевъ.

Нѣсколько разъ возникалъ въ Думѣ вопросъ о назначеніи войскового капитала. Какъ войсковая земля принадлежала, въ свое время, государству — донской республикѣ, такъ и войсковой капиталъ былъ остаткомъ донского государственнаго имущества и бюджета. Превративши Донъ въ свою провинцію, Государство Россійское не сдѣлало логическихъ выводовъ ни относительно земли, ни относительно капиталовъ. Какъ мы видимъ лишь въ 1860-хъ г. г. въ Петербургѣ послышались голоса, что государство суверенно по отношенію къ войсковой землѣ. Что касается капитала, то его государство стало прибирать къ своимъ рукамъ, взявши въ свои руки аппаратъ для его распредѣленія и расходованія (назначенное сверху и не выборное Областное Правленіе и контроль въ лицѣ Военнаго Совѣта). Затѣмъ, сохраняя долгое время областную авто-

---

[1]) Мы приводимъ редакцію внесеннаго въ IV Думу «Предположенія» казачьихъ депутатовъ.

номію, Донъ продолжалъ оплачивать государственные расходы изъ войскового капитала, что было естественно при автономіи Войска. Когда же войсковой капиталъ пересталъ носить свой мѣстный государственный характеръ и сталъ отчасти земскимъ, отчасти и больше всего сословно-казачьимъ капиталомъ, то государство обязано было взять на общегосударственный счетъ всѣ соотвѣтственные расходы. Между тѣмъ, Военное Министерство начинало именовать войсковой капиталъ государственнымъ, хотя не проведя этого принципа полностью.

При обсужденіи бюджета въ 1909 г. докладчикъ бюджетной комиссіи Гос. Думы Звегинцевъ указалъ на смѣшеніе въ войсковыхъ расходахъ — назначеній войскового, земскаго и административнаго характера.

Поэтому бюджетная комиссія желала, а Дума признала желательнымъ немедленное введеніе въ казачьихъ областяхъ мѣстнаго самоуправленія, что само собой должно выдѣлить группу расходовъ земско-хозяйственнаго характера и открыть источникъ, изъ котораго они должны быть покрыты; выдѣленіе изъ вѣдѣнія военнаго управленія гражданскихъ, культурныхъ и экономическихъ вопросовъ казачьей жизни съ передачей ихъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, и изъятіе органовъ гражданскаго управленія изъ вѣдѣнія военнаго министерства.

Очень оптимистически Звегинцевъ добавилъ, что «это дѣло для многихъ войскъ очень близкаго будущаго». Онъ думалъ опроэктахъ земства для Сибири и Юго-Востока, которые должны были пройти черезъ Думу. Но онъ забылъ о Гос. Совѣтѣ.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ Донской области и государства былъ нѣсколько разъ широко поставленъ В. А. Харламовымъ въ III и IV Думѣ при обсужденіи бюджета сперва Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, а затѣмъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба, куда въ 1910 г. были переданы казачьи и областныя дѣла. При обсужденіи бюджета въ 1910 г. Звегинцевъ снова напомнилъ Думѣ о принятыхъ ею пожеланіяхъ относительно мѣстнаго самоуправленія въ казачьихъ войскахъ: «Понятно это мѣстное самоуправленіе должно быть казачьимъ, потому что въ казачьихъ областяхъ хозяевами могутъ быть и должны быть только казаки...»

«На иногородннхъ можно смотрѣть какъ на пришельцевъ изъ сосѣднихъ областей, живущихъ тамъ въ виду нѣкоторыхъ своихъ выгодъ, но очевидно, не какъ на хозяевъ Войска.» Затѣмъ Звегинцевъ предложилъ пожеланія прошлаго года.

Харламовъ отъ имени казачьей группы съ радостью привѣтствовалъ уничтоженіе Главнаго Управленія. Онъ процитировалъ юбилейное изданіе военнаго министерства «Столѣтіе Военн. Министерства» т. XI, ч. 1, признавшее, что «главной заботой этого учрежденія» было «возможно прочное подчиненіе казачьяго населенія центральной власти» и съ этою цѣлью: «упраздненіе внутренняго самоуправленія казачества», возвышеніе казачьяго чиновничества и превращеніе его «въ исполнителей велѣній государственной власти, какъ прежде они были исполнителями велѣній Войскового Круга».

Представители министерства въ бюджетной комиссіи увѣряли депутатовъ, что пожеланіе Думы (прошлаго года) основано на недоразумѣніи, ибо самоуправленіе и такъ уже существуетъ въ казачьихъ войскахъ. Харламовъ указалъ, что станичные атаманы не избираются, а назначаются администраціей (утвержденіе 1 изъ 3 кандидатовъ), но часто бывало, что, не утверждая никого, присылали въ станицу атамана по назначенію. Всѣ приговоры утверждаются и нѣтъ самоуправленія даже въ хозяйственныхъ вопросахъ. Харламовъ ссылался на мнѣніе помощника войскового наказного атамана (1899), что «управленіе гражданской частью въ округѣ фактически перешло къ помощнику окружного атамана», но и тотъ ведетъ дѣло формально, ибо «исходящихъ» въ окружныхъ управленіяхъ за годъ доходитъ до 50.000. Еще ближе, чѣмъ окружные атаманы, стоятъ къ станичному самоуправленію т. наз. «засѣдатели»,[1]) бывшіе строевые офицеры, незнакомые съ законами. Харламовъ подробно разсказалъ исторію борьбы за земство съ 1882 по 1909 г. и поведеніе военнаго министерства въ эпоху III Думы въ вопросѣ мѣстнаго самоуправленія.

Военное Министерство утверждало, что «подчиненіе казачьей общественной жизни гражданскому начальству явнымъ образомъ отражается на пониженіи боевыхъ качествъ казаковъ и на упадкѣ исконныхъ казачьихъ традицій...»

Харламовъ напомнилъ, что это раздѣленіе введено было на Дону съ 1835 г. и существовало 50 лѣтъ (до 1886 г.) и за это время и на Кавказѣ и въ рядѣ войнъ казачество доказывало неизмѣнно свою боеспособность.

Семьдесятъ лѣтъ происходило назначеніе на Донъ атаманами не казаковъ и по этому поводу Харламовъ заявлялъ: «Военное Вѣдомство думаетъ, что только, посадивъ генераловъ, сосредоточивъ власть въ рукахъ генераловъ, оно можетъ сохранить боевую способность казаковъ...» Это — заблужденіе. Въ результатѣ этого правленія на Дону «казачество на Дону обнищало до такой степени, что на немъ къ 1 Іюня 1909 г. числится продовольственныхъ долговъ войсковому капиталу 3,231.849 р., а другихъ долговъ, лежащихъ на станичныхъ обществахъ тому же войсковому капиталу 1,225.108 р. «О какой же доблести Вы будете говорить среди нищаго, полуголоднаго населенія, которое нуждается въ продовольствіи...» Харламовъ приводитъ примѣры станицъ, въ которыхъ было до 50% и болѣе хозяйствъ, у которыхъ не имѣется достаточно скота и лошадей для хозяйства.[2]) Въ станицахъ, въ которыхъ было 92—94% земледѣльческаго казачьяго населенія, отъ 15 до 22% хозяевъ не имѣли совершенно живого инвентаря. «Мѣстное самоуправленіе,— заканчивалъ Харламовъ, — единственно можетъ прійти на помощь казакамъ въ этомъ положеніи...»

---

[1]) Такъ на Дону назывались исполнительные полицейскіе чиновники, равные становымъ приставамъ.

[2]) Въ Ѳедосѣевской станицѣ Хопер. окр. 55% хозяйствъ; въ Тишанской 46% въ Усть-Медвѣдицкомъ окр.: Березовская ст. 62%; Островская 53%; во Второмъ Донскомъ Округѣ, исключительно казачьемъ: Нагавская станица 91%; Верхне Курмоярская 65%; въ 1 Донскомъ округѣ — Терновская станица 38%.

Харламовъ требовалъ уничтоженія прежней сосредоточенности всѣхъ дѣлъ, касавшихся области, въ одномъ центральномъ управленіи и привѣтствовалъ постановленіе III Думы о распространеніи на казачьи области дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Въ 60—80 г. г. рядъ дѣлъ былъ изъятъ изъ военнаго вѣдомства, которое не протестовало, и переданъ въ соотвѣтственныя министерства. Харламовъ не касался вопроса о томъ, что въ былые годы эта сосредоточенность дѣлъ на мѣстѣ и сношенія Дона съ Имперіей черезъ Военное Вѣдомство (замѣнившее для области Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ), были признакомъ «особенности» Дона, его государственной и областной автономіи. Къ 1909 г. идея эта утратила свой смыслъ, автономіи не существовало, и чиновники и генералы Военнаго Министерства держались за старый порядокъ во имя чисто централистскаго, милитаристскаго вмѣшательства въ гражданскую, хозяйственную и иную жизнь казачества. Изъ органа, который единственно могъ сноситься съ автономнымъ Дономъ, военное вѣдомство превратилось въ органъ всевластной опеки надъ жизнью казака отъ колыбели до могилы. Понятно поэтому, что Харламовъ восклицалъ: «Въ государствѣ имѣть какой то правительственный аппаратъ, который совмѣщалъ бы въ себѣ всѣ силы, всѣ стороны всѣхъ министерствъ, имѣющихся въ Россійскомъ Государствѣ, но-это нелѣпость.»

Такимъ образомъ, признакъ и органъ автономіи превратился въ свою противоположность и давилъ казачество. Харламовъ коснулся и другого признака донской «особенности». «Казачьи области, — говорилъ онъ, — представляютъ собой въ денежномъ отношеніи государство въ государствѣ.» Очень правильное замѣчаніе. «Исторически это такъ и было. Но въ 1909 г. Харламовъ правильно устанавливалъ, что «войсковой капиталъ есть принадлежность всего войска, всего войскового населенія данной области...» Съ основаніемъ протестовалъ онъ противъ того, что казаки ничего не получаютъ изъ этого капитала.

«На эти капиталы, — говорилъ Харламовъ, — казаки содержатъ себя, суды и тюрьмы, куда ихъ сажаютъ; всѣ учрежденія гражданскаго управленія; уплачиваютъ льготнымъ офицерамъ жалованіе; уплачиваютъ на содержаніе военно-учебныхъ заведеній, которыя для нихъ поставляютъ офицеровъ; уплачиваютъ пенсіи чиновникамъ и офицерамъ изъ этого капитала; донскіе казаки выплачиваютъ и дополнительное жалованіе въ 13.000 своему атаману и т. д.»

«Я спрошу, — восклицалъ Харламовъ, — гдѣ, въ какой странѣ есть такое положеніе, чтобы маленькая часть населенія, одна губернія содержала себя цѣликомъ...» Между тѣмъ, кромѣ тѣхъ небольшихъ субсидій, которыя государство даетъ Донскому Войску, мы ничего не получаемъ. Государство ежегодно беретъ себѣ почти 12,000.000 р. питейнаго дохода и отдаетъ донскимъ казакамъ только одну десятую часть, согласно вѣковой привиллегіи войска; государство беретъ себѣ всѣ косвенные налоги и часть прямыхъ — квартирный, промысловый и др., казачье населеніе все управленіе области должно оплачивать своими собственными средствами.» «Прав-

да, часть расходовъ на общегосударственныя нужды была снята съ казаковъ: на войско былъ оставленъ процентъ расходовъ, соотвѣтствующій проценту казачьяго населенія. Вышло, что «казаки содержатъ все для себя и на свой счетъ, а часть, падающая на иногородних, принята на общегосударственный счетъ.» Харламовъ полагалъ, что надо идти до конца въ этомъ направленіи.

Требованіе это было логично. Если бы Донъ, сохраняя свою автономію, облагалъ бы всѣхъ жителей области, то тогда естественно было бы, чтобы войсковой (областной) капиталъ несъ затраты на мѣстныя государственныя учрежденія. Но этого не было. Многіе годы казачество оплачивало мѣстныя учрежденія, какъ будто бы донскіе казаки были единственно полноправными гражданами края. И до самой революціи оно платило за себя. Такъ, въ маѣ 1912 г. Дума разсматривала вопросъ объ учрежденій полицейской стражи въ крестьянскихъ волостяхъ Донской области. Бюджетная комиссія предлагала 25% ассигнуемой суммы возложить на войсковой капиталъ, а 75% на казну. Комиссія законодательныхъ предположеній предлагала возложить весь расходъ на казну. Харламовъ снова протестовалъ противъ «злосчастной точки зрѣнія военнаго министерства на Донскую область и войсковой капиталъ.» Докладчикъ бюджетной комиссіи защищалъ 25%, ссылался на то, что обычно на войсковой капиталъ, сообразно съ процентнымъ отношеніемъ казачьяго и не казачьяго населенія, накладывается 45%. Но тутъ было явно, что за счетъ казачьихъ сословныхъ денегъ (хотя бы и въ одной четверти) хотятъ оплачивать полицію для донскихъ крестьянъ. Кромѣ того, расходъ по полиціи былъ, вообще, расходомъ общегосударственнымъ. Дума возложила все на казну.

Болѣе того, III Дума, десятью днями позже (4 іюня 1912 г.), приняла проэктъ закона объ улучшеніи земскихъ и городскихъ финансовъ. Согласно законопроэкту была принята на счетъ казначейства часть расходовъ, относившихся ранѣе на денежныя земскія повинности. Среди нихъ въ Донской области отошли къ казнѣ расходы: по содержанію мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, по содержанію статистическихъ комитетовъ; по содержанію мировыхъ судебныхъ установленій; по отопленію и освѣщенію атаманскаго дворца и тюремъ въ станицахъ и г. Новочеркасскѣ; по разъѣздамъ разнаго рода оффиціальныхъ лицъ; по перевозкѣ арестованныхъ и др.

Тѣмъ не менѣе, въ 1913 г., во время обсужденія бюджета въ бюджетной комиссіи IV Думы, начальникъ казачьяго отдѣла Главнаго Штаба г.-л. Агаповъ заявилъ: «особые войсковые капиталы отличаются отъ средствъ казачьяго населенія и представляютъ изъ себя особаго рода государственные капиталы.» Съ исторической точки зрѣнія Агаповъ былъ правъ: до 1721 г. войсковые капиталы были государственными, до 1872 г. областными капиталами государственнаго характера, но съ этого момента они стали мѣстными средствами особаго назначенія. Войско Донское, превращенное изъ государства въ служилое казачье войско, естественно и за-

конно, считало, что эти капиталы стали изъ войсковыхъ-государственныхъ — войсковыми казачьими, т. е. сословными капиталами. Марковъ 2-ой спросилъ Агапова, въ чемъ же облегченіе для казачества, если Военное Министерство сниметъ, какъ оно обѣщало въ 1913 г., часть расходовъ съ государственнаго войскового капитала и переложитъ ихъ на казну.

Понятно, что и здѣсь Харламовъ, сообщивши, что на Дону тратится на общегосударственныя нужды не менѣе 2.772 тыс. руб. изъ войсковыхъ средствъ, твердо поставилъ вопросъ: кто же является хозяиномъ войсковыхъ капиталовъ въ цѣломъ, казачьи войска или военное вѣдомство? 12-го іюня 1913 г., во время преній по бюджету въ Думѣ Харламову пришлось вернуться къ вопросу о войсковомъ капиталѣ и указывать, что изъ него тратятся безконечныя суммы на содержаніе различныхъ установленій чисто государственнаго значенія[1]). Харламовъ настаивалъ, что войсковые капиталы — казачьи средства. Вопросъ о капиталахъ такъ и не былъ разрѣшенъ до самой революціи. Фактически они оставались въ распоряженіи военнаго министерства, Военнаго Совѣта и войсковой администраціи.

Основной привиллегіи войска — владѣнію землей — были нанесены новые удары. Въ дополненіе къ разъясненію Сената 1906 г., распространившему земскую давность на казачьи земли, Военный Совѣтъ (2 мая 1910 г.) постановилъ, что продажа въ казачьихъ войскахъ недвижимости можетъ быть производима общимъ порядкомъ законовъ гражданскихъ, — посредствомъ купчихъ крѣпостей, утверждаемыхъ старшимъ нотаріусомъ. Депутаты IV Думы одинъ изъ первыхъ законопроэктовъ своихъ посвятили защитѣ земли казачьей общины. Они ссылались — донцы на грамоты, потомки служилыхъ казаковъ — на Уложеніе царя Алексѣя Михайловича — и желали дополнить томъ X Св. Зак. новеллою 562: «Земли казачьихъ войскъ, какъ войсковыя, такъ и станичныя, юртовыя, составляютъ неприкосновенную войсковую собственность и дѣйствію земской давности не подлежатъ, ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ.»

Несмотря на постановленіе III Думы о ликвидаціи частнаго коннозаводства въ Задонской степи, Военный Совѣтъ (17 января 1913 года) продлилъ аренду еще до 1928 г. И въ IV Думѣ, Комиссіи бюджетная и по военнымъ и морскимъ дѣламъ высказались, что аренда эта убыточна и «несправедлива въ отношеніи Донского Войска, многія станицы коего давно уже нуждаются въ прирѣзкѣ земли.» Комиссіи назначали 1913—1915 г. г. на ликвидацію частнаго коннозаводства. Ничего не было сдѣлано. Не

[1]) Въ 1911 г. изъ 6.040 тыс. расходовъ по войсковому капиталу тратилось 2,788 тыс. руб. на слѣдующія нужды общегосударственнаго характера: содерж. Главн. Упр. Каз. войскъ; содержаніе казенн. и контрольн. палатъ и казначействъ; расходы на офицерскую кавалер. школу; инспектированіе юнкерск. уч.; жалованіе военн. слѣдователю; содержаніе мѣстъ заключенія; жалованіе войсковому атаману и состоящимъ при немъ чинамъ; содержаніе войскового Штаба В. Д., содержаніе управленія начальника артилеріи; содержаніе льготныхъ и запасныхъ батарей, содержаніе мѣстныхъ командъ, содержаніе льготныхъ офицеровъ и т. д.

только фактически сотни тысячъ дес. были изъяты изъ распоряженія войска, но и самое право казачества на войсковую землю колебалось.

За то одіозная привиллегія «образа служенія», тягостная повинность службы за свой счетъ съ конемъ и снаряженіемъ поголовно, эта привиллегія охранялась, какъ священная. Въ объяснительной запискѣ, представленной въ IV Думу, военное министерство, во имя исправнаго снаряженія казака, считало священнымъ и неприкосновеннымъ принципъ круговой поруки станичнаго общества за неисправнаго казака, а потому стояло за непремѣнное «сохраненіе въ казачьихъ областяхъ общиннаго пользованія землею». Такимъ образомъ, къ 1917 г. вольная община донскихъ казаковъ превратилась въ крѣпостную государственную организацію, а станица (общество) въ органъ закрѣпощенія отдѣльныхъ казаковъ путемъ круговой поруки.

Главнымъ дѣломъ донскихъ депутатовъ III иIV Думы, кромѣ нѣсколькихъ законовъ средняго и мелкаго значенія, проведенныхъ черезъ Думу и Совѣтъ, былъ законопроэктъ о донскомъ земствѣ. 30 янв. 1912 г., въ концѣ 5-го года дѣятельности III Думы, удалось довести до общаго собранія Думы этотъ проэктъ. Докладывалъ его И. Н. Ефремовъ, разсказывавшій коротко исторію четырехлѣтней его разработки. Начальникъ Главнаго Штаба ген. Михневичъ заявилъ, что министерство разрабатываетъ свой проэктъ. Онъ былъ противъ думскаго законопроэкта, какъ «не согласованнаго съ видами военнаго министерства на этотъ вопросъ». Но Дума, безъ преній, перешла къ разсмотрѣнію вопроса, и 15 февраля 1912 г. приняла въ 3 чтеніи законопроэктъ «о распространеніи земскаго положенія на Область Войска Донского», а также «правила о примѣненіи къ Области Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и Устава о земскихъ повинностяхъ». 9-го марта 1812 г. Дума приняла окончательную редакцію. Земству передавались обычныя для этого случая учрежденія, въ томъ числѣ областная и окружная больницы, которыя въ 1875 г. не были переданы земству той эпохи администраціей.

Въ виду неудовольствія, которое въ 1870-хъ г. г. вызвали въ казачествѣ денежные земскіе сборы, въ пособіе станицамъ по уплатѣ денежныхъ земскихъ сборовъ съ земель станичныхъ обществъ, должны были быть переданы: 1. суммы изъ войскового капитала, шедшія (въ 1912 г.) на содержаніе передаваемыхъ земству богоугодныхъ, врачебныхъ и учебныхъ заведеній; 2. 230.000 р. ежегоднаго пособія изъ казны станицамъ за потерю доходовъ отъ разрѣшенія торговли крѣпкими напитками; 3. долю станичныхъ обществъ въ ежегодномъ вознагражденіи отъ казны Войску за отошедшія въ казну питейные сборы.

Но войсковой капиталъ не обращался въ земскій капиталъ. Онъ оставался — на бумагѣ — достояніемъ Донского казачьяго Войска, — фактически же въ распоряженіи центральной и мѣстной администраціи. Земство должно было подчиняться министру внутреннихъ дѣлъ, а не военному.

Проэктъ примѣнялъ къ Области Земское Положеніе 1890 г., но въ окружныя земскія собранія вводились гласные отъ станичныхъ обществъ, избираемые на станичныхъ сборахъ, изъ числа всѣхъ членовъ даннаго станичнаго общества, по одному гласному отъ станицы. Крупнѣйшія станицы должны были избирать 2 гласныхъ. Не могли на Дону участвовать въ выборахъ, кромѣ лицъ, указанныхъ въ Земскомъ Положеніи, — совѣтники Областного Правленія, начальникъ Штаба Войска Донского и его помощникъ, окружные атаманы и окружные начальники, а также и ихъ помощники.

Интересы войсковой администраціи обезпечивались введеніемъ «представителей войска», по назначенію войскового начальства, въ рядѣ учрежденій (по одному въ каждое), а именно: въ окружныя и въ областное земскія собранія, въ областную и окружныя оцѣночныя комиссіи. На исполнительныя должности по земству, кромѣ обычныхъ лицъ, допускалось избраніе, большинствомъ не менѣе $^2/_3$ присутствующихъ въ собраніи, также и лицъ, неимѣющихъ имущественнаго ценза, но получившихъ высшее или среднее образованіе, при условіи, что они прожили не менѣе 1 года въ предѣлахъ области или округа, и вообще имѣютъ право занимать эти должности.

Помимо потребностей, обычно удовлетворяемыхъ за счетъ земскихъ потребностей, на Дону были отнесены къ нимъ: 1. содержаніе мировыхъ судебныхъ установленій, 2. содержаніе окружныхъ опекъ, 3. участіе въ призрѣніи семействъ казаковъ, призываемыхъ въ военное время на дѣйствительную службу, и семействъ казаковъ, поступившихъ на службу въ военное ополченіе. Кромѣ того, содержаніе и отопленіе нѣкоторыхъ военныхъ учрежденій и сельскохозяйственныхъ школъ. Не подлежали земскому обложенію войсковыя зданія, занятыя безплатно канцеляріями, казармами и т. д., а также земли подъ войсковымъ Провальскимъ заводомъ, станичными коневодствами и отведенныя для лошадей донской артиллеріи и для казачьихъ сборовъ. Денежные земскіе сборы станичныя общества должны были уплачивать изъ своихъ средствъ. Это значило, что сохраняется правило закона 1875 г., вызвавшее такіе протесты. Но, во первыхъ, почти всѣ округа платили уже эти сборы съ 1876 г. (и послѣ 1882 г.), во вторыхъ, станицамъ давалось извѣстное уже намъ пособіе. Окружныя земскія собранія должны были избирать — мировыхъ судей, засѣдателей окружныхъ опекъ и непремѣнныхъ членовъ окружныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Областное земское собраніе избирало непремѣннаго члена въ областное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Наибольшее число гласныхъ въ окружныхъ земскихъ собраніяхъ принадлежало представителямъ станичныхъ обществъ (158 ч.); за ними шли дворяне (первое избирательное собраніе) въ числѣ 73. Такимъ образомъ, коренные донцы (казаки и донскіе дворяне), при 315 гласныхъ имѣли большинство. Половина же голосовъ (158) принадлежала станичникамъ. Крестьяне имѣли лишь 38 мѣстъ и 46 мѣстъ было отъ 2-го собранія (прочихъ, кромѣ крестьянъ, каза-

ковъ и дворянъ, избирателей; сюда же входили и представители юридическихъ лицъ).

Сравнивая расписаніе гласныхъ по закону 1875 г. и по проэкту 1912 г., мы получаемъ слѣдующую таблицу:

Число окружныхъ гласныхъ по Области Войска Донского

По закону 1875 года			По закону 1912 года		
Отъ какой группы избирателей	Число окр. зем. глас.	% отн. къ общ. чис. глас.	Отъ какой группы избирателей	Число окр. зем. глас.	% отн. къ общ. чис. глас.
Землевладѣльц.	134	44.53	I. избир. (двор.). 73	119	37.75
Городск. избир. (торговое сосл.)			II избир. собр. 46		
Станичн. общ.	127	42.19	Станич. общ.	158	50.15
Сельск. общ.	40	13.28	Сельск. общ.	38	12.10
Всего по обл.	301	100,0	Всего по обл.	315	100,0

И такъ, казаки могли убѣдиться что — они хозяева края, а не крестьяне и даже не донскіе дворяне. Но, вѣроятно, именно это то и не понравилось Государственному Совѣту, который отвергъ этотъ законопроэктъ. Оказалось, что военное министерство провело свой проэктъ черезъ Военный Совѣтъ и Совѣтъ Министровъ и представило его въ Гос. Совѣтъ одновременно съ думскимъ, «какъ справочный матеріалъ», думая, что Совѣтъ замѣнитъ имъ думскій. Вышло проще.

Пока думскій проэктъ лежалъ въ Совѣтѣ, въ думской бюджетной комиссіи произошли пренія по поводу самоуправленія въ казачьихъ областяхъ. Было это уже въ IV Думѣ, въ 1913 г. Ген. Агаповъ заявилъ, что «земское самоуправленіе отнюдь не должно разрушать того уклада жизни и управленія казачьими войсками, который отличаетъ казака отъ не—казака. Цѣль министерскаго проэкта была, чтобы въ земствѣ «доминирующее значеніе имѣло казачье населеніе и чтобы иногороднее населеніе отнюдь не пріобрѣло засилія надъ казачьимъ» . . . Убѣжденіе всѣхъ старыхъ казаковъ таково, что казачьи войска только и существуютъ, пока управленіе ими сосредоточено въ военномъ вѣдомствѣ.

Марковъ 2-ой поддержалъ Агапова. Въ отсутствіе казаковъ съ Дона, «иногородніе, не отвлекаемые отъ своей родины обязанностями, возьмутъ въ свои руки земское самоуправленіе.» Для казаковъ «это будетъ не самоуправленіе, а управленіе, да еще не начальствомъ,

царевыми слугами, а людьми, которые съ ними на экономической почвѣ постоянно враждуютъ, борятся.» Марковъ 2-ой выражалъ скромную надежду, что Гос. Совѣтъ обезвредитъ попытку III Думы ввести земство на Дону «и что Богъ дастъ, ни одно казачье войско при жизни нашей не увидитъ своего самоуправленія...» Харламовъ напомнилъ, что донское земство прошло въ III Думѣ почти единогласно, и что пожеланіе о самоуправленіи въ казачьихъ областяхъ принималось 4 года подрядъ. »Иногородніе не возьмутъ земскаго дѣла въ свои руки, ибо, кромѣ Ростовскаго и Таганрогскаго, во всѣхъ округахъ казачье населеніе преобладаетъ.» И въ проэктѣ 1912 г. казакамъ обезпечено большинство. Сылаясь на существованіе нищихъ казаковъ, выпрашивающихъ хлѣбъ въ казацкой фуражкѣ и штанахъ съ лампасомъ, Харламовъ спрашивалъ: «Неужели государство думаетъ, плодя такое нищенство, что оно содѣйствуетъ укрѣпленію самобытной обособленности казачьяго войска...» Марковъ 2-ой возразилъ Харламову, что «казачество хочетъ не земскаго, а казачьяго самоуправленія, т. е. возрожденія старыхъ казачьихъ круговъ, выборнаго атамана. Но это не земское самоуправленіе.» Марковъ не хотѣлъ говорить, хорошо ли казаки мечтаютъ, но настаивалъ, что «казаки, разобравшись въ этомъ дѣлѣ и узнавъ, что иногородніе, съ которыми они спорятъ и соперничаютъ, будутъ играть преобладающую роль, облагать ихъ земли повинностями, не захотятъ этого самоуправленія...» Военное дѣло нельзя совмѣстить съ цѣлями культуры. «Когда вы введете земство, казаковъ не будетъ...»

Гос. Совѣтъ исполнилъ завѣтное жаланіе Маркова 2-го, и ни одно казачье войско не увидѣло земства въ періодъ Имперіи. Изъ принципіальныхъ вопросовъ, касавшихся положенія Дона и казачества, отмѣтимъ то, что и III и IV Дума вели борьбу съ Военнымъ Совѣтомъ, который продолжалъ, параллельно съ законодательными учрежденіями, законодательствать по вопросамъ гражданской жизни казачества. Желая обезпечить власть чиновничества, Совѣтъ министровъ представилъ 24 авг. 1909 г. на Высочайшее утвержденіе «Положеніе о порядкѣ примѣненія ст. 96 Осн. Зак.» Пунктъ 5-ый гласилъ: «Въ общемъ законодательномъ порядкѣ, по ст. 86 Осн. Зак. направляются: а) законодательныя дѣла, касающіяся гражданскаго управленія казачьихъ войскъ и подвѣдомственныхъ военному вѣдомству областей, если дѣла сіи не относятся къ устройству вооруженныхъ силъ Имперіи и къ управленію ими...» Такимъ образомъ, правила эти «обезпечивали» дѣло государственной обороны отъ народныхъ представителей. Но Военное Министерство, не желая выпустить власть надъ казачьими областями изъ рукъ, направляло дѣла самаго мирнаго характера, вродѣ учрежденія должности акушерки, по ст. 96 Осн. Зак. III и IV Дума отправляла подобные законопроэкты обратно, ибо «всѣ они касались интересовъ всего казачьяго населенія войска, а не того лишь его состава, который входитъ въ дѣйствующую армію...»

Мы не касались въ работѣ этой вопроса объ измѣненіи правоваго положенія донцовъ, какъ гражданъ края, и объ измѣненіяхъ въ области отбыванія казаками военной повинности. Но нельзя не

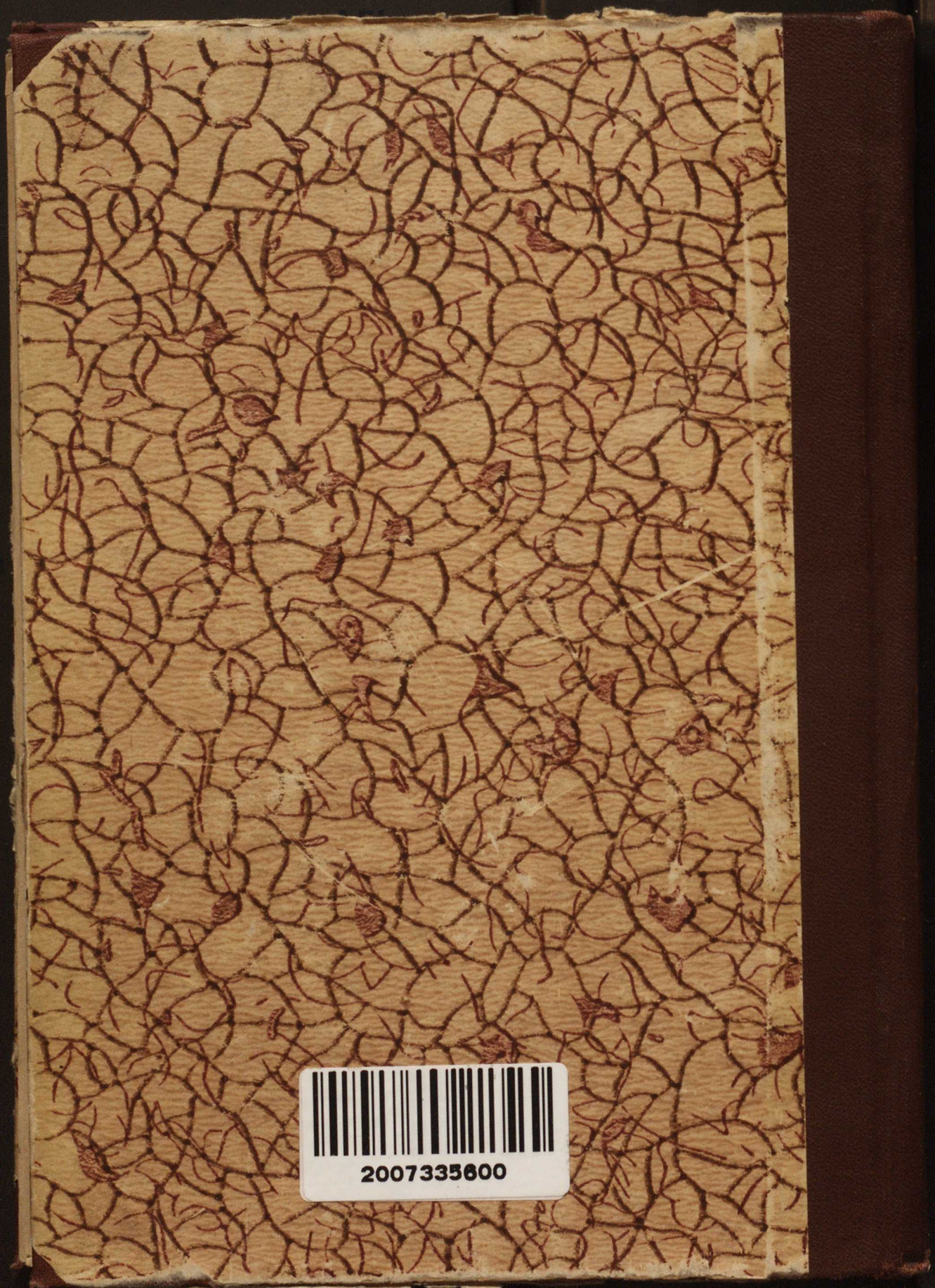
отмѣтить законопроэкта казачьихъ депутатовъ, внесеннаго въ IV Думу (27 февр. 1913 г.) и касавшагося т. н. «наряда» казаковъ на военную службу. Депутаты желали, чтобы казачій контингентъ опредѣлялся не волею военнаго министра, а законодательными учрежденіями, какъ остальной контингентъ арміи и флота. Кромѣ того, казачьими депутатами былъ вносимъ въ Думу всѣхъ 4 созывовъ рядъ законопроэктовъ, касавшихся различныхъ сторонъ казачьей жизни. Мы остановимся здѣсь лишь на тѣхъ, которые имѣли цѣлью или введеніе самоуправленія на Дону, или ликвидацію тѣхъ правовыхъ обломковъ, которые принадлежали къ эпохѣ донской государственности или донской автономіи и превратились или были превращены правительствомъ въ орудіе закрѣпощенія казака и Донского края.

Правительство уклонялось не только отъ разрѣшенія, но и отъ постановки казачьяго вопроса. Законодательныя же учрежденія заваливались т. н. законодательной вермишелью по казачьимъ дѣламъ. Третья Дума своимъ реакціоннымъ составомъ сильно повліяла на содержаніе земскаго проэкта (1908—1912 г. г.) Чтобы протащить земство черезъ Столыпинскую Думу, донцы сдѣлали всѣ уступки. Но Совѣтъ отвергъ и этотъ проэктъ. Третья Дума не желала и сама заниматься казачьимъ вопросомъ. Разъ въ году, при обсужденіи бюджета, Дума позволяла сказать рѣчь Харламову, лидеру казачьей группы и еще кому-нибудь. Затѣмъ рѣчи ограничивались 10 минутами, и обсужденіе вопроса прерывалось. «Вѣдь достаточно Харламовъ выплакался, и все мы знаемъ», — заявляло думское большинство. Такимъ образомъ, старая Россія цѣнила въ казачествѣ лишь безплатныхъ и безотвѣтныхъ слугъ, не желая вдуматься въ причины экономическаго оскудѣнія Дона. Англійскій писатель 1844 г. оказался провидцемъ.

За двѣсти лѣтъ пребыванія своего въ составѣ Имперіи Донской край утратилъ и свою государственность, и свою автономію, и свое самоуправленіе. Органъ Донского народовластія — Войсковой Кругъ сталъ лишь символомъ. Вольные граждане Дона превратились въ закрѣпощеныхъ государству служилыхъ казаковъ. Привиллегіи ихъ были утрачены почти полностью. Но столѣтія политической свободы, а затѣмъ автономіи не прошли безплодно. И въ дни великой разрухи государства Россійскаго вольная донская колонія проявила и высокое національное общероссійское чувство и выдающіяся способности государственнаго творчества.

С. Сватиковъ.

250 f.

2007335600